

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1978

2

СОВЕТСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ — 60 ЛЕТ

Город-герой Тула, площадь Победы. Вечный огонь и памятник героическим защитникам города.

Фото В. ЗИМИНА.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР» МОСКВА

2(86) ФЕВРАЛЬ 1978

Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, Н. А. ГАВРИЛОВА, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), А. М. РЕКУНКОВ,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ, А. М. ЯКОВЛЕВ.

В НОМЕРЕ

П. Ротмистров. На страже мира 4

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Беседы о Конституции

С. Максимов. Дело всего народа 12

О. Темушкин. Личность в СССР: неприкосновенность и гарантии ее 24

В. Ковалев. Политические узники в США 36

В Министерстве юстиции СССР 47

Слово народного депутата

Н. Шамота. Торжество разума и человечности 48

СОБЕСЕДНИК:

Советским Вооруженным Силам — 60 лет

М. Иванов. Кантемировцы 59

В. Дубинин. Братство 69

В. Лешев. Туляки 70

Добрый след 78

Природа. Человек. Закон

«Обязаны беречь природу...» 80

Я. Орлов. Необеспеченное ручательство 96

По протесту прокурора 105

Владимир Виноградов. Счастливый билет. Из записок следователя 106

Лучшие материалы, опубликованные в журнале «Человек и закон» в 1977 году 123

К итогам всесоюзного конкурса 123

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры А. В. ЕЛИЗАРОВА, Б. С. ТУМЯН.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

Я. Киселев. Самоамнистия. Записки адвоката

124

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Наши консультации

А. Мелентьев. Льготы семьям военнослужащих

131

Читатель на приеме у юриста

Льготы инвалидам Отечественной войны, желающим построить индивидуальные дома

134

Кто относится к членам семьи нанимателя жилого помещения и каковы их права и обязанности

135

Размер пособия по временной нетрудоспособности инвалидам Отечественной войны

135

Засчитывается ли в непрерывный трудовой стаж время службы в Советской Армии

136

Включается ли в общий стаж работы, дающий право на пенсию, период военной службы

136

В. Лимановская. Беззаконие, возведенное в закон

137

Зарубежная мозаика

144

Советским Вооруженным Силам — 60 лет

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: о верности военной присяге, о законах воинской жизни — уставах беседует с молодыми воинами Герой Советского Союза, полковник юстиции Иван Михайлович Зинченко.

Фото М. ШИШАНОВА.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва, 7 ноября 1977 года. Готовы к параду, готовы к защите Родины.

Фото В. ЗИМИНА.

Сдано в набор 1/XII-77 г. Подписано в печать 11/I-78 г. А 02007. Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,79. Заказ 2120. Тираж 3 435 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.).
Цена 40 коп.

Отпечатано 635 000 экз. (из общего тиража 3 435 000 экз.) с матриц Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16. Зак. 2486.

П. РОТМИСТРОВ,
Главный маршал бронетанковых войск,
Герой Советского Союза

НА СТРАЖЕ МИРА

Д

ве даты в летописи нашей страны — Великая Октябрьская социалистическая революция и день рождения Вооруженных Сил Страны Советов — стоят рядом. Близость эта глубоко закономерна. Наши Вооруженные Силы — детище Октября, щит первого в мире государства рабочих и крестьян.

Победа социалистической революции вызвала бешеную злобу мирового империализма, всех реакционных сил. Как внутренние, так и внешние враги стремились любой ценой задушить молодую республику рабочих и крестьян, восстановить буржуазно-помещичий строй. Одной решимости отстоять завоевания Октября, одного революционного энтузиазма было мало. Чтобы решительно отстоять молодое Советское государство, необходимо было иметь армию — армию регулярную, высокодисциплинированную и строго централизованную.

Выступая на торжественном заседании, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «Социализм может утвердиться лишь в том случае, если власть трудящихся сумеет защитить революцию от любых атак классового врага (а такие атаки неизбежны — как внутри, так, скорее всего, и извне)».

Сохранение и упрочение мира, созидательный труд ради блага людей, блага страны — вот к чему мы стремились на протяжении всей своей шестидесятилетней истории. И сегодня наше государство последовательно проводит в жизнь принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем — един-

ственно разумный и реалистический принцип. Рост могущества и международного авторитета Советского Союза, стран социалистического содружества является важнейшей гарантией соблюдения этого принципа. Новая Конституция СССР утверждает среди высших целей Советского государства — укрепление мира и развитие международного сотрудничества.

Выступая за мир и углубление международной разрядки, за прекращение гонки вооружения, наше государство учитывает, что опасность агрессивных войн в современном мире все еще не исключена.

Именно поэтому партия и правительство придают большое значение укреплению обороноспособности страны.

Советская Армия готова в любую минуту выступить на защиту своей Родины. И наш народ знает, что посягнувший на Страну Советов получит немедленный и решительный отпор.

Залог этой уверенности в неустанной заботе партии и правительства о совершенствовании боевого мастерства, идейной и физической закалке воинов, повышении их дисциплинированности и организованности, а также в искренней заинтересованности народа сохранить и укрепить неразрывное единство с Вооруженными Силами страны. Мы помним слова В. И. Ленина: «...Кто забудет о постоянно грозящей опасности, которая не прекратится пока существует мировой империализм,— кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике».

На протяжении всей своей истории советский народ брался за оружие только в том случае, когда враг угрожал его свободе и независимости. В первые годы после свершения Великой Октябрьской социалистической революции страна находилась в тяжелом положении. Три четверти ее территории захватили иностранные интервенты. Красная Армия переживала период становления, формировалась прямо в боях. Не было союзников, не хватало вооружения, обмундирования и, конечно же, не хватало хлеба. Четырна-

дцать государств-агрессоров мертвой хваткой вцепились в молодую республику. Одна за другой возникали белогвардейские армии. Бесчинствовали террористы и саботажники всех контрреволюционных мастей. Но Советская республика не потеряла силы духа.

Осенью 1919 года положение Петрограда казалось безнадежным. Войска Юденича были на подступах к колыбели революции. На суше и на Балтийском море действовали войска и флоты иностранных интервентов. В критический момент Ленин и ЦК партии приняли героические меры по спасению города. Были мобилизованы все силы, брошены в бой последние резервы. И город выстоял. Враг был разбит и отброшен.

Красная Армия крепла в огне войны и, к изумлению своих врагов, одерживала победу за победой. Сейчас мы с иронией вспоминаем угрозы всяких корниловцев и колчаковцев, деникинцев и врангелевцев, обещавших в несколько месяцев разбить «московский большевизм». Им — в массе своей профессиональным военным — казалась смешной сама мысль о том, что их может разгромить «мужичье с дубиной». Они ждали немедленной победы. Не дождались! Жорж Клемансо (тогдашний премьер-министр Франции) вынужден был подвести итоги, оценить прогнозы «специалистов по России», предсказывавших на базе «всех объективных данных» неизбежное падение революционного Петрограда. Слова его весьма знаменательны: «Случилось нечто такое, чего решительно никто не мог предвидеть. Россия, доведенная до крайних пределов разрухи, вся изголодавшаяся, теснимая со всех сторон изнутри и извне, эта Россия вдруг точно прикоснулась к какому-то источнику живой воды и ощутила в себе такую мощь, что отразила и последний удар Юденича и Родзянко — удар, как всем казалось, смертельный».

Под руководством партии Ленина Красная Армия разбила и выбросила за пределы страны интервентов, разгромила белогвардейцев, возвратив все захваченные ими территории. Помимо убедительной военной победы Красная Армия одержала в гражданской войне величайшую моральную победу, продемонстрировав превосходство армии нового типа — армии, защищающей интересы трудового народа. Основываясь на опыте гражданской войны и предвидя возможности новых агрессий и новых военных столкновений, В. И. Ленин говорил: «...Мы уже закалены нашим опытом и на основании фактического опыта знаем, что все эти попытки рассыплются прахом. И после каждой попытки наших врагов мы будем более сильными, чем были до них». История полностью подтвердила истинность этих слов.

Много славных страниц в истории нашей армии. Необъятна и

география ее подвигов. У озера Хасан, у реки Халхин-Гол, на Карельском перешейке и в снегах Заполярья советские воины дали должный отпор тем, кто пытался помешать мирному социалистическому строительству в нашей стране.

Дело не только в том, что с годами наша армия оснащалась все более совершенной техникой, различными средствами ведения боя. Советская Армия — первая армия в истории человечества, вооруженная огромной моральной силой, силой коммунистического сознания. Во всем своем величии проявилась сила духа советского воина во время Великой Отечественной войны.

Незадолго до войны прославленный летчик Валерий Павлович Чкалов говорил: «Победителем будет только тот, кто с уверенностью идет в бой». Уже на пятый день войны капитан Николай Гастелло направил самолет на колонну вражеских танков и бензоцистерн. Пожертвовав собой, он нанес немалый урон гитлеровцам. Его имя стоит в нашей памяти в одном ряду с именами Александра Матросова и Виктора Талалихина, Николая Кузнецова и Василия Захарова. Список этот можно продолжать бесконечно долго. В годы Великой Отечественной войны советские воины продемонстрировали невиданный в истории массовый героизм, самопожертвование и беззаветную любовь к Родине. Чувство долга и ответственности перед партией, согражданами своими, чудеса героизма и великодушие солдата-освободителя — вот что поразило в те годы народы всего мира.

Никогда не прерывавшаяся связь армии с народом окрепла в годы войны. Советские воины постоянно ощущали поддержку рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Только советские партизаны нанесли фашистским войскам больше потерь, чем английские и американские войска за всю вторую мировую войну.

Ратный подвиг солдат, самоотверженная работа тружеников тыла, мощное партизанское движение — вот свидетельства подлинно народного характера Великой Отечественной войны.

Бесславное поражение агрессора было закономерным, и даже в самые тяжелые минуты наш народ верил: вражеские полчища будут разгромлены полностью.

Фашистское государство не имело под собой прочной опоры. Гитлеровская коалиция сложилась на основе откровенно захватнических устремлений ее участников. Победа советских войск в битве под Москвой развеяла надежды на молниеносное завершение войны. А величайшие в истории мировых войн битвы под Сталинградом и на Курской дуге, победа на Северном Кавказе сломали хре-

бет гитлеровской Германии. Эти и все последующие сражения Великой Отечественной войны продемонстрировали всему миру явное превосходство нашей армии в боевом и стратегическом мастерстве.

День Победы стал всенародным праздником. Она далась нам не малой ценой. Именно Советский Союз и его доблестные Вооруженные Силы вынесли основную тяжесть в битве с фашизмом, освободили от захватчиков многие страны, предоставив их народам право самим решать свою судьбу. Победа над гитлеровской Германией и империалистической Японией высоко подняла авторитет Советского Союза, открыла новые возможности для роста сил социализма, подъема национально-освободительного движения, укрепления демократии и мира во всем мире.

Подвиг, совершенный советским народом и его несокрушимой и легендарной армией, всколыхнул народы всех стран и континентов, дал сильнейший толчок революционному преобразованию во всем мире. В ряде стран произошли социалистические революции, образовалась мировая социалистическая система. Мощное национально-освободительное движение сокрушило и практически повсеместно уничтожило колониальный гнет. Империализм лишился возможности безраздельно господствовать над большинством человечества, безнаказанно распоряжаться судьбами стран и народов.

Победа в Великой Отечественной войне — самое убедительное и яркое подтверждение того факта, что не существует силы, способной поколебать социалистический строй, победить народ, беспрельдно преданный идеям коммунизма, воспитанный и руководимый Коммунистической партией.

В горниле испытаний закалялось старшее поколение советских людей. Для тех, кому сейчас двадцать, события прошлого — ориентиры становления человеческого характера. Совершенно ясно, что героический порыв не возникает на пустом месте. Воспитание молодых солдат — вот одна из наших основных повседневных задач. В. И. Ленин говорил о том, что такое воспитание требует не клича и не боевого лозунга, а длительной, напряженной и упорнейшей работы в массовом масштабе; указывал на необходимость военной подготовки, на то, что без строжайшей дисциплины невозможно отстоять завоевания революции. Строгая дисциплина всегда была характернейшей чертой Советской Армии. Сегодня реальным залогом высокого уровня морально-боевых качеств советского солдата служат положения, определенные военной присягой, уставами армии, всем нашим военным законодательством.

11 мая 1918 года в цехах бывшего завода Михельсона (ныне

электромеханический завод имени Владимира Ильича) войсковые части Московского гарнизона первыми приняли красноармейскую присягу. Вместе с бойцами присягал на верность социалистическому Отечеству В. И. Ленин. С этого дня перед знаменами, овеянными славой, молодые воины приносят клятву родной Коммунистической партии, своему народу, что будут мужественно, умело, с достоинством и честью защищать свободу и честь своей социалистической Родины.

Военная присяга имеет силу закона. Присягая Родине, советский гражданин принимает на себя священную обязанность защищать ее честь, свободу и независимость, клянется в верности и преданности благородным и светлым идеалам коммунизма. Он клянется быть честным, быть храбрым и отважным, быть дисциплинированным и бдительным, беречь военное и народное имущество, быть надежным и умелым защитником Родины. Руководствуясь словами присяги, не щадили своей крови и самой жизни герои, чьи имена вписаны золотыми буквами в историю нашей страны.

Солдатами не рождаются, тем более не рождаются героями. Не врожденные, а воспитанные качества позволяют человеку в нужный момент совершить воинский подвиг. Становление молодых людей в наши дни проходит в необычайно благоприятной обстановке. Вместе со всем народом они активно участвуют в общем деле — строительстве коммунизма. Свидетельство тому — ударные комсомольские стройки, на которых работают юноши и девушки, не боящиеся трудностей быта и тяжести труда; достойная служба в рядах Советской Армии и Военно-Морского Флота нового поколения наших воинов. Мы можем по праву гордиться нашей молодежью.

Чувство советского патриотизма всегда было могучей движущей силой нашего общества. В ратных делах, трудовых свершениях старшее поколение граждан Страны Советов продемонстрировало образцы мужества и доблести. Нашей молодежи есть кому подражать, есть у кого учиться видеть ясную и четкую связь между повседневной работой и высокими целями, к которым идет Советская страна. Сегодняшнее поколение советских воинов стремится во всем быть похожим на своих героических предшественников. В армию и на флот ежегодно приходит молодежь с высокой общеобразовательной подготовкой, искренне заинтересованная в овладении военным делом, глубоко сознающая свою непосредственную ответственность за безопасность Родины. За время службы укрепляется политическая и моральная стойкость молодых воинов. Они заканчивают службу более смелыми и мужественными, становятся гражданами,

глубоко преданными идеалам коммунизма, верными защитниками социалистической Родины.

Коммунистической партии обязаны Вооруженные Силы своей несокрушимой мощью, своими блистательными победами. Нет ни одной области военного дела, в которой не проявились бы партийное начало, направляющее и руководящее воздействие партии. Как раньше, так и сейчас каждый шаг в укреплении обороноспособности

Встреча перед военным парадом.

Советского государства связан с партийным руководством, находится постоянно в центре внимания партии, ее ленинского Центрального Комитета.

Всему миру известно, что Советский Союз никогда не был сторонником гонки вооружений. «Наши усилия,— подчеркивал Л. И. Брежнев,— на то и направлены, чтобы дело не дошло ни до первого, ни до второго ударов, чтобы вообще не было ядерной войны... Наша страна никогда не станет на путь агрессии, никогда не поднимет меч против других народов».

Советский Союз вынужден совершенствовать свою оборону в связи с постоянной военной угрозой со стороны империалистических государств. Раздувая шумные антисоветские кампании, реакционные буржуазные политики пытаются повернуть вспять объективный процесс исторического развития человечества на пути к социализму и коммунизму, вернуть себе утраченные позиции. Их усилия направлены на то, чтобы ослабить силы социализма, подавить в капиталистических странах выступления трудящихся в защиту своих классовых интересов, задушить национально-освободительное движение народов. Империалистические круги стремятся любыми средствами помешать разрядке напряженности, подхлестнуть гонку вооружений, представляющую реальную опасность для дела мира.

Но, к счастью человечества, империалистические круги не могут действовать безнаказанно, не считаясь с мощью Советского Союза, стран социалистического содружества.

Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет разработали дальновидную программу мира, осуществление которой представляет единственно надежный способ избавить человечество от угрозы новых войн, построить и утвердить всеобщий мир. Вместе с тем Советский Союз поддерживает такой оборонный потенциал, который необходим, чтобы никто не посмел нарушить мирную жизнь нашей страны.

В Конституции СССР записано: «Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР». Вооруженные Силы Советского Союза, выполняя свой священный долг, способны в любой момент надежно защитить социалистическое Отечество, находятся постоянно в боевой готовности.

Советская армия воспитана в духе глубокой преданности социалистической Родине, идеям мира и интернационализма, идеям дружбы народов. Этим она отличается от армий буржуазных. За это советские люди любят свою армию, гордятся ею.

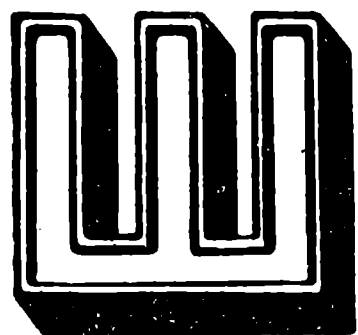
ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

беседы о конституции

С. МАКСИМОВ,
генерал-лейтенант юстиции,
заслуженный юрист РСФСР

ДЕЛО ВСЕГО НАРОДА

Шестидесятилетие доблестных Вооруженных Сил СССР советский народ отмечает вслед за юбилеем Великой Октябрьской социалистической революции. Советская Родина за шестьдесят лет прошла путь, равный столетиям. И путь этот не всегда был мирным. Не раз горизонт затягивался тучами войны, не раз приходилось вступать нам в смертельные

схватки с классовыми врагами, стремившимися уничтожить, начисто стереть с политической карты мира государство рабочих и крестьян.

Свое право на жизнь, право на строительство самого справедливого общества на земле — коммунистического общества мы отстаивали на полях многих сражений. Лишь за неполных тридцать лет, от

победы Октября до 1945 года, около десяти лет наша армия провела в сражениях и боевых походах. И Советское государство не только выстояло в труднейших испытаниях, но и добилося побед непреодолимого всемирно-исторического значения.

Возможность такого развития событий В. И. Ленин с гениальной прозорливостью предвидел задолго до победы Октября. Еще в 1916 году Владимир Ильич предсказывал «прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства».

Разработав и обосновав военную программу пролетарской революции, Ленин создал учение о защите социалистического Отечества, а после победы Великого Октября явился организатором вооруженного отпора народных масс силам внутренней контрреволюции и иностранным интервентам.

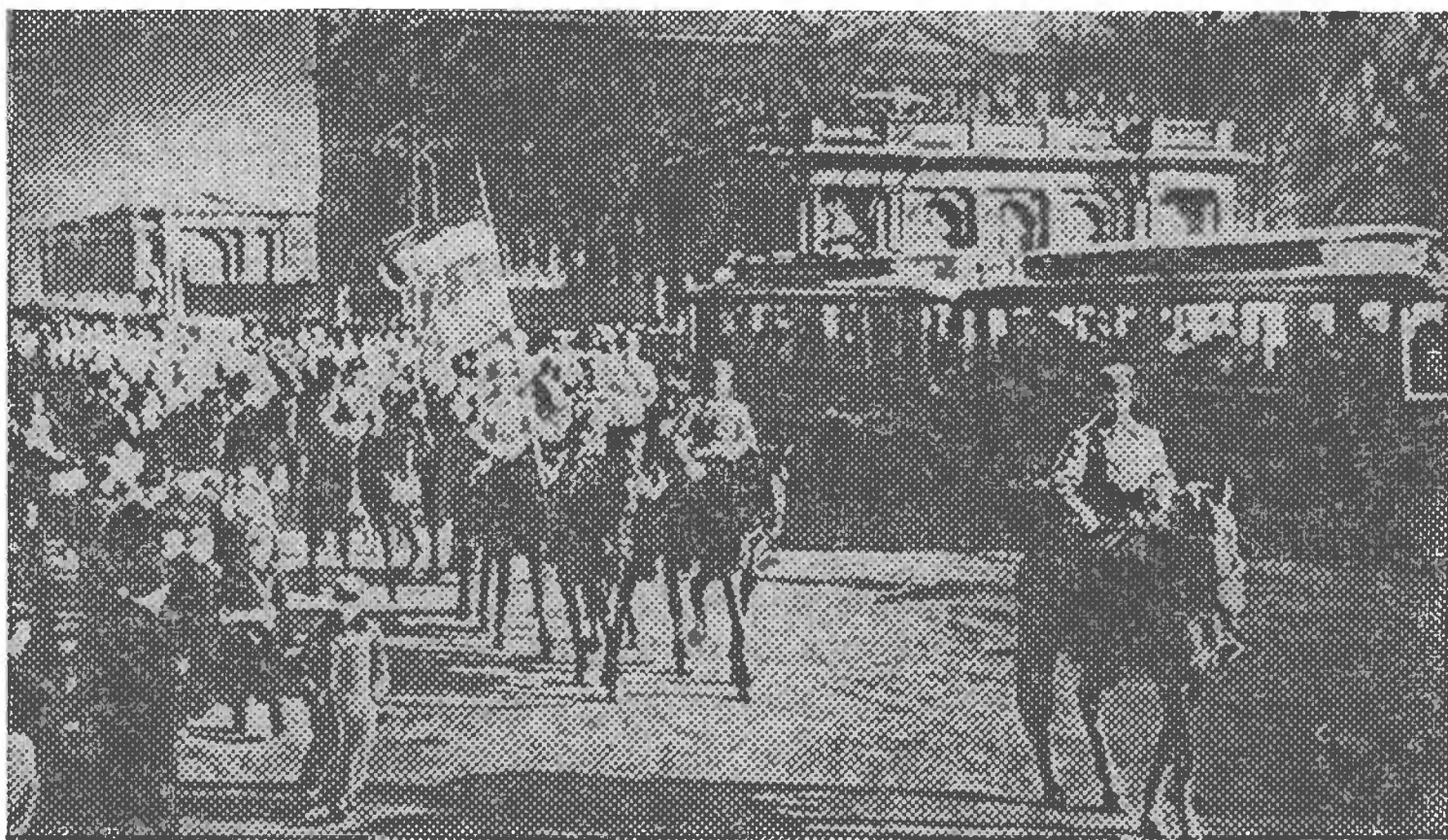
Гражданская война, иностранная военная интервенция поставили во всей суровой реальности вопрос о самом существовании молодой Советской республики, о ее жизни или смерти. Деятельность государства трудящихся по защите социалистического Отечества становилась одной из важнейших его функций. «Без вооруженной защиты социалистической республики,— указывал Ленин,— мы существовать не могли. Господствующий класс никогда не отдаст своей власти классу угнетенному. Но последний должен доказать на деле, что он не только способен свергнуть эксплуататоров, но и организовать для самозащиты, поставить на карту все». И пролетариат, весь трудовой народ России доказал это, несмотря на невероятные трудности и преграды.

Старую русскую армию, которая по своей классовой природе служила опорой власти помещиков и капиталистов, для защиты революции использовать было невозможно. Она была распущена. Новую пролетарскую армию пришлось создавать в невероятно трудных условиях. Опыта в этой области не было, да и быть не могло. Экономика страны находилась в состоянии разрухи, остро не хватало самого необходимого для оснащения армии. Сказывалась крайняя усталость масс от войны. Не хватало подготовленных и преданных революции военных кадров. Но В. И. Ленин, партия, взявшая на себя всю полноту ответственности за судьбы русской революции, сумели решить эту сложнейшую задачу. Только что организованным отрядам молодой Красной Армии пришлось сразу же вступить в схватку с врагами революции, в жестоких боях отстаивать интересы трудящихся.

Решающим условием побед Красной Армии явилось руководство Коммунистической партии обороной страны. Вождь партии Ленин

не только определил классовый характер и принципы строительства армии нового типа, но и возглавил всю работу по ее созданию, вооружению и обучению. Как председатель Совета Рабоче-крестьянской Обороны, он осуществлял руководство мобилизацией ресурсов страны для защиты завоеваний социалистической революции, непосредственно руководил операциями на фронтах гражданской войны.

Ленин был гениальным военным теоретиком и практиком. Он требовал от бойцов и командиров серьезно и добросовестно изучать военное дело и показывал в этом личный пример. В совершенстве зная труды К. Маркса и Ф. Энгельса по военным вопросам, он даже в суровые годы гражданской войны находил время для изучения литературы о войне и армии. Бывший царский генерал М. Д. Бонч-Бруевич, перешедший на сторону революции, в воспоминаниях рассказывает, как однажды он расхвалил Ленину трехтомник генерала Леера «Стратегия» и вскоре узнал, что Владимир Ильич попросил одного из своих сотрудников достать ему эту книгу. Профессиональные военные единодушно отмечают, что в военных вопросах В. И. Ленин разбирался лучше многих специалистов.

Первый конный полк Рабоче-Крестьянской Красной Армии, бывший лейб-гвардии конный. Основанный еще Петром Первым, он участвовал в Полтавском и Бородинском сражениях, а после Великого Октября солдаты-конногвардейцы в полном составе перешли на сторону большевиков. По указанию В. И. Ленина полк был влит в ряды Красной Армии, отважно бился с врагами социалистического Отечества на полях гражданской и Великой Отечественной войн.

«Велико наследство Ленина, в том числе и в области военной организации, стратегии и тактики,— писал выдающийся деятель нашей партии и государства М. И. Калинин.— Ленин был величайшим полководцем в истории войн трудящихся масс за свое освобождение от угнетателей, он положил начало советской регулярной армии, основанной на принципах современной науки и техники».

Ленинские идеи о защите социалистического Отечества легли в основу политики партии в вопросах военного строительства, они определяют сущность и направленность организаторской работы социалистического государства в этой области.

Первоначально защита молодой Республики Советов включала в себя не только отражение нападения извне, но и подавление внутренней контрреволюции, пытавшейся вооруженным путем свергнуть власть трудящихся и реставрировать капиталистические порядки. С построением основ социалистического общества, состоящего из двух дружественных классов — рабочих и колхозного крестьянства, необходимость в вооруженной защите государства от внутренних врагов отпала, и деятельность армии и флота была подчинена единственной цели — обеспечить неприкосновенность наших границ, отразить любое нападение извне.

В современных условиях функция защиты Отечества приобрела интернациональный характер. Это — защита не только нашего общенародного социалистического государства, но и братских государств социалистического содружества от каких бы то ни было посягательств со стороны любого агрессора. В военное время функция защиты Отечества становится главнейшей и подчиняет себе все другие функции государства. Однако и в мирное время масштабы, характер и сложность задач в области поддержания обороны страны на уровне современных требований делают их предметом постоянной заботы партии и правительства, всех советских людей.

Надежная защита социалистического Отечества достигается не только созданием современной армии и флота и оснащением их новейшими видами оружия и боевой техники. Она предполагает также решение на общегосударственном уровне комплекса экономических и социально-политических задач, развитие науки и культуры, обучение населения основам военного дела. Однако главная роль в обороне страны принадлежит Советским Вооруженным Силам, имеющим все необходимое и готовым немедленно сокрушить любого агрессора, который осмелился бы посягнуть на интересы нашей Родины.

Партия, Центральный Комитет КПСС, его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК партии, Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Председателем Совета Оборона СССР,

Маршалом Советского Союза товарищем Л. И. Брежневым решают все вопросы укрепления обороноспособности страны, повышения боевой мощи армии и флота, руководят разработкой коренных проблем военной науки. В соответствии с директивами партии организуются повседневная боевая учеба, а также идейное и политическое воспитание советских воинов. Руководство КПСС — главный источник могущества Вооруженных Сил СССР, основа всех их побед.

Вооруженные Силы СССР — любимое детище советского народа. Они живут одними мыслями и заботами с трудящимися, интересы которых защищают. Естественно поэтому, что и строительство армии и флота, совершенствование их организации, все другие вопросы их жизни и деятельности решались и решаются на основе единых принципов, утвердившихся в нашем обществе и государстве. «Строительство нашей армии,— подчеркивал В. И. Ленин,— только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства...»

Разработанные Лениным, Коммунистической партией принципы строительства Вооруженных Сил СССР составили прочную базу для развития советского военного законодательства. Принципы эти выражены в форме конкретных юридических норм и предписаний. Военное законодательство охраняет воинский правопорядок от любых нарушений, которые могут причинить ущерб боеспособности Вооруженных Сил, и устанавливает формы и меру ответственности за такие нарушения.

Особенности вооруженной борьбы таковы, что для достижения победы здесь необходимы единство воли и действий миллионов людей, четкая организация, строжайшая дисциплина. Соблюдение этих высоких требований и в мирное время служит неременным условием поддержания постоянной боевой готовности частей и кораблей. Все это порождает потребность в правовом урегулировании организации и структуры Вооруженных Сил, комплектования их личного состава, порядка и норм снабжения частей и кораблей всем необходимым для жизни и боевой учебы.

Как видим, круг вопросов, отнесенных к области советского военного законодательства, или, как говорят юристы, предмет его правового регулирования, весьма широк и разнообразен по содержанию. Поэтому оно включает значительное число законов, указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений Совета Министров СССР, приказов министра обороны СССР и других нормативных актов. Важно подчеркнуть, что некоторые из них — например соответствующие положения Конституции (Основного Закона) СССР, Закона о всеобщей воинской обязанности — относятся не

только к военнослужащим и военнообязанным, но прямо обращены ко всем без исключения гражданам и должностным лицам.

Нормы военного законодательства, возлагая на людей определенные обязанности и наделяя их правами, тем самым стимулируют такое поведение, такие действия и поступки, которые отвечают интересам укрепления обороны страны. Именно в этом прежде всего состоит та активная роль, которую оно играет в воспитании военнослужащих, в повышении качества и эффективности ратного труда и в конечном счете — в укреплении боеготовности армии и флота.

История развития военного законодательства самым тесным образом связана с историей Советских Вооруженных Сил и отражает этапы пройденного ими пути. Проследившая основные вехи шестидесятилетней истории военного законодательства, можно наглядно представить и глубже понять, как решались вопросы защиты Отечества в различные периоды развития Советского государства, какую поистине титаническую работу вели и ведут партия, правительство и весь наш народ для укрепления оборонной мощи страны.

Первыми актами советского военного законодательства явились подписанные В. И. Лениным декреты Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 января и 11 февраля 1918 года о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Ими предусматривалось формирование Вооруженных Сил Советской республики по классовому принципу на добровольных началах. В армию и флот принимались лишь те представители рабочих и крестьян, которые готовы были «отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма». Поистине безграничной верой в силу народа, свершившего победоносную революцию, проникнута каждая строка этих документов сурового и прекрасного времени — первых месяцев истории нового мира!

Не прошло и нескольких недель со дня принятия названных декретов, как войска кайзеровской Германии стали наступать на Петроградском, Смоленском и Киевском направлениях. Остановить их нужно было во что бы то ни стало. В ответ на ленинский призыв — «Социалистическое Отечество в опасности!» — в ряды Красной Армии стали вступать тысячи и тысячи трудящихся. В тяжелых кровопролитных боях под Нарвой и Псковом только что сформированные части остановили наступление германских захватчиков, проявив при этом массовый героизм и несгибаемое мужество. В честь этого события 23 февраля ежегодно отмечается как всенародный праздник — День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

К весне 1918 года для Советского государства сложилась труд-

ная международная и внутренняя обстановка. Добровольческие части хотя и состояли из политически сознательных и глубоко преданных революции людей, однако были относительно немногочисленными и сдержат натиск врагов в силу ряда причин не могли. Формирование армии только на добровольной основе не позволяло обеспечить плановость пополнения ее рядов. Поэтому партия признала необходимым перейти к созданию кадровой, регулярной армии на основе воинской обязанности.

Всеобщая воинская обязанность была впервые законодательно закреплена в первой Советской Конституции, принятой 10 июля 1918 года V Всероссийским съездом Советов. В ней, в частности, говорилось, что Советское государство «признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей».

Одна из характерных особенностей советской военной службы — принятие всеми военнослужащими присяги. Военная присяга — документ огромного юридического и морально-политического значения. Она в кратких, но исключительно емких формулировках определяет основные обязанности военнослужащего как вооруженного защитника Родины и те важнейшие качества, которыми он должен обладать. Военная присяга — это клятва воина на верность своей социалистической Родине. Примечательно, что традиция принятия присяги также восходит к самым истокам советской военной истории.

Первый текст военной присяги был утвержден ВЦИК РСФСР 22 апреля 1918 года. Первыми в стране присягу принимали 11 мая 1918 года воины частей Московского гарнизона, отправлявшиеся на фронт. В этом событии участвовал В. И. Ленин. Как только зазвучали слова присяги, Владимир Ильич сошел с трибуны, встал в первую шеренгу бойцов и произнес клятву вместе с ними.

К этому же времени относится и появление важного правового документа, прообраза будущих общевойсковых уставов — «Служебной книжки красноармейца». В ней был помещен текст военной присяги и, кроме того, в доступной для солдата форме излагались требования воинской дисциплины и другие правила поведения на службе, а также основные права и обязанности вооруженных защитников революции.

Несколько позднее, в ноябре 1918 года — январе 1919 года, были введены в действие воинские уставы, утвержденные ВЦИК РСФСР.

В 1924—1925 годах был осуществлен комплекс мероприятий по

совершенствованию организации и усилению боевой мощи армии и флота, получивший название военной реформы. Один из основных ее элементов — переход к территориально-милиционной системе формирования частей, что в наибольшей мере отвечало сложившейся обстановке и экономическим возможностям государства. Новые начала строительства Вооруженных Сил были законодательно закреплены Декретом ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 года «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся», а также первым Законом СССР об обязательной военной службе от 18 сентября 1925 года.

В период военной реформы был принят также ряд законодательных актов, направленных на совершенствование структуры Вооруженных Сил и перестройку аппарата управления ими. В целях укрепления дисциплины было введено единоначалие, разработаны новые общевойсковые уставы.

Осложнение международной обстановки и усилившиеся во второй половине 30-х годов военные приготовления империалистов поставили Советское государство перед необходимостью дальнейшего укрепления обороны страны. Одной из важных мер в этом направлении явился постепенный переход от территориально-милиционной к кадровой системе строительства Вооруженных Сил.

Принятая 5 декабря 1936 года Конституция СССР, отразившая факт победы социализма в СССР, впервые законодательно закрепила священный долг гражданина СССР — защищать Отечество и провозгласила почетную обязанность — проходить воинскую службу в рядах Вооруженных Сил. Положения Конституции легли в основу Закона о всеобщей воинской обязанности, принятого Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 года. Согласно этому Закону, действительную военную службу в армии и на флоте обязаны были проходить все граждане мужского пола независимо от социального происхождения и положения, расы, вероисповедания и образования. Устанавливался призывной возраст — 19 лет, а для имеющих среднее образование — 18 лет. В общеобразовательных школах, вузах и техникумах вводилась начальная военная подготовка.

В 1939—1941 годах были разработаны новые общевойсковые и боевые уставы. В целом законодательство предвоенного периода было направлено на всемерное повышение обороноспособности страны, укрепление Вооруженных Сил с учетом возрастающей угрозы войны.

В грозные годы Великой Отечественной войны советское военное законодательство получило дальнейшее развитие. Любой нормативный акт этого периода так или иначе служил одной цели — дости-

жению победы над фашизмом. Не будет преувеличением сказать, что юридические нормы не только выражали волю государства, ставшего единым военным лагерем, но и полностью совпадали с думами и чаяниями советских людей на фронте и в тылу.

22 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР ввел военное положение в европейской части страны. С учетом усилившегося притока добровольцев, а также возросших потребностей в комплектовании частей действующей армии обученными резервами было введено всеобщее обязательное обучение военному делу граждан СССР в возрасте от 16 до 50 лет.

Эти и другие правовые нормы полностью себя оправдали, выдержали самую суровую проверку в условиях жестоких испытаний и по праву вошли в сокровищницу опыта военного строительства.

С учетом этого опыта шло развитие советского военного законодательства в послевоенный период. Была завершена работа над новыми уставами, утвержден новый текст военной присяги.

Огромные изменения, происшедшие в стране за три десятилетия, новую, более высокую ступень в развитии Вооруженных Сил СССР отразил ныне действующий Закон о всеобщей воинской обязанности от 12 октября 1967 года. В нем определены принципы и порядок комплектования Вооруженных Сил в современных условиях, поряд-

Харьков, 1943 год. Жители приветствуют воинов-освободителей

док подготовки молодежи к военной службе и проведения призывов, основные вопросы прохождения действительной службы, увольнения в запас и службы в запасе. Закон явился крупным шагом в развитии советского военного законодательства и вместе с тем основой для его дальнейшего совершенствования.

Из других наиболее важных нормативных актов, принятых в последние годы, хочется назвать общевоинские уставы, утвержденные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1975 года. В уставах обобщены богатейший исторический опыт нашей армии и флота, достижения советской военной науки и практики в обучении и воспитании военнослужащих. Устав внутренней службы, Устав гарнизонной и караульной служб и Дисциплинарный Устав Вооруженных Сил регулируют основные вопросы жизни, быта и повседневной боевой учебы и поэтому представляют собой прочную правовую базу для организации всей деятельности войск. Их справедливо называют энциклопедией военных знаний.

Событием величайшего, поистине эпохального значения явилось принятие 7 октября 1977 года на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва новой Конституции (Основного Закона) Союза ССР. Отражая качественно новый этап развития государства зрелого социализма, Конституция содержит в себе немало принципиально важных положений, записанных в ней впервые.

К их числу принадлежит и глава 5, в которой указано, что защита социалистического Отечества относится к важнейшим функциям государства и является делом всего народа. Деятельность государства, связанная с выполнением этой функции, направлена на обеспечение безопасности и обороноспособности страны. Масштабы и сложность задач по поддержанию обороны на уровне современных требований таковы, что участие в их решении принимают многие государственные органы, должностные лица и общественные организации.

Обязанности граждан в области укрепления обороны страны предельно четко сформулированы в статьях 62 и 63 Конституции. Эти обязанности состоят в том, чтобы всемерно оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета. Защита социалистического Отечества рассматривается в соответствии с Конституцией как священный долг, а воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР — как почетная обязанность советских граждан.

Защищать Родину, не щадя собственной жизни, — это не только юридическая обязанность, но и славная традиция советских людей, на которой воспитаны многие поколения нашего народа. Зачинателями этой традиции были красногвардейцы и бойцы пролетарских

Член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов у воинов-таманцев.

отрядов гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны советские люди, выполняя свой патриотический долг, в боях с фашизмом проявили массовый героизм, показали исключительно высокие образцы отваги и мужества. Священный долг защитников Родины достойно исполнили не только военнослужащие, но и добровольцы из частей народного ополчения, а также бойцы истребительных отрядов. Оказавшись на территории, временно оккупированной фашистами, советские люди и в этих условиях участвовали в защите Отечества, сражаясь в партизанских отрядах. В мирное время граждане выполняют конституционную обязанность по защите Отечества, находясь на действительной военной службе в рядах Вооруженных Сил, а затем — в запасе.

Роль и место Вооруженных Сил в защите Советского общенародного государства в Конституции подчеркнуты особо. «Долг Вооруженных Сил СССР перед народом,— говорится в статье 31,— надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору». Все необходимое для этого у наших воинов есть.

Ныне наши армия и флот находятся на высшей ступени развития. Если говорить о тех изменениях, которые произошли в их орга-

низационной структуре и техническом оснащении, то они особенно впечатляющи: за шестьдесят лет пройдена огромная дистанция от кавалерийского клинка и пулеметной тачанки до современного ракетного комплекса, для которого не существует недосягаемых мест на всем земном шаре. Особенно крупными качественными сдвигами отмечены последние годы. В основе этих успехов лежат многократно возросшая экономическая мощь страны, достижения научно-технического прогресса, а также те глубокие перемены в духовном облике советских людей, которые произошли с построением в Советском Союзе развитого социалистического общества.

Как известно, Советский Союз, другие страны социалистического содружества проводят политику мира. Они активно выступают на международной арене за всеобщее и полное разоружение, за скорейшую ликвидацию всех источников военной опасности, за мирное сосуществование государств с различными политическими системами и решение всех возникающих между ними вопросов путем переговоров. За последнее время в этом направлении удалось достичь определенных успехов. Но угроза войны окончательно еще не устранена. Хотя возможности агрессивных действий империализма значительно ограничены, его природа остается прежней. Противники разрядки в странах Запада обладают еще значительным влиянием и стремятся помешать любым шагам, предпринимаемым с целью укрепления мира. Непрерывно растут военные бюджеты стран НАТО, раскручиваются все новые витки злобейшей гонки вооружений, обывателя стремятся запугать вымыслами о мнимой «советской угрозе».

В этих условиях оборонное могущество стран социализма, боевая мощь вооруженных сил являются гарантией их безопасности, служат делу всеобщего мира.

Вооруженные Силы СССР по своему оснащению, организации, по уровню боевой выучки и идейной закалки личного состава полностью отвечают требованиям современной военной науки и способны решать боевые задачи любой сложности. Они достойно выполняют свою ответственную миссию. «Держать и впредь на высоком уровне Вооруженные Силы страны, чтобы у советских воинов всегда было самое современное оружие, с которым не могли бы не считаться империалисты,— подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев,— таков наш долг перед народом, и мы его будем выполнять свято!»

О. ТЕМУШКИН,
начальник отдела Верховного Суда СССР,
кандидат юридических наук

ЛИЧНОСТЬ В СССР: НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ И ГАРАНТИИ ЕЕ

Гражданам СССР гарантируется неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора.

Статья 54 Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик.

Не могу не обратить внимание читателя на два, на мой взгляд, примечательных документа истории. Они невелики по размерам — записки в полном смысле слова. Значение же их, как и всего того, что принадлежит перу Владимира Ильича Ленина, так велико, что их невозможно переоценить.

Документы один за другим опубликованы в XXXV Ленинском сборнике. В записке управляющему делами Совнаркома Ленин потребовал узнать: «Освобождены ли те, к которым не предъявлено до сих пор конкретного обвинения». Другой документ: письмо Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. В нем Владимир Ильич спрашивал председателя ВЧК: «Знаете ли Вы это дело? Мне говорят, что тут, наверное, был злостный донос — клевета каких-либо обиженных или мстящих. Если вы не знаете, поручите сообщить мне, кто (из ответственных товарищей, вполне надежных) хорошо знает, сам

изучал все это дело. Верните это, пожалуйста, с кратким отзывом» (в том и другом документе речь шла о нескольких арестованных строителях гидростанции на реке Свири).

Эти документы были написаны в 1921 году.

Не забудем: 1921 год — очень тяжелый год в жизни первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Народное хозяйство было разорено империалистической и гражданской войнами и военной интервенцией. В стране было голодно и холодно. Из-за отсутствия топлива и сырья бездействовало большинство промышленных предприятий. В начале марта 1921 года вспыхнул мятеж в Кронштадте. Тревожные вести шли из Сибири и других районов страны.

Мировая буржуазия, потерпев крах военный, вынашивала планы экономического удушения Советской власти.

Как раз в этот тяжкий для страны момент Троцкий навязал партии дискуссию о профсоюзах. Это был далеко рассчитанный предательский удар в спину. Цель его — отвлечь партию от решения хозяйственных задач. В это время оживились и другие оппозиционеры: Шляпников («рабочая оппозиция»), Сапронов (группа «демократического централизма») и Бухарин («буферная» группа).

Именно об этом периоде Ленин скажет: «...Мы наткнулись на большой,— я полагаю, на самый большой,— внутренний политический кризис Советской России».

Положение в стране было и впрямь тяжелейшее. И при всем том, как заявил товарищ Л. И. Брежнев на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховных Советов СССР и РСФСР, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «мы выстояли, мы выдержали, мы победили».

Только что закончился X съезд партии. Ленин на съезде выступает с докладами: о политической деятельности ЦК партии, о замене разверстки натуральным налогом, о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне и другими. Закончился съезд, ознаменовавший переход к новой экономической политике, а уже надо готовиться к Третьему конгрессу коммунистического интернационала. Каждодневно Ленин решает уйму архитрудных государственных и политических дел — внутренних и внешних, перегружен так, что только остается удивляться, как мог справиться со всем этим один человек! Как тут не согласиться с поэтом, утверждавшим: «Десять жизней людских отработал Владимир Ильич!» И самое удивительное: при всем том Ленин находит время, чтобы заинтересоваться

конкретным следственным делом. Это ли не свидетельство того, как партия, Ленин железной рукой насаждали в стране строжайший революционный правопорядок. Владимир Ильич неустанно следил за тем, чтобы правоохранительные органы (милиция, ВЧК, суды) боролись с контрреволюцией, диверсиями, саботажем, спекуляцией, хулиганством, воровством и другими преступлениями, строжайше соблюдая при этом законность. Он настаивал на суровых взысканиях за малейшее отступление от закона. Он был нетерпим к фактам незаконного посягательства на личную неприкосновенность граждан.

Максим Горький вспоминает, что не было ни одного случая, когда бы Ленин проявил равнодушие к конкретному факту несправедливости, в том числе и тогда, когда это касалось людей, не симпатизировавших Советской власти.

Два ленинских документа, которые я привел выше,— яркое свидетельство этому. Вождь революции, глава первого в мире правительства рабочих и крестьян, проявляет заботу о неприкосновенности личности в сложной обстановке острейшей классовой борьбы, когда противник не брезговал никакими средствами.

Установлению гарантий неприкосновенности личности и прав граждан В. И. Ленин придавал исключительно большое значение. Сохранилось немало писем, указаний, записок, телеграмм, из которых видно, как внимательно и требовательно относился он ко всем поступавшим к нему жалобам, а особенно о посягательствах на личную неприкосновенность граждан.

«Верно ли, что сормовский коммунист Рукавишников месяц сидит в тюрьме и дело не разбирается? — писал Ленин в телеграмме Мамадышскому исполкому 18 февраля 1919 года.— Если верно, надо виновного предать суду за волокиту. Телеграфируйте ответ».

Социалистическую законность Ленин рассматривал как силу, препятствующую деятельности антиобщественных, враждебных Советской власти элементов. Вместе с тем он подчеркивал: «Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся».

Взыскательность и забота Ленина о людях способствовали тому, что в стране, несмотря на сложность обстановки, отступления от закона пресекались и сурово наказывались.

В конце февраля 1918 года Ф. Э. Дзержинскому стало известно, что работник ВЧК допустил грубое обращение с арестованным. Дзержинский лично расследовал этот факт. На протоколе допроса от 11 марта есть его справка: «Комиссия рассмотрела и решила сделать самые энергичные внушения виновным и в будущем предавать суду всякого, позволившего дотронуться до арестованного».

Сотрудник ВЧК при производстве обыска или ареста обязан был руководствоваться такой инструкцией: «Пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком... Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть». За нарушение этого своего рода кодекса поведения следователя предусматривался арест до трех месяцев и увольнение из ВЧК.

В циркулярном письме ВЧК от 17 декабря 1918 года говорилось: «К аресту вообще прибегать лишь в том случае, когда серьезное преступление налицо и когда оставление на свободе виновного может повлиять на ход следствия или способствовать уклонению от ответственности».

«Надо знать виновника,— говорится в приказе № 10 от 8 января 1921 года,— подозревать мало. Здесь нужно иметь в руках точные улики, конкретные данные».

Таков лейтмотив многих документов, характеризующих деятельность советских органов, охранявших правовой порядок в социалистической стране с первых дней его существования.

С окончанием гражданской войны появились возможности для совершенствования всей судебно-следственной системы молодой Советской страны. «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти,— писал В. И. Ленин в декабре 1921 года,— чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большой революционной законности».

В феврале 1922 года Президиум ВЦИК принял постановление о реорганизации ВЧК. Функции последней передавались организованному при НКВД Главному политическому управлению (ГПУ), но с более ограниченной компетенцией. И в частности, лишением его прав судебного органа. Дело в том, что Ленин видел основную гарантию законности правосудия в осуществлении его исключительно судом. Поэтому тогда же Декретом ВЦИК было установлено, что все дела, в том числе и о преступлениях, направленных против советского строя или законов РСФСР, подлежат разрешению только в судебном порядке.

К этому периоду относится известное письмо В. И. Ленина от 20 мая 1922 года «О «двойном» подчинении и законности». В нем говорится: «...Абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы». В документе даются ставшие фундаментальны-

ми основные принципиальные указания об организации и деятельности прокуратуры — государственного органа, призванного следить за неуклонным соблюдением социалистической законности всеми государственными и общественными органами, учреждениями, предприятиями, должностными лицами и гражданами.

Ленинские идеи об охране свободы и неприкосновенности личности нашли воплощение в советском законодательстве. Свобода личности в нашем государстве возведена в ранг конституционного принципа.

Этот принцип был провозглашен еще Конституцией СССР 1936 года. В новой Конституции (Основном Законе) Союза ССР, принятой Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года, этот принцип получил более четкое выражение.

«Работая над проектом,— указывал товарищ Л. И. Брежнев,— мы прочно стояли на почве преемственности. В нем сохранены и развиты намеченные еще В. И. Лениным характерные черты конституции социалистического типа».

Согласно Конституции СССР, как уже указывалось, гражданам СССР гарантируется неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Конституционной комиссии товарищ Л. И. Брежнев, выступая на майском (1977) Пленуме ЦК КПСС с докладом о проекте новой Конституции СССР, говорил: «Мы знаем, товарищи, что отдельные годы после принятия ныне действующей Конституции были омрачены незаконными репрессиями, нарушениями принципов социалистической демократии, ленинских норм партийной и государственной жизни. Это делалось вопреки конституционным установлениям. Партия решительно осудила такую практику, и она никогда не должна повториться».

Известно, какую большую работу проделали наш Центральный Комитет, Верховный Совет СССР и Советское правительство по совершенствованию советских законов, созданию твердых гарантий против каких-либо нарушений прав граждан, злоупотреблений властью, бюрократических извращений».

Твердый курс партии на создание надежных гарантий неприкосновенности личности нашел свое воплощение как в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года, так и в принятом Президиумом Верховного Совета СССР 11 июля 1969 года Законе, утвердившем Положение о предварительном заключении под стражу.

Результатом последовательной деятельности и демократизации

основ советского уголовного судопроизводства явился принятый 8 февраля 1977 года Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Он еще более ограничил возможность применения ареста в качестве меры пресечения. Теперь заключение под стражу допустимо лишь в отношении лица, обвиненного в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. По делам же о преступлениях, караемых лишением свободы на срок до одного года, заключение под стражу может быть применено только в исключительных случаях.

В новом Основном Законе неприкосновенность личности не просто провозглашается, она гарантируется рядом важных положений.

Советское законодательство строго ограничивает перечень органов власти и должностных лиц, которые могут арестовать человека. Лишь в исключительных случаях арест возможен до предъявления обвинения, при условии, что оно будет предъявлено в десятидневный срок. Если в этот срок обвинение предъявлено не будет, арестованный подлежит освобождению.

Арест применяется, чтобы не допустить бегства обвиняемого, а также для пресечения возможности скрыть следы преступления либо совершить другое преступление. Если же такой опасности нет, то органы дознания или следствия ограничиваются другими мерами: отбирают подписку о невыезде с постоянного места жительства, либо за обвиняемого ручаются общественные организации или отдельные лица, или его оставляют на свободе, применяя залог.

Человек может быть задержан без санкции прокурора или судебного решения: если он застигнут непосредственно при совершении преступления или сразу же после этого; когда на такого человека прямо указывают очевидцы преступления; когда на нем или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления. В этом случае орган милиции или следователь, задержавшие человека, обязаны составить соответствующий протокол и в течение двадцати четырех часов сообщить о задержании прокурору. Прокурор в течение сорока восьми часов обязан тщательно проверить материалы, послужившие основанием к задержанию, и либо освободить задержанного, либо санкционировать арест. Если же важные обстоятельства остаются невыясненными, прокурор должен лично допросить гражданина (статья 18 Положения о прокурорском надзоре в СССР).

Но означает ли факт задержания и тем более ареста, что судьба лица, подвергшегося этим принудительным мерам, предрешена, что

его ждет неминуемое осуждение? Безусловно, нет. В Конституции (Основном Законе) Союза ССР провозглашен принцип: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». В советском уголовном судопроизводстве действует демократический принцип — презумпция невиновности. Собственно, это стержень, пронизывающий советское уголовно-процессуальное законодательство. Согласно этому принципу, обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. «Никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом», — гласит статья 4 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Принцип презумпций невиновности обязывает следователя, прокурора и суд принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства. Должностные лица не вправе перекладывать на обвиняемого обязанность доказывать свою невиновность, поскольку доказывать виновность — обязанность прокурора или следователя, привлечших гражданина к уголовной ответственности. Если прокурор или следователь не изобличили обвиняемого как преступника, не доказали его виновность, то он признается невиновным независимо от того, представил он или не представил доказательства своей невиновности.

А как быть, если в процессе разбирательства того или иного дела в суде возникнут сомнения в виновности подсудимого, причем такие, которые так и не удастся разрешить? Как указал Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 года «О судебном приговоре», такие обстоятельства толкуются в пользу подсудимого, ибо обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Эти и другие принципиальные положения обеспечивают претворение в жизнь гарантированного еще Конституцией СССР 1936 года права обвиняемого на защиту. В новой Конституции СССР также записано: «Обвиняемому обеспечивается право на защиту» (статья 158).

В чем оно заключается?

Прежде всего, обвиняемый имеет право знать, в чем он обвиняется, и в этой связи давать объяснения. Подчеркнем здесь, что обвиняемый вправе давать показания, но может этого и не делать.

Более того, «запрещается домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер» (часть 3 статьи 14

Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Что касается оценки показаний обвиняемого, то признание им своей вины должно быть подтверждено совокупностью имеющихся доказательств по делу, а не только его показаниями. Неуклонное соблюдение этого требования закона — предмет постоянной заботы судебных и прокурорских органов.

Обвиняемый вправе представлять доказательства и заявлять различные ходатайства (о допросе свидетелей, назначении экспертизы, о приобщении к делу различных документов, оправдывающих его либо смягчающих ответственность). Отказ в удовлетворении ходатайства, так же как и многие другие действия или решения следователя, прокурора и суда, обвиняемый может обжаловать вышестоящему прокурору или в вышестоящий суд.

Если обвиняемый считает, что следователь, прокурор или кто-либо из судей необъективен и лично заинтересован в исходе дела, он вправе заявить им отвод. После окончания предварительного следствия обвиняемый может знакомиться со всеми без исключения материалами дела и лично участвовать в судебном разбирательстве.

Если осужденный не согласен с приговором, он может подать кассационную жалобу в вышестоящий суд. В этом случае закон гарантирует, что обоснованность приговора будет проверена в кассационном порядке. При достаточных основаниях или наказание смягчается, или отменяется приговор, а дело прекращается или возвращается на новое рассмотрение. Следует подчеркнуть, что последнее не ухудшит положения осужденного. Приговор может быть отменен с целью возможного ухудшения положения осужденного лишь в двух случаях: в связи с необходимостью усилить наказание или применить закон о более тяжком преступлении, когда по этим основаниям принесен протест прокурора или подана жалоба потерпевшего. Если же приговор отменен по жалобе осужденного или его защитника, то при новом рассмотрении дела суд первой инстанции не вправе усилить наказание или применить закон, предусматривающий ответственность за более тяжкое преступление. Если же при новом рассмотрении дела будут установлены новые, ранее неизвестные обстоятельства, свидетельствующие о совершении обвиняемым более тяжкого преступления, то в этом случае мера наказания назначается в соответствии с новым обвинением.

Каждый обвиняемый вправе иметь защитника. Это право терпело изменения. До 1959 года защитник участвовал только в судебном разбирательстве дела. Основы уголовного судопроизводства 1958 года, а следом за ними уголовно-процессуальные кодексы

союзных республик, последовательно демократизируя советский уголовный процесс, значительно расширили право обвиняемого на защиту. Теперь он может иметь защитника не только в суде, но и на предварительном следствии. Если обвиняемый несовершеннолетний (до 18 лет) или с психическими или физическими (слепой, немой, глухой) недостатками, не владеет языком, на котором ведется процесс, а также если обвиняемому грозит смертная казнь, то участие защитника обязательно. Обязательно оно и тогда, когда в рассмотрении дела участвует государственный или общественный обвинитель, а также по делам лиц, между интересами которых есть противоречия, и если хотя бы одно из этих лиц имеет защитника.

Любое нарушение права обвиняемого пользоваться помощью защитника расценивается безусловно как основание для отмены приговора.

К гарантиям неприкосновенности личности относится также равенство граждан перед законом и судом независимо от их социального, имущественного и служебного положения; национальной и расовой принадлежности и вероисповедания (статья 5 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик). Все это обеспечивает права граждан в процессе и отыскание объективной истины по уголовным делам.

Для того чтобы обеспечить неуклонное соблюдение законности в деятельности самого суда, справедливость каждого судебного приговора, большое значение имеет другое конституционное положение: независимость судей и народных заседателей от каких бы то ни было посторонних влияний и подчинение их только закону (статья 155 Конституции СССР).

Говоря обо всем этом, нельзя не вспомнить злобствований буржуазной пропаганды по поводу якобы допускаемых в СССР нарушений прав человека. Защищая и оправдывая действительных палачей и убийц, преследующих прогрессивных деятелей, закрывая глаза на практику незаконного содержания в тюремных застенках борцов за подлинные права человека (вспомним о сфабрикованном деле Анджелы Дэвис, чудовищной несправедливости к негритянской американской поэтессе Ассате Шакур, об «уилмингтонской десятке», о священнике Бенджамене Чейвисе, осужденном за свои политические убеждения,— и все это в одних только США за последние годы), реакционные апологеты современного капитализма клеветают на советскую действительность. Они извращенно изображают советское правосудие, которое стоит на страже интересов государства, прав, свобод и законных интересов граждан. Вопреки действительности они пишут, вещают о преследованиях так называемых

«инакомыслящих» в нашей стране, об отсутствии прав у обвиняемого в советском уголовном процессе, о заключении в психиатрические больницы здоровых людей. Однако известно, что выехавшие за рубеж бывшие советские граждане, находившиеся в психиатрических больницах, вновь оказывались в сходных заведениях Рима, Вены, Лондона, Парижа и других городов. Не лучшее ли это опровержение массовой клеветы Запада на советскую медицину и правосудие? И не свидетельствует ли это, сколь плохи дела у искателей «оппозиции» в СССР, если они вынуждены вербовать свою клиентуру в палатах психиатрических лечебниц?

Советский закон бдительно стоит на страже прав и свобод граждан социалистического общества. Он гарантирует от какого бы то ни было их произвольного ущемления. В самом деле, как можно говорить о каких-то незаконных судебных преследованиях граждан в Советском Союзе, когда в нашем государстве установлена уголовная ответственность за действия, связанные с заведомо незаконным осуждением граждан, когда партия и правительство постоянно проводят в жизнь линию, направленную на строжайшее соблюдение социалистической законности. Советский закон наказывает лишь тех, кто его нарушает. Наказывает не за так называемое свободомыслие или инакомыслие, как пытается это изобразить буржуазная пропаганда, а за преступную, в том числе антисоветскую, деятельность. «И пусть уже тут никто не обижается на нас,— говорил на XVI съезде профессиональных союзов СССР товарищ Л. И. Брежнев,— защита прав, свобод и безопасности 260 миллионов советских людей от действий подобных отщепенцев — это не только наше право, но и наш священный долг».

До сих пор, рассказывая о гарантиях прав личности в советском уголовном судопроизводстве, я касался лишь прав обвиняемого и подсудимого. Это и понятно, ибо законодатель стремится прежде всего обеспечить справедливое решение судьбы того, чья невиновность поставлена под сомнение, чья свобода может быть ограничена судебным приговором. Но в исходе судебного процесса, в реализации своих законных прав заинтересован не только обвиняемый, но и другое лицо — потерпевший. Закон признает потерпевшим гражданина, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Чтобы оградить интересы этого лица, дать ему возможность добиваться в суде защиты своего достоинства, здоровья, имущества, законодатель наделил его широкими процессуальными правами в ходе следствия и судебного процесса. Как и обвиняемый, потерпевший вправе давать показания, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться после

Художник Б. Резанов.
Стихи И. Лашкова.

«Агитплакат»

окончания предварительного следствия с материалами дела, участвовать в судебном разбирательстве, подавать жалобы на приговор. Если совершенным преступлением потерпевшему причинен имущественный ущерб, он вправе предъявлять к виновному гражданский иск, который рассматривается судом вместе с уголовным делом (статьи 24 и 25 Основ) либо в порядке гражданского судопроизводства. Таким образом, потерпевший — активный участник уголовного процесса, он может лично или с помощью представителей (например, адвоката, близкого родственника) успешно добиваться возмещения причиненного ему вреда и наказания виновного.

Именно обвиняемого и потерпевшего прежде всего имеет в виду закон, когда он возлагает на суд, прокурора и следователя обязанность «разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность осуществления этих прав» (статья 27 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Советский закон рассматривает гарантии прав личности как важнейшие завоевания советского правосудия. Эти правовые установления служат достижению целей и задач советского уголовного судопроизводства: быстро и полно раскрыть преступление, изобличить виновных и обеспечить правильное применение закона, с тем чтобы каждый преступник был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Советский Союз — общество подлинного гуманизма, высоких нравственных ценностей, общество реальных, подлинных прав. Права у нас не только провозглашены — они реально обеспечены человеку любой национальности, любой народности.

«Величайшим завоеванием Октября стало утверждение принципов социального равенства и справедливости. Мы с полным правом говорим: ни одно общество, когда-либо существовавшее на земле, не сделало и не могло сделать для народных масс, для трудящихся столько, сколько сделал социализм!» — заявил с высокой кремлевской трибуны 2 ноября 1977 года Леонид Ильич Брежнев.

В ряду основных прав и свобод советских людей важное место занимают и гарантии неприкосновенности личности в нашей стране.

Автор этих строк коснулся лишь тех гарантий прав личности, которые предусмотрены законом в отношении людей, привлекаемых к судебной ответственности. К другим аспектам неприкосновенности личности в Советском государстве редакция, видимо, еще вернется.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗНИКИ В США

ропагандистская кампания, развернувшаяся ныне в США под лозунгом «защиты прав человека», беспрецедентна по своим масштабам. Все средства массовой пропаганды — печать, радио, телевидение, кинематограф — подчинены там целям психологической войны против СССР, советского образа жизни, социалистических общественных и государственных институтов. В этой кампании роль «аргументов» играют различного рода инсинуации по поводу имеющего якобы место в СССР преследования граждан за политические или религиозные убеждения.

Пропагандистская шумиха в американской прессе была особенно оглушительной в период всенародного обсуждения в СССР проекта новой Конституции. Классовую, политическую цель инициаторов психологической войны против СССР полностью разоблачил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев в докладе на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 года. «У них одна цель,— указал он,— помешать росту влияния социализма на умы людей, посеять любыми средствами недоверие и неприязнь к нему. Отсюда шаблонные выдумки, бессовестные фальсификации и прямая ложь о Советском Союзе в расчете на слабую осведомленность аудитории, на легковверных читателей, слушателей, зрителей».

Особый акцент в этой шумихе американская пропаганда делает на мнимодемократический характер американского общества. Рупор американской официальной политики журнал «Ньюсуик», интерпретируя позицию президента Дж. Картера в отношении «защиты прав

человека», писал: «Мы должны сожалеть об их нарушении за рубежом так же, как стремимся гарантировать их у себя дома».

Подобные заявления вызывают законный вопрос: а имеют ли моральное право Соединенные Штаты Америки претендовать на роль блюстителя прав человека?

Перед нами признание американского политического деятеля, которого отнюдь не заподозришь в симпатиях к социализму. Речь идет о бывшем сенаторе и члене палаты представителей конгресса США магистре права Чарльзе Гуделле, который в книге «Политические заключенные в Америке» заявил: «Теперь, в 1970-х годах, мы должны признать, что наша неуверенность в ценности наших свобод привела к их ликвидации в ходе репрессий, породивших обильный урожай политических заключенных в США». И это действительно так. Об этом свидетельствует и вся история американских политических процессов, и реальность сегодняшнего дня. Вспомним некоторые факты, ставшие вехами в длинном ряду судебных репрессий против инакомыслящих в США — стране так называемого «свободного» общества.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и возникновение первого в мире социалистического государства резко активизировали рабочее и коммунистическое движение во всех развитых странах капитала, в том числе и в США. Это явление сопровождалось ужесточением деятельности буржуазных карательных органов, значительным усилением судебных репрессий против инакомыслящих. Началась эпоха, которая в истории США известна под названиями «великого красного страха» и «охоты за красными». В 1919 году по стране прокатилась волна крупных политических процессов: дело Шенка, дело Дебса, дело Фрайвера и многие другие. В этих процессах обвиняемые были преданы суду по обвинению в «раскольнических действиях, сопровождающихся речами, ослабляющими мощь Соединенных Штатов». Верховный суд США квалифицировал эти действия как «антиправительственную деятельность» — формулировка, ставшая с тех пор жупелом американской юстиции в многочисленных политических процессах.

В 1925 году в верховном суде штата Нью-Йорк рассматривалось дело члена Коммунистической партии США Гитлоу, единственная «вина» которого состояла в попытке воспользоваться свободой слова, предоставляемой американским гражданам конституцией США. Полностью игнорируя основной закон государства, верховный суд штата Нью-Йорк приговорил Гитлоу к уголовному наказанию за «публикацию подрывной литературы».

В 1927 году весь мир облетела трагическая весть о смертном

приговоре, вынесенном верховным судом штата Массачусетс Сакко и Ванцетти — нестигаемым борцам за дело рабочего класса. В инспирированном против них судебном процессе был пущен в ход весь арсенал средств судебного произвола: нелепые и чудовищные обвинения, фальсификация доказательств, шантаж и угрозы присяжным... Для характеристики неправомерности вынесенного вердикта достаточно привести указание старосты жюри присяжных заседателей, рассматривавшего данное дело, Рипли, данное им задолго до

Американская общественность усиливает борьбу за освобождение «Уилмингтонской десятки» — активистов движения за гражданские права, ставших жертвой политических репрессий и откровенного расизма. По всей стране проходят демонстрации и митинги в защиту Б. Чейвиса и его друзей, брошенных в тюремные застенки только за то, что они подняли голос протеста против грубейшего попрания прав человека в Соединенных Штатах.

На снимке: во время митинга в защиту мужественных борцов в Вашингтоне.

Фотохроника ТАСС.

окончания процесса: «Их в любом случае следует повесить... даже вне зависимости от того, есть ли доказательства их виновности или нет».

Разгул антикоммунизма, полицейского террора и судебных репрессий против политических инакомыслящих был наиболее характерной чертой внутривнутриполитической жизни США 1920-х годов. С приходом к власти в 1933 году президента Ф. Д. Рузвельта наметились некоторые позитивные сдвиги в различных сферах социальной действительности США. В сфере внутренней политики это выразилось прежде всего в ослаблении давления государственной машины на американских демократов, некотором расширении арсенала легальных форм деятельности прогрессивных общественных организаций США. И не случайно впервые в истории Соединенных Штатов Ф. Д. Рузвельт был избран американскими гражданами президентом страны на третий, а затем и на четвертый срок подряд. И опять же не случайно враги демократии в США до сих пор называют Ф. Д. Рузвельта «красным президентом».

После второй мировой войны у кормила государственной власти США оказались представители наиболее реакционных, крайне правых кругов. В 1947 году президент Г. С. Трумэн с целью затормозить рост авторитета и влияния коммунистической идеологии, вызванный разгромом фашистской Германии и становлением государств народной демократии в ряде стран Европы и Азии, выдвинул так называемую доктрину «сдерживания коммунизма». Сущность этой доктрины состояла в сочетании широкой социальной демагогии с репрессивным подавлением политических противников. Практическим же результатом явился развернутый американскими карательными органами «поход против красных», или «охота на ведьм» (по терминологии американских газет и других массовых изданий). Юридическим основанием этой репрессивной кампании явился приказ президента Трумэна № 9835 (1947 год) о проверке лояльности государственных служащих, усилении деятельности ФБР и комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Существенными вехами на пути подавления буржуазно-демократических прав и свобод американских граждан явились принятие в 1950 году конгрессом США закона «О внутренней безопасности» (закона Маккарэна — Вуда) и признание верховным судом США конституционности закона «О регистрации иностранных агентов» (закона Смита).

1950-е годы вошли в историю Соединенных Штатов как годы «антикоммунистической истерии». «Наш страх перед коммунистической опасностью,— пишет уже упоминавшийся Ч. Гуделл,— заста-

вил нас принести на алтарь антикоммунизма некоторые из гарантий политических свобод американцев». В этом отношении показательное получившее широкий общественный резонанс дело лидера Коммунистической партии США Ю. Денниса (1951 год), по которому он и его товарищи по партии обвинялись в «заговоре с целью насильственного свержения правительства Соединенных Штатов». Вещественные доказательства, положенные в основу обвинения, состояли из брошюр, опубликованных компартией США, в которых излагались экономические и политические основы марксизма-ленинизма.

В 1955 году за превышение скорости езды на автомашине был арестован известный борец за демократические права негров доктор Мартин Лютер Кинг. Вскоре выяснилось, что нарушение правил вождения автотранспорта послужило лишь предлогом для расправы с лидером прогрессивного негритянского движения, поскольку М. Л. Кинг был предан суду по обвинению в «заговоре с целью обструкции бизнеса», то есть обвинению, ничего общего не имеющему с основанием его ареста. Суд приговорил М. Л. Кинга к 368 дням каторжных работ. Но и это не удовлетворило американскую машину политических репрессий. Началась планомерная и систематическая травля негритянского лидера. Все оперативные средства ФБР были брошены на дискредитацию М. Л. Кинга. Перлюстрация корреспонденции, подслушивание телефонных разговоров, сообщения провокаторов, прямые угрозы жизни — все использовалось для причинения морального ущерба М. Л. Кингу, подрыва его политического престижа и даже семейных отношений. Но ничто не сломило мужественного борца. И тогда в 1968 году он был убит наемным убийцей — простым исполнителем «приговора», вынесенного ему правящей элитой.

По явно заниженным данным, фигурирующим в американской прессе, с 1948 по 1957 год 141 гражданин США был предан суду исключительно за свои политические убеждения. При этом характерно, что 1957 год считается последним годом судебных репрессий против инакомыслящих в США. Прекращение их связывается в американской печати с состоявшимся в 1957 году известным решением верховного суда США, аннулировавшим обвинительный приговор четырнадцати членам Коммунистической партии, которые ранее были осуждены по пресловутому обвинению в «заговоре». Но и после вынесения этого решения судебные преследования продолжаются.

Только в 1960 году в пяти южных штатах США за участие в движении за права негров было осуждено и приговорено к тюремному заключению 3600 американских граждан.

Известно и другое: именно 60-е годы вошли в историю США как эпоха полицейской травли и судебных репрессий против сторонников мира. Последнее особенно наглядно проявилось во время правления администрации президента Л. Б. Джонсона. Достаточно вспомнить демонстрацию 125 000 американских граждан, протестующих против войны во Вьетнаме, состоявшуюся в Нью-Йорке в апреле 1967 года, антивоенный «марш на Пентагон» 100 000 сторонников мира в октябре того же года, после которых сотни участников этих мирных манифестаций были арестованы. Тем самым было грубо растоптано провозглашенное первой поправкой к конституции США «право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений». Не случайно американский профессор Говард Зинн назвал право, сформулированное в первой поправке, не более чем «риторикой американского либерализма». На попытку реализации этого конституционного права американская администрация ответила грубыми судебно-полицейскими репрессиями. По всей стране прокатилась волна политических процессов по обвинению в «заговоре» против существующего строя.

Интересно, что в комментариях к этим процессам, содержащихся в американской юридической литературе, указывается: «Заговор в американском уголовном праве понимается столь широко, что осуждение по такому обвинению угрожает любому гражданину страны, который в какое-либо время выразил свою точку зрения по вопросу ведения войны или участвовал в каких-либо групповых или массовых акциях протеста против войны».

С наступлением ночи вспыхнет этот жуткий символ расовой ненависти. А пока куклуксклановцы деловито и, как видите, не таясь, устанавливают обмотанный просмоленным тряпьем крест. Дело происходит в наши дни в штате Теннесси, том самом, где был убит наемником расистов Мартин Лютер Кинг.

Фотохроника ТАСС.

Весьма показателен процесс, наглядно демонстрирующий методы судебной расправы американской юстиции с противниками милитаристской политики правительства — процесс Бордмана (1969 год). Подсудимый обвинялся в уничтожении призывной карточки — деянии, получившем в то время исключительно широкое распространение среди американской молодежи, осуждавшей войну, которую варварскими способами вели Соединенные Штаты против вьетнамского народа. На протяжении всего процесса судья Форд всячески старался исключить из судебного рассмотрения мотивы совершения инкриминируемого деяния, не допустить постановки политических вопросов. В инструкции, с которой судья обратился к присяжным заседателям, было заявлено буквально следующее: «Некоторые из вас, вероятно, считают, что война во Вьетнаме аморальна, незаконна и противоречит конституции Соединенных Штатов. Вы должны оставить свои убеждения за порогом скамьи присяжных. Единственным вопросом, который вы призваны разрешить, является вопрос о том, сознательно ли подсудимый совершил инкриминируемое деяние. Если вы позволите личной вере или политическим убеждениям повлиять на ваше решение, вы нарушите присягу жюри». В результате Бордман был признан виновным и осужден на три года лишения свободы. Так караются в США выступления против «аморальной», «незаконной» и «противоречащей конституции» политики правительства.

Этот и многочисленные факты подобного рода еще раз подтверждают неоспоримый вывод Ф. Энгельса о том, что «суд присяжных есть по своей сущности политическое, а не юридическое учреждение».

1970-е годы в американской юридической литературе называют «декадой репрессий». Бывший вице-президент США Спиро Агню линию правительства в отношении политических противников определил так: «Мы должны их выбрасывать из нашего общества не с большим сожалением, чем выбрасываем из корзины гнилые яблоки». И следует отметить, что как правительство республиканцев, так и пришедшее ему на смену правительство демократов весьма последовательно придерживаются именно этого курса.

Только за один месяц — май 1971 года — в одной только столице США Вашингтоне было арестовано 13 000 сторонников мира. Единственным основанием для ареста этих лиц послужили их выступления с антивоенными лозунгами.

Беспримерным по размаху преследованиям подвергаются в нынешней Америке лидеры демократического движения за гражданские права негров, индейцев, пуэрториканцев, чиканос и других на-

циональных меньшинств США. Всему миру известны скандальные политические процессы по делам «Шарлоттской тройки» и «Гарлемской четверки», «Окландской семерки» и «Уилмингтонской десятки», по делу Анджелы Дэвис, Деллбета Тиббса, Рэпа Брауна... А ведь это лишь небольшая часть политических судебных процессов в США, ибо основная их масса тщательно скрывается от международной общественности.

Кто они, узники сегодняшней Америки?

В штате Северная Каролина на основании фальсифицированных доказательств священник Бенджамен Чейвис обвинен в «поджоге» и осужден к 34 годам тюремного заключения. Его товарищи по борьбе за равноправие негров, обвинявшиеся вместе с ним по делу «Уилмингтонской десятки», заключены в тюрьму трое на 31 год, пятеро на 29 лет, один на 10 лет.

В штате Нью-Джерси по сфабрикованному обвинению в «убийстве» известная поэтесса Ассата Шакур приговорена к пожизненному тюремному заключению.

В городе Дейтоне шестнадцатилетний студент Дайлан Смит за руководство студенческим движением против расизма на основании подложных доказательств осужден к 40 годам тюремного заключения.

Видный негритянский ученый Джимми Грант по ложному обвинению в «организации побега» приговорен к 10 годам лишения свободы.

Один из лидеров движения за равноправие индейцев Леонард Кроу Дога, арестованный в 1973 году, томится где-то в заключении без суда. Судьба его неизвестна.

Другая активистка прогрессивного индейского движения Анна Мэй Акуош, арестованная ФБР, бесследно исчезла в его застенках. Власти объявили ее «скрывающейся от правосудия», недавно был обнаружен ее труп.

Несостоятельность предъявленных всем этим жертвам произвола обвинений доказана юридически: отказались от своих показаний главные свидетели обвинения на их процессах, видные эксперты показали невиновность этих людей, однако власти не желают видеть и слышать доказательств несправедливости вынесенных им приговоров.

Даже этот отнюдь не исчерпывающий и не претендующий на представительность перечень показывает, что политическая природа буржуазной уголовной юстиции как орудия подавления классовых противников и сохранения существующей социально-политической

системы на протяжении всей истории Соединенных Штатов осталась неизменной.

Более того, есть все основания для вывода о том, что репрессивные меры американской юстиции против политической оппозиции неуклонно ужесточаются. Особый размах они приобрели именно в последнее десятилетие. И это не голословное заявление. Оно подтверждается как приведенными фактами, так и соответствующими исследованиями в рамках американской юриспруденции.

Так, в широко известном среди западных юристов труде «Уголовная юстиция в Америке» на основе большого фактического материала авторы приходят к выводу о том, что «хотя политические процессы всегда являлись ответом капиталистического государства на брошенный ему вызов, именно последнее десятилетие разоблечило политическую природу уголовного суда».

Не случайно именно в 1970-е годы в планах научных разработок по вопросам права в США впервые появилась тема «Стратегия использования юстиции в политических целях», на разработку которой брошены крупные силы ученых-юристов. Характерным при этом является то обстоятельство, что реально мыслящие американские юристы политическую природу буржуазной юстиции неразрывно связывают с политическими репрессиями. Последние рассматриваются как явление, присущее капиталистическому обществу и принципиально не устранимое в его рамках.

В уже упоминаемом труде «Уголовная юстиция в Америке» авторы прямо указывают: «Репрессивное насилие не является случайным инструментом государства для подавления политического свободомыслия. Оно стало общей и характерной чертой буржуазного способа управления обществом... Политические репрессии коренятся в самих институтах капитализма, поскольку всегда были и остаются оружием господствующего класса для защиты собственности и обеспечения принуждения. Современное положение свидетельствует о том, что из всего арсенала средств управления классовым обществом репрессия быстро становится центральным среди других политических и социальных институтов».

Возникает закономерный вопрос: каковы же перспективы дальнейшей эволюции так называемой «демократии свободного общества»? Как оценивают сами американцы возможности осуществления своих гражданских прав в ближайшем будущем?

Ч. Гуделл в уже упоминавшейся книге «Политические заключенные в Америке» одну из глав назвал: «Темнота в конце туннеля — полицейское государство?». Вопросительный знак в конце названия, видимо, свидетельствует о том, что автор, хотя и допускает такую

возможность, однако испытывает и определенные сомнения в реальности такой перспективы. Однако то, что для бывшего сенатора конгресса США является лишь одной из возможных политических альтернатив, для значительной части американцев стало реальностью. По его же признанию, многие в США считают, что эпоха полицейского государства в Америке уже наступила.

Другой американский юрист Ричард Куинни в книге «Контроль над преступностью и капиталистическое общество. Критика правопорядка», изданной в Бостоне в 1974 году, на основе анализа деятельности репрессивных органов в США также пришел к выводу о том, что «современное американское общество находится на пути к полицейскому государству или, точнее, оно уже превратилось в таковое».

Более того, в современной американской юридической литературе обсуждается вопрос: не может ли Америка породить новый вид фашизма. Видный американский ученый Бертрам Гросс, анализируя политические репрессии в США, отвечает на этот вопрос положительно, считая, что «Америка движется к техно-урбанизированному фашизму».

Такова, по оценкам самих же американцев, реальность сегодняшней Америки, таковы ее перспективы.

Вот почему у инициаторов пропагандистской кампании в США не было и нет морального права пенять на мнимые «нарушения прав человека в СССР». Гораздо более уместно вспомнить слова выдающегося американца Бенджамена Франклина: «Прежде чем указывать на мои недостатки, вымой свой палец».

Что же касается провокационных измышлений американской прессы по поводу преследований за политические убеждения в СССР, то их природа совершенно очевидна. Этот новый демарш буржуазной идеологии, берущей под защиту пособников империализма в социалистических странах, представляет собой очередную попытку дискредитировать перед лицом мирового общественного мнения социалистическую демократию и тем самым отвлечь внимание от грубейших нарушений прав личности в США, многочисленных судебных репрессий против борцов за политические права для угнетенных и дискриминированных групп населения США.

Однако клеветнические измышления никогда не приносили лавров их авторам. Так случилось и на этот раз, что убедительно продемонстрировала Белградская встреча представителей государств — участников общеевропейского совещания в Хельсинки. Все попытки американского конгрессмена Д. Фэссела вызвать сочувствие собрав-

шихся к представленному Вашингтоном специальному докладу о преследовании пресловутых «инакомыслящих» в СССР потерпели сокрушительный провал. А сам Д. Фэссел под давлением неопровержимых фактов вынужден был заявить, что «не желает полемики», и поспешно покинул Белград.

Глава американской делегации А. Голдберг, несмотря на многомесячные усилия, также никого не смог увлечь своей демагогией. Даже представители многих стран НАТО отмежевались от американской позиции.

Тем самым бесперспективность недобросовестных политических маневров инициаторов психологической войны против СССР была убедительно подтверждена международным общественным мнением.

Демократическая сущность социалистического государства, демократизм советского правосудия имеют прочные социально-политические основы и исторические традиции. Это неоднократно отмечалось прогрессивной юридической общественностью различных стран мира. Принципиальную позицию по этому вопросу с предельной ясностью выразили в книге «Уголовная юстиция в Америке» хорошо осведомленные о действительном положении личности в СССР авторитетные американские юристы Ричард Эдвардс, Митчел Рейч, Томас Вайсскопф: «Социализм предоставляет личности реальные возможности осуществления прав человека и гражданских свобод, причем не в абстрактном, а в конкретном, повседневном значении».

В Министерстве юстиции СССР

В Москве состоялось очередное заседание советско-финской смешанной Комиссии, действующей в соответствии с Соглашением между правительством СССР и правительством Финляндской Республики о сотрудничестве по правовым вопросам.

В заседании приняли участие: В. И. Теребилов, министр юстиции СССР, Н. А. Осетров, заместитель министра юстиции СССР, Т. Сало — министр юстиции Финляндии, Э. Айлио, член Верховного суда Финляндии, И. Анттила, директор научно-исследовательского института правовой политики; А. Кививуори, начальник законодательного отдела министерства юстиции Финляндии, и другие официальные лица.

Стороны обменялись информацией по важнейшим отраслям деятельности министерств юстиции в истекшем году, рассмотрели итоги сотрудничества за 1977 год, а также утвердили план основных мероприятий по сотрудничеству на 1978 год.

По окончании работы смешанной Комиссии состоялся симпозиум, на котором были рассмотрены вопросы, связанные с подготовкой юридических кадров в СССР и в Финляндии. От советской стороны с докладами выступили: начальник управления кадров Министерства юстиции СССР М. П. Вышинский, директор Всесоюзного института усовершенствования работников юстиции Н. Я. Соколов, декан юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Г. В. Иванов.

Финские гости посетили Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции и ознакомились с формами и методами повышения квалификации юридических кадров.

**СЛОВО
народного
депутата**

**Н. ШАМОТА,
академик АН УССР,
депутат Верховного Совета СССР,
член правления
Союза писателей СССР**

ТОРЖЕСТВО РАЗУМА И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

И так, вступила в силу, действует, живет и работает новая Конституция Союза Советских Социалистических Республик. Вступил в силу документ самой разумной, честной и ответственной демократии. Я называю ее разумной, честной и ответственной потому, что она опирается на политическую зрелость и организованность масс, учит каждого активно думать, сознательно принимать решения и столь же сознательно добиваться их выполнения. Я называю ее так потому, что она развивает коллективные начала в жизни людей, товарищескую критику и самокритику — эти необходимые условия морального здоровья любого коллектива и высокой работоспособности каждого его члена. Наконец, я называю ее так потому, что она обеспечивает надежный общественный порядок, душевную свободу людей и стимулирует развитие всех челове-

ческих дарований, поощряя соревнование с высшими достижениями человеческих талантов.

Эпоха, начавшаяся нашим Октябрем, определившим лицо двадцатого века, коренным образом изменила соотношение двух, казалось, несопоставимых понятий — человек и история. В нашу революционную эпоху до конца обнажается человеческое содержание исторических событий и значение человеческой инициативы в их свершении. Мы живем в эпоху, когда рядовой человек имеет возможность сознавать себя непосредственно сопричастным истории.

С трибуны советского парламента один за другим выступали народные депутаты — партийные и советские работники, рабочие, колхозники, учителя, писатели из Москвы, Ленинграда, Киева, Коми АССР, Ханты-Мансийского автономного округа, из Хакасии, от всех народов и народностей. Каждый со своим жизненным опытом, своей трудовой и политической биографией. Из этих биографий складывается биография страны, ее история. Потому что эти человеческие судьбы являются как бы живой иллюстрацией, физическим подтверждением одного из главных положений Конституции 1977 года — положения о том, что зрелый социализм развивается на своей собственной основе. А это значит — также на собственной человеческой основе, на основе созданных им духовных, нравственных ценностей, новой человеческой культуры.

Думаю, нет необходимости искать другие доказательства, чтобы с уверенностью говорить о начале новой цивилизации, цивилизации, которая отмечает свои шаги не храмами и дворцами только, но победами в развитии чувства свободы и человеческого достоинства, то есть цивилизации, которая не может быть ни уничтожена, ни остановлена.

Но история есть история, и она не только совершается, но и пишется. Ведь это пишется книга жизни для будущих поколений.

Пройдет некоторое время, и наши кинодокументалисты, продолжая доброе начинание — серию «Наша биография», создадут картину «Год 1977». Крупнейшим событием в ней будет провозглашение новой Советской Конституции, ее эмоциональная сила будет определена пафосом всенародного обсуждения проекта этого важнейшего политического и юридического документа нашего времени. И перед нами вновь предстанут события поистине исторические, в которых миллионы граждан — действующие лица.

Ибо что иное увлекло бы людей (140 миллионов, более 80 процентов взрослого населения страны!) на собрания, митинги, беседы, встречи, что иное побудило бы миллионы простых тружеников обращаться в партийные и советские учреждения, в комсомольские и профсоюзные органы, в газеты и другие средства информации и организации масс со своими мыслями, если не уверенность в том, что речь идет о документе важности чрезвычайной, касающемся всех и каждого в отдельности, и что для его одобрения и улучшения их мнение совершенно необходимо? Что иное могло вызвать такую политическую и, я бы сказал, законотворческую активность, как не уверенность в том, что каждый голос будет услышан, каждая поднятая рука будет замечена, каждое предложение взвешено и учтено? Эта уверенность последовательно поддерживалась и воспитывалась всей практикой нашего государственного строительства

и стала определяющей чертой политического сознания советских людей.

Сказанным я хочу только подчеркнуть, что обсуждение проекта Конституции, повсеместное выражение чувства удовлетворения способствуют укреплению у наших людей вкуса к политике, развитию культуры политического мышления, уважения к демократическим институтам государства. Иначе говоря, речь идет об обострении чувства истории и исторической ответственности, укреплении гражданского достоинства человека и сознания того, что единица — величина огромная, если она берется за дело основательно и ответственно и не отделяет себя от других, но на основе подлинного равенства и братства сотрудничает с другими. В знаменательный для страны и, не боюсь преувеличения, знаменательный для всего мира наш юбилейный год мы сделали новый шаг в развитии советской демократии и каждому, кто не потерял способности видеть и мыслить, открыли ее общечеловеческое значение.

Отсюда, на мой взгляд, следует начинать выводы, которые каждый из нас делает для себя, в своей области деятельности. Но, понятно, здесь только отправная точка, можно сказать, личная точка отсчета тех ценностей, которые заложены и с каждым годом все полнее будут открываться для нас в нашем новом Основном Законе. Это ценности политические и нравственные. Впервые в истории мы наблюдаем столь яркое проявление связи политики с нравственностью. Наша политика учитывает нравственные принципы социалистического общежития, опирается на них; с другой стороны, социалистическая нравственность находит покровительство и защиту в Конституции страны.

Идейное богатство и политический опыт, которые приобрели в эти месяцы наша партия и весь народ, будут оказывать долговременное и многостороннее плодотворное влияние на всю нашу партийную, государственную, общественную и частную жизнь.

Л. И. Брежнев в докладе на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР раскрыл глубокое философское содержание, гуманистические принципы и цели Конституции общенародного социалистического государства. Мы можем сказать, что она построена на таком прочном фундаменте, на котором возводятся сооружения монументальные. Мы можем сказать, что все мы, вся партия и весь народ обогатились новыми идеями, теоретическими положениями и, что, может быть, самое важное, блестящими примерами творческого подхода к решению возникающих в жизни задач.

Проникнутая заботой о человеке, Конституция СССР законодательно закрепляет высший принцип советского государственного строя и высшие цели общества: удовлетворение постоянно растущих потребностей трудящихся — как материальных, так и духовных. Подчеркиваю: так и духовных.

Отношение Коммунистической партии и Советского государства к вопросам культуры заслуживает того, чтобы остановиться на этом подробнее. В статье 46 Основного Закона говорится:

«Граждане СССР имеют право на пользование достижениями культуры.

Это право обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и об-

ществленных фондах; развитием и равномерным размещением культурно-просветительных учреждений на территории страны; развитием телевидения и радио, книгоиздательского дела и периодической печати, сети бесплатных библиотек; расширением культурного обмена с зарубежными государствами».

Мы знаем, что это не из области благих пожеланий. Это делается, и делается в масштабах общегосударственных.

В свое время В. Брюсов, доведенный до отчаяния существующими в царской России порядками, взывал к революции как к суду беспощадному, не знающему жалости ни к кому и ни к чему, и готов был принести ей в жертву всю культуру и себя самого.

Я знаю, погибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Но революция не потребовала таких жертв. Напротив, она защитила нашу культуру от интеллектуального разорения, к которому вела ее жиреющая русская буржуазия. Революция не только не уничтожила и не унизила творцов национальных культур, но на неизмеримую высоту подняла их общественный престиж. И не тем подняла, что поставила над народом, а тем, что признала их работу органичной и необходимой частью общепартийного, общенародного дела. Может ли быть более высокое признание!

Герберт Уэллс написал о революционной России книгу «Россия во мгле», в которой называл большевиков неисправимыми мечтателями. Ему, однако, хватило писательской честности, чтобы не без удивления и не без зависти признать: «В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке. В Англии и Америке выпуск серьезной литературы по доступным ценам фактически прекратился сейчас «из-за дороговизны бумаги». Духовная пища английских и американских масс становится все более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит. Большевистское правительство, во всяком случае, стоит на большой высоте. В умирающей с голоду России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются и смогут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, которое не доступно ни одному другому народу». Он тут же, правда, добавил, что не представляет, как эти книги дойдут до людей, когда ими некому торговать. А ведь дошли. И сейчас мы с гордостью, которая никого не должна обижать, ибо речь идет о деле благороднейшем, можем сказать: как же далеко мы пошли вперед по сравнению с тем, что тогда поразило Уэллса! И если уже в то время был замечен контраст с «богатой Англией и богатой Америкой», то что сказал бы Уэллс сегодня, наблюдая наводнение книжного рынка в этих странах низкопробной, обывательской «массовой» литературой или столь же далеким и от того, что он назвал «серьезной литературой», модернистскими «экспериментами»!

Мне, представителю одной из союзных республик в Совете Национальностей Верховного Совета СССР, особо хочется отметить

глубоко справедливое решение в нашей Конституции национального вопроса. Самым внимательным образом она учитывает национальные различия, традиции, сложившийся быт народов, народностей и этнических групп. Конституция исходит из ленинских указаний, суть которых сводится к тому, что чем свободнее нации, тем крепче союз между ними, чем внимательнее мы будем относиться к особенностям национального уклада жизни и обычаев — если это, понятно, не варварские обычаи, насаждавшиеся эксплуататорскими классами и царизмом, — тем прочнее будут доверие между народами, их братские чувства, политическое и экономическое сотрудничество, тем активнее будут складываться общесоветские традиции. Те же самые ленинские принципы соблюдает наша Конституция, когда она предостерегает, что любые препятствия расширяющейся интернационализации во всех сферах общественной жизни, в частности всякие проявления местничества, затрудняющие развитие общегосударственного народнохозяйственного комплекса и укрепляющегося на основе экономического сотрудничества чувства семьи единой, противоестественны для нашего образа жизни и вредны как для достижения коммунистических идеалов общества, так и для всей нашей повседневной жизни.

Опыт подсказывает, что отношение к национальному вопросу всегда оказывается тем оселком, на котором проверяется подлинная сущность партийных программ и истинное лицо их приверженцев. В. И. Ленин писал о Марксе, что он «имел обыкновение «щупать зуб», как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательность и убежденность» именно по тому, как решают они национальный вопрос.

Известно, что в процессе обсуждения проекта были высказаны соображения и по национальному вопросу и что некоторые из них

В детской библиотеке.

признаны неприемлемыми принципиально. Нельзя, например, согласиться с тем, чтобы из Конституции исключить положение о праве республик на выход из Союза. Это положение было и в прежней Конституции, и на протяжении сорока лет никто им не пожелал воспользоваться. Ибо речь идет не о том, что нас держат в Союзе, а о том, что мы в своих национальных, социалистических интересах сами держимся Союза. Пусть это видит весь мир и считается с этим внушительным доказательством единства и монолитности нашего государства, доказательством, которое, будем надеяться, отрезвляюще подействует и на политических ястребов и авантюристов.

Основной Закон общенародного социалистического государства законодательно закрепляет результаты нашего развития, все то, что обладает потенциальными возможностями роста, в чем заложены зерна будущего. На уровне Основного Закона государства утверждается, таким образом, одна из важнейших особенностей социалистического общества и одна из характернейших черт советского образа жизни — неуклонный экономический, социальный, нравственный прогресс. Опираясь на самое передовое и жизнеспособное, созданное народом в процессе строительства социализма, в трудах и в творческих поисках, наша Конституция работает на коммунизм. Думаю, что и в этом кроется объяснение того, почему наши люди с таким горячим одобрением встретили записанное в ней положение о руководящей роли Коммунистической партии в жизни государства и общества. Ведь она — самая революционная, творческая сила современности.

Если буржуазные конституции или документы, которые их заменяют, многочисленные поправки к ним, в которых теряется порой сама первооснова, выполняют охранительные функции при капитале, то Конституция развитого и развивающегося социализма, утверждая и оберегая достигнутое, выполняет функции творческие, созидательные.

Любой непредубежденный наблюдатель за рубежом не мог не заметить и не оценить внимательного, уважительного отношения Конституционной Комиссии и Верховного Совета СССР к высказанным участниками всенародного обсуждения замечаниям, предложениям и поправкам, в том числе и к тем, которые касаются так называемых вопросов текущих, повседневных, подробностей и «мелочей» жизни. Обращают на себя внимание и конкретность, четкость, определенность изложения каждой статьи Конституции, она не допускает разночтений и произвольного толкования ее положений.

Партия исходит из того — и примером для нее является вся политическая и государственная деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, — что для коммунистов нет мелочей и частных, если от них зависит душевное благополучие и доброе настроение советского человека. Мы уже можем ставить на государственном уровне такие вопросы, как самочувствие, настроение, эстетика производства и быта и другие «подробности» частной жизни людей. Люди желают жить зажиточно материально и духовно, «подробнее желают жить». Конституция СССР 1977 года отражает этот новый этап развития потребностей народа и обязывает каждое

должностное лицо, каждый коллектив делать все для удовлетворения потребностей, воспитывать разумные человеческие потребности и считаться с тем, что они будут возрастать. Настаиваю на словах «разумные потребности», имея в виду, что в систему человеческих интересов органически включаются интересы трудовые. Ибо если коммунизм предполагает распределение по потребностям, то понятно само собою, что он не может наступить раньше, чем сам труд станет потребностью. Такова действительная диалектика перехода от распределения по труду к распределению по потребностям.

Невозможно, конечно, рассказать одному автору о всем идейном и нравственном богатстве нашей Конституции. Но в связи с только что затронутым вопросом о разумных потребностях людей коротко останавлиюсь еще на двух внешне весьма отдаленных друг от друга положениях, но, как мне кажется, отдаленных только внешне. Выбор мой падает на них лишь потому, что из предусмотренных в этих статьях прав и свобод прямо вытекает и система наших гражданских обязанностей. Наше самое главное право — право на обязанность, которое я понимаю как право на уважение людей, на необходимость людям. Что бы мы значили без такого права?

Прежде всего речь идет, конечно, о праве на труд и на выбор профессии в соответствии с потребностями общества.

Для нашего государства, начиная с первой пятилетки, вопрос о занятости перестал быть общественной проблемой. Ныне как отдаленное эхо войны существует проблема ограниченности трудовых ресурсов, нам порой не хватает рабочих рук. Эту проблему мы будем решать и решим обязательно прежде всего самыми интенсивными темпами механизации и автоматизации производственных процессов. Конечно, на такое дело требуются время и немалые средства, необходимо мобилизовать как науку, так и техническое творчество рационализаторов, изобретателей, передовиков производства.

На Западе же все острее становится проблема недостатка рабочих мест. И главное здесь заключается в том, что она и не может быть решена. Ее пытаются смягчить во избежание взрыва народного негодования, но только смягчить. Ибо капитализм не может существовать без резервной армии рабочей силы, без конкуренции «внизу» — за рабочее место. Такая конкуренция — самое выгодное условие эксплуатации работающих. Более того, безработица необходима буржуазии и в политических целях: ей выгодно поддерживать конфликтные ситуации «внизу», подрывать солидарность рабочего класса, сталкивая работающих и безработных, насаждая зависть у одних, страх потерять работу — у других.

Вообще говоря, не позавидуешь ни одним, ни другим. Потому что работающие работают на износ, всегда в страхе потерять место. Что касается безработных, то и врагу не пожелаешь такой судьбы. На досуге юмористы изощряются в создании самых коротких новелл. Одна из них: Джон зажег спичку — посмотреть, что в бочке. Джону было 17 лет. Более современно и еще короче: Джон потерял работу. Ему было 50 лет. Если человек в таком возрасте остается безработным, то уже, как правило, навсегда, и о нем приходится говорить в прошедшем времени. Мрачный юмор, мрачный своей неумолимой правдой.

Вспоминается стихотворение одного русского дореволюционного автора. В нем речь идет о том, что в детстве каждый из нас засыпал под сказку. Но сказки обычно начинаются коварством злых или глупых сил. И хотя в конце побеждало добро, мы засыпали, не дождавшись его победы. Такова, мол, и вся человеческая жизнь: человек уйдет в вечный сон, не дождавшись торжества справедливости. Я не знаю более пессимистического произведения. И пришло оно мне на память в разговоре о положении безработного само собою, ибо не представляю себе более отчаянного положения, чем положение лишнего человека.

Я пока веду речь о труде как источнике существования, о рабочем месте как источнике поддержания физических сил человека и жизни семьи. Но ведь дело в том, что по природе своей — и это открыто и утверждено социализмом — труд не есть лишь источник существования. Он источник полноценной творческой жизни. В первой необходимости материальной жизни общества человек социалистического мира открывает для себя чистый родник свободы и нравственного удовлетворения. Вот еще один пример живой диалектики, диалектики взаимосвязи свободы и необходимости!

Вот здесь, именно здесь обнаруживается водораздел между социализмом и капитализмом как между гуманизмом, человечностью и антигуманизмом, бесчеловечностью. Он будет обозначаться все резче, этот водораздел, и на этой почве будет обостряться идеологическая борьба. Здесь преимущество социализма неоспоримо. И преимущество стратегическое, ибо суть нашей экономической, политической, идеологической стратегии состоит в том, чтобы добиться всестороннего гармонического развития личности. Подобной задачи не ставил капитализм никогда и ничего для ее решения не делал и не способен сделать.

На художественной выставке.

А теперь несколько слов о статье 52. О свободе совести говорится и в ряде буржуазных конституций. Это касается главным образом свободы вероисповедания. Как же на самом деле обстоят дела в капиталистических странах? Достаточно напомнить о событиях в Ольстере, где ведется подлинная война (и это в двадцатом веке!) между католиками и протестантами. Это, так сказать, на виду у всего мира. Но глухая вражда между различными религиозными общинами и между крупными религиозными течениями наблюдается во всем капиталистическом мире. За ней стоят классовые силы. Пожалуй, это та область, где наиболее прочно удерживается и наиболее «респектабельно» осуществляется лозунг: разделяй и властвуй. При чем же здесь, спрашивается, совесть? Или и совесть уже не совесть, подобно тому, как братство — не братство, равенство — не равенство и свобода — не свобода, а всего лишь частная инициатива, освященный в качестве независимости личности индивидуализм и «равные возможности», то есть возможности пожирать других или быть сожранным другими?

Когда наша Конституция провозглашает свободу совести, то она имеет в виду отделенное от государства и школы существование религиозных верований, отношения между которыми не могут приводить к нарушению общественного порядка, к распрям и столкновениям.

Это — во-первых. Во-вторых же, — и это самое главное — Конституция провозглашает свободу атеистических убеждений и пропаганду научного мировоззрения. Таким образом, помимо и вместо права человека выбирать себе невидимую божественную власть, а в лице ее жрецов — и вполне реальную, ощутимую, деспотичную и нередко изуверскую, мы обеспечиваем своим гражданам свободу от этой мифической и реальной власти, умеющей требовать и ограничивать, но не умеющей ничего дать взамен, и реальное право поступать по велению совести, свободной от предрассудков и угнетения. Свобода совести в нашей Конституции есть, таким образом, свобода от самого коварного деспота — божественной силы и ее постоянного спутника — нечистой силы, то есть от последнего перешедшего в наследство от прошлого угнетения.

Я попытался раскрыть идеологическое и нравственное содержание лишь некоторых положений нашей Конституции. Но такое содержание имеет каждая глава и каждая статья, потому что весь этот документ является реализацией программного положения нашей партии — все для человека, все во имя человека.

Стратегия психологической войны, ведущейся против нас всеми средствами буржуазной дезинформации, сводится, как признаются ее наставники, к тому, чтобы аполитизировать нашу молодежь соблазном безответственности как якобы самого полного выражения независимости и «взрослости», у людей среднего поколения пробуждать собственнические инстинкты, старших нейтрализовать религией. Несложно понять, что речь идет о том, чтобы повернуть нас назад. Не выйдет. Шестьдесят лет не выходило и не выйдет впредь. Социализм вошел в плоть и кровь нашего общества и наших людей. Только политическим ослеплением можно объяснить, как это «деловые люди» позволяют себе вкладывать капитал в столь безнадежное предприятие.

Пропагандисты западной «демократии», западного «стиля жизни», западных «ценностей» уже не один год вынуждены говорить о «кризисе американского духа», случается даже, что называют свое общество преступным обществом, обществом наркоманов и так далее и не один год ищут средства преодоления пороков буржуазного общества на его собственной основе, то есть на основе частной собственности и частной инициативы.

Безуспешно. На этой основе ни создавать, ни защищать гуманистические ценности нельзя. Да и нет таких специфически «американских» или иных западных «ценностей», за которые стоит болеть. Автор недавно переведенной у нас книги «Наше преступное общество» американский социолог и криминолог Эдвин М. Шур, например, признает, что в американском обществе неудержимо падает содержание духовных понятий и даже в церковь он отправляется «заправиться» или «дозаправиться». Жажда успеха, выражающегося только в долларах, жажда, которую сознательно разжигает реклама, это поистине национальное бедствие страны, никогда не связывается здесь с понятием труда, но лишь с такими понятиями, как ловкость, везение, удача. За счет неудачи других, понятно.

Один горьковский герой из пьесы «На дне» высказал горькую тоску по свободе таким образом: «Человек за все платит сам, и потому он — свободен». В обществе, где действительно за все надо платить, в том числе сомнениями, душевными страданиями, отчаянием, за человеком надо бы признать право на свободу хотя бы потому, что она так дорого ему обходится. Но за горизонтами понятий обитателей ночлежки Горький видел занимающийся день подлинной справедливости, где люди скажут: «Человек все создает сам, и потому он — свободен». Этот день настал. Это наш день. И эта мысль вышла на околопланетную орбиту, ее никому не погасить.

Я уже говорил о том водоразделе между миром социализма и миром капитализма, который выявляется отношением к труду, социальным престижем труда. Но такой же водораздел обозначают и другие гуманистические ценности, созданные или воскрешенные социализмом и записанные в Конституции Советского государства.

Это — коллектив и чувство трудового товарищества и идейного единомыслия. Это — близкое к нему по своему гуманистическому содержанию чувство дружбы народов, интернационализм. И — самая дорогая для нас политическая, идейная, нравственная ценность — Коммунистическая партия. Это она выступила инициатором принятия новой Конституции страны. Это она вложила в нее свой разум и свою душу. Это она своей честью гарантирует неукоснительное соблюдение каждой ее статьи. И, руководимые партией, мы используем все свои конституционные права и свободы, чтобы выполнить главный долг человека и гражданина — трудом и талантом множить славу Родины. А высшая ее слава — коммунизм.

**КОНСТИТУЦИЯ СССР
ДЕЙСТВУЕТ, ЖИВЕТ,
РАБОТАЕТ**

СЛОВО НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

РЕПОРТАЖИ

*что сделано
по письмам*

СОВЕЩАНИЕ

КАНТЕМИРОВЦЫ

Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР — почетная обязанность советских граждан.

Статья 63 Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик.

В музее боевой славы гвардейской танковой Кантемировской ордена Ленина Краснознаменной дивизии я увидел непримечательный с виду блокнотик. Размером в половину ладони, он лежал под стеклом, рядом с истершимся офицерским планшетом и маленькой, потускневшей от времени фотографией молодого танкиста с чуть прищуренными глазами и волевым подбородком. И только вчитавшись в содержание его страничек, начинаешь понимать, что перед тобой документ сурового военного времени, который по праву занял место рядом с полуобгоревшим автоматом, найденным на месте прошедших боев, с помятой каской, со священной землей Курска и другими реликвиями.

У блокнота, как, впрочем, и у остальных экспонатов, своя история. Его подарил музею вместе с планшетом бывший танкист, а ныне полковник в отставке Святослав Александрович Стуков. Они сохранились у него с 1942 года. А торопливые, с сокращениями, карандашные записи на крохотных страничках представляли собой

план-конспект политзанятия, которое Стуков, тогда еще молодой лейтенант, провел с танкистами в перерыве между боями. Тема — Советская Конституция 1936 года. Записи позволяют судить, о чем говорил пропагандист слушателям. Рассказав о политической и экономической основах государства победившего социализма, о правах трудящихся, он перешел к обязанностям каждого гражданина. И здесь для самого себя пометил: «Развить мысль о защите Родины и рассказать о разгроме немцев под Москвой». Слова эти подчеркнуты как самое важное. Так оно, собственно, и было: обстановка на фронтах складывалась нелегко. Потерпев поражение под Москвой, немцы рвались к Сталинграду. Именно отсюда и начал свой боевой путь незадолго перед этим образованный 17-й танковый корпус...

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

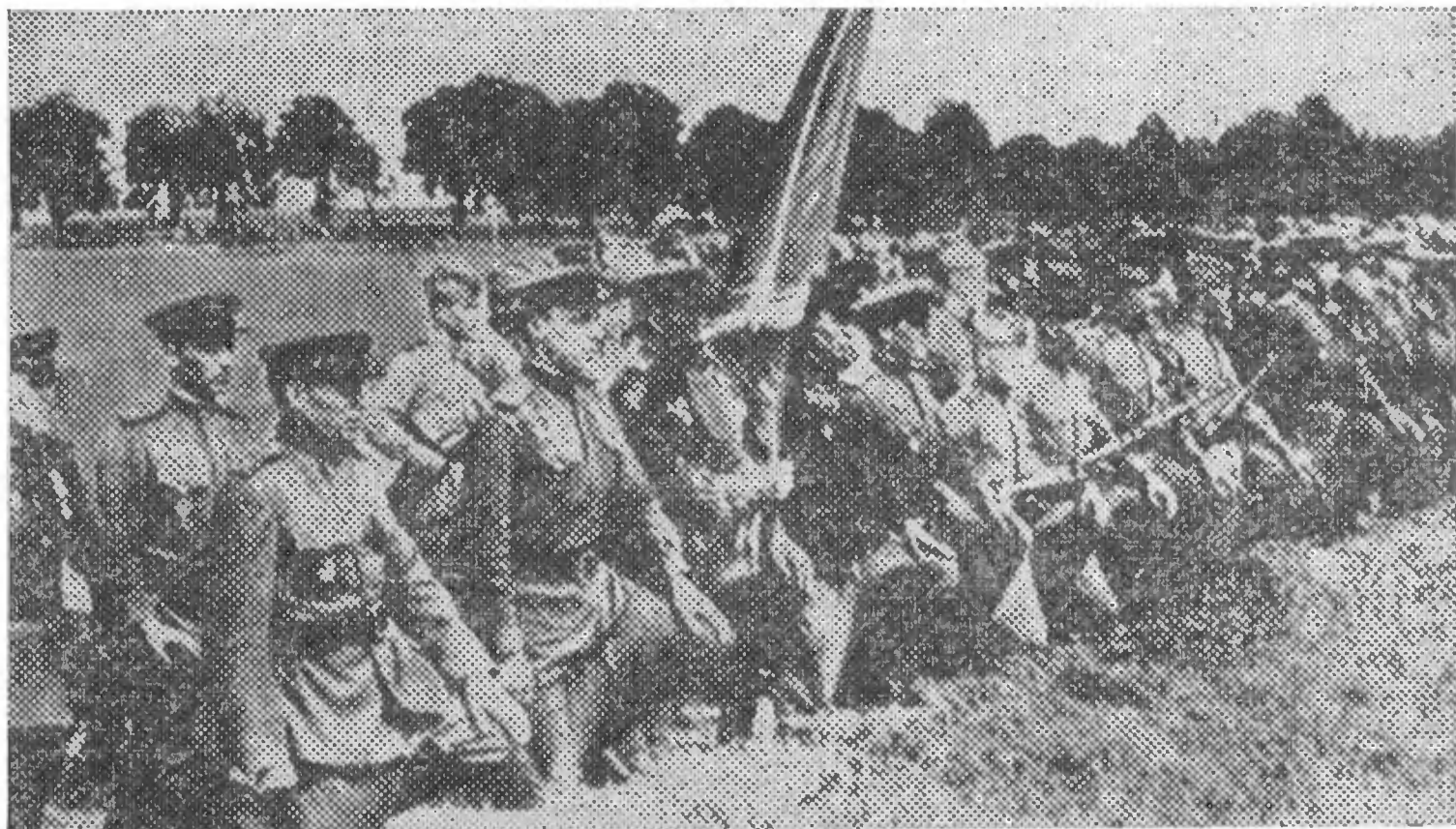
После многих недель жестоких кровопролитных боев под Сталинградом нашим войскам удалось остановить немецкие полчища. И не только остановить, но и, обойдя с двух сторон, окружить трехсоттридцатитысячную группировку Паулюса. Чтобы спасти свои попавшие в «котел» дивизии, немецко-фашистское командование создало ударную группу армий, которые должны были с внешней стороны прорвать кольцо, но не смогли. 16 декабря 1942 года в районе Среднего Дона началась мощная артиллерийская канонада. Советские войска перешли в наступление.

С правого фланга наступал 17-й танковый корпус. Ему надо было прорвать линию немецкой обороны и захватить город Кантемировку — крупный опорный пункт противника. Первый день прошел в ожесточенных боях. Настоящие сражения развернулись возле населенных пунктов Дубовиковка, Тала, Писаревка. Лишь на третьи сутки глубокой ночью 17-й танковый корпус подошел к Кантемировке.

С рассветом одна танковая бригада наступала на Кантемировку с юга, другая — с юго-востока. Это внесло сумятицу в ряды обороняющихся. Советские танки появились в центре города, в районе железнодорожной станции. Более десяти часов, то затихая, то вспыхивая с новой силой, продолжались уличные бои. Поздно вечером Кантемировка была полностью освобождена.

Последующие дни 17-й танковый корпус, до подхода основных сил, отбивал контратаки врага. 21 декабря в Кантемировку вступила 6-я армия. И снова — наступление. На этот раз — в сторону Волошино, расположенного за сто десять километров. Скрытым маршем танкисты подошли к городу и с ходу захватили его.

Эти две операции, по масштабу, казалось бы, совсем небольшие на огромном театре военных действий, сыграли значительную роль для развития дальнейших событий в районе Среднего Дона. Была перерезана железнодорожная магистраль Воронеж — Ростов, по которой происходило снабжение ударных группировок немцев и их союзников. Силами Юго-Западного фронта они были отброшены на 240 километров. Окруженная под Сталинградом армия Паулюса потеряла всякую надежду на помощь извне. До ее капитуляции оставались считанные дни...

Снимок фронтовых лет: клятва гвардейцев-кантемировцев.

Вот почему так высоко были оценены боевые действия танкистов в декабре 1942 года. Их 17-й танковый корпус был переименован в 4-й гвардейский танковый корпус. Кроме того, в честь города, который довелось освободить, ему было присвоено почетное наименование — Кантемировский.

Гвардейский танковый корпус (после войны он был преобразован в гвардейскую танковую дивизию) впоследствии участвовал в великой битве на Курской дуге. Освобождал Киев, Львов, Прагу...

Давно отгремела война. Начались мирные армейские будни. Чем живут сегодняшние гвардейцы-кантемировцы? Как выполняют военную присягу, обязывающую их честно служить Родине?

Об этом дальнейший рассказ.

ПРИХОДЯТ В АРМИЮ РЕБЯТА

От контрольно-пропускного пункта тянется прямая аллея, усаженная по обе стороны деревьями. Виден темный квадрат плаца, доносятся звонкие команды. Там идут занятия по строевой подготовке. Справа расположена длинная, с макетами танков, траншеями, извилистыми переходами, полоса препятствий. Офицер с секундомером в руке помедлил немного и резко скомандовал: «Вперед!» Замелькали быстрые ловкие фигуры. Группа солдат в танкистских комбинезонах строем идет в учебный класс — заниматься на тренажерах...

Обычный будничный день, наполненный учебой, тренировками. Еще недавно эти ребята в разных концах страны работали на заводах, фабриках, в колхозах. А теперь вот объединились в одну армейскую семью, чтобы стать механиками-водителями, наводчиками, радистами, командирами танков. С чего же начинается становление

солдата? Об этом рассказал политработник Степан Иванович Панасюк.

— Прежде всего, с его идейного воспитания,— сказал он.— Юноша, надевший солдатскую форму, должен по-настоящему осознать, что ему доверена почетная обязанность — быть защитником Родины. В нашей гвардейской танковой дивизии замечательные боевые традиции, и мы их широко используем в воспитательной работе. Молодым солдатам прежде всего рассказываем о боевом пути части. Ведем их в наш музей. Знаете, сколько раз я наблюдал за ними — и всегда поражаюсь: при виде боевых реликвий, опаленных войной, прямо на глазах меняются ребята, становятся строже, серьезнее. А разве может кто остаться равнодушным, когда начинаешь рассказывать о замечательном подвиге младшего лейтенанта В. Ермолаева и сержанта А. Тимофеева. Во время боя их танк загорелся. На объятый пламенем машине они ринулись в самую гущу гитлеровцев. А когда немецкий «тигр» попытался прийти на выручку своей пехоте, они таранили его. За свой подвиг танкисты удостоены высокого звания Героев Советского Союза. Их имена навечно зачислены в списки одного из наших подразделений и первыми называются на вечерних поверках...

Справедливо говорят, что армия — это школа воспитания. До призыва молодые люди зачастую не имеют жизненной закалки. А тут сразу — и полевые занятия, и утомительные марш-броски, и многодневные учения. Молодому солдату приходится преодолевать немало трудностей. Преодолевать даже тогда, когда для этого, казалось бы, и сил уже нет...

В одном из подразделений я разговаривал со старшим сержантом Михаилом Медведевым, сержантами Сергеем Варламовым и Юрием Терентьевым. Они без улыбки не могут вспоминать, как начали служить в армии. Когда впервые подошли к боевой машине, которую до этого видели лишь в кино и на картинках, каждым невольно овладела робость. Потом были дни и месяцы учебы, кропотливого солдатского труда. Сейчас все трое — командиры танков. Мастера своего дела. Отличились на недавних учениях. Их армейская служба еще продолжается, но уже прикидывают, как будут жить дальше, после увольнения в запас. Мнение у всех троих единое: учиться надо. До армии об учебе как-то мало думали, а теперь вот поняли: без нее в дальнейшем не обойтись.

Это, пожалуй, самая благотворная сторона армейского воспитания: человек становится взрослее, сознательнее, более ответственно относится к своим обязанностям перед обществом. Не случайно на XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев подчеркнул: «Юноши приходят в солдатскую семью, не имея жизненной школы. Но возвращаются они из армии уже людьми, прошедшими школу выдержки и дисциплины, получившими технические, профессиональные знания и политическую подготовку».

...На учениях во время переправы в сложных условиях под лед провалился танк. Чтобы вытащить его, надо было лезть в ледяную воду и зацепить тросом. Кроме того, забраться внутрь и снять машину с тормоза.

Построили всех.

— Кто пойдет? Дело добровольное.

Несколько лет назад встретились в Москве фронтовые друзья: бывший стрелок-радист Анатолий Петрович Шорохов (слева) и бывший механик-водитель Михаил Григорьевич Полтавец.

Механик-водитель Вячеслав Толкачев и наводчик Валерий Старовойтов вышли из строя почти одновременно. Нашли для них два шерстяных спортивных костюма. Переоделись. Водолазных принадлежностей под рукой не оказалось, использовали танковые изолирующие противогазы. Первым нырнул Толкачев. Ледяная вода обожгла. Перехватило дыхание. Где же танк? Темная громадина боевой машины стояла к нему боком. Толкачев подплыл ближе. Добрался до башни. Скользнул вниз. В сплошной темноте на ощупь переключил рычаги. Теперь — вверх. На берегу его подхватили, сняли мокрую одежду и, укутав в заранее припасенный тулуп, занесли в крытый кузов машины техпомощи. Вторым с тросом в руке в воду шагнул Старовойтов...

Танк вытащили. Здесь же на берегу реки его вычистили, привели в порядок. А спустя два дня он уже участвовал в продолжавшихся учениях.

Рассказав об этом случае, Степан Иванович Панасюк добавил: — Нет, армейская закалка для молодого человека — большое дело! Я, к примеру, твердо убежден, что и в боевой обстановке Толкачев и Старовойтов поступили бы также мужественно. И в труде они, конечно же, покажут себя с лучшей стороны. Таким парням можно доверить любое дело!

КОМАНДИРАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Полковник Александр Александрович Кочергин, много лет прослуживший в танковых войсках, по состоянию здоровья увольнялся из армии. А его семнадцатилетний сын Александр в это же время

поступил в Казанское высшее танковое училище. В этом не было ничего удивительного. С детства Саша жил в военном городке, видел танки и в парадном строю, и на боевом марше, слышал немало историй о боевых делах танкистов и проникся уважением к этой нелегкой профессии. Поэтому, когда пришла пора выбирать в жизни дорогу, он не колебался: буду танкистом!

После окончания училища лейтенант Кочергин приехал в часть. Назначили его командиром танкового взвода. Первым, конечно, поздравил отец. И сразу предупредил:

— Только не обольщайся, сынок! Хотя и есть у тебя офицерское звание, но настоящим командиром тебе еще предстоит стать.

Первое знакомство с подчиненными. Лейтенант вглядывался в лица стоящих перед ним солдат и думал: какие же они все разные! И совсем не намного моложе его. Сумеет ли он найти с ними общий язык? Да и солдаты, чувствовалось, изучали его: каков он, новый командир?.. Так началась служба лейтенанта Кочергина. Поднимался чуть свет и спешил в подразделение. Забот было, что называется, по самую макушку: учеба, тренировки, стрельбы. Солдаты сразу отметили: взводный знает дело. Терпелив, тактичен. Если у кого что не получается — объяснит, покажет. Лейтенант учил солдат. Но многому учился и сам. Учился сложной науке воспитания людей, которую по-настоящему глубоко можно было постигнуть лишь повседневной практикой...

Ночью танкистов подняли по сигналу сбора. В считанные минуты взвод был уже у танков. Прогрели двигатели. Потом походной колонной двинулись в сторону железнодорожной станции. Погрузились на платформы. Сутки в пути. Не успели остановиться и выгрузиться, как получили приказ: атаковать «противника», который укрывался за лесом. Проехали километра три — внезапная остановка. Что такое? Оказывается, посредник дал вводную: впереди произведен ядерный взрыв. Пришлось сворачивать в сторону. По условиям военной игры, никто из танкистов не пострадал, но обязательно надо пройти спецобработку. Только несколько часов спустя подразделение вновь развернулось в боевую линию. Кругом болота. Камыши. Наконец выбрались на сухое место. Поднялись на высоту и, с ходу стреляя учебными снарядами, пошли в атаку. «Противник», почти не оказывая сопротивления, отступил.

Остановились. Командир развернул на броне танка крупномасштабную карту и задумался. По всему видно, они наткнулись лишь на часть сил «противника», поэтому тот и отступил. Где остальные? Не готовят ли ловушку?

— Лейтенант Кочергин! Пойдете на танке в разведку. Обратите внимание на этот квадрат... Обо всем, что увидите, немедленно докладывайте мне по рации!

— Есть!

Танк медленно пополз в чащу. Механик-водитель младший сержант Анатолий Мухин вел машину осторожно: местность-то кругом незнакомая. Выехали к болоту. Обогнули его с правой стороны. Впереди показалась опушка.

— Выезжать на нее не надо! — крикнул Кочергин механику-водителю. — Поехали вдоль кустарника.

Предусмотрительность оказалась не лишней. Проехав еще не-

СОВЕТСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ — 60 ЛЕТ

**Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР — почетная
обязанность советских граждан.**

Статья 63 Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических
Республик

**СОВЕТСКИМ
ВООРУЖЕННЫМ
СИЛАМ
60 ЛЕТ**

Я клянусь
добросовестно
изучать
военное дело...

Из военной присяги.

ТУЛЯКИ

Бригадир профилешлифовщиков, председатель совета новаторов завода Лев Николаевич Тихонов с членом бригады Николаем Петровичем Трегубовым.

Герой Социалистического Труда, депутат городского Совета народных депутатов, бригадир слесарей-лекальщиков Геннадий Александрович Пушкин со своим учеником Валерием Дульневым.

Фото В. ЗИМИНА.

Ветеран Тульского оружейного завода мастер-воспитатель Александр Георгиевич Федоров.

много, лейтенант заприметил в тени сосен странные предметы. Вроде похожи на стволы танковых пушек. Так и есть — стволы! Но почему они словно бы выглядывают из-под земли? А-а, все понятно! Просто танки находятся в специально отрытых окопах. Замаскировались хорошо — не сразу их и заметишь. Пойди подразделение открыто вот этой опушкой и «перестреляли» бы их в упор. Ну что ж, вы хитры, а мы еще хитрее. Но сначала посчитаем, сколько у вас танков...

Кочергин включил рацию и, наклонившись к самому микрофону, стал вызывать:

— Первый, я второй! Как слышите? Прием.

— Я — второй. Слышу вас хорошо.

— В квадрате... обнаружил до роты танков. Как поняли? Прием.

— Вас понял!

Через час подразделение, обойдя «противника» с тыла, обрушилось на него как снег на голову. Победа была полной.

Танковая колонна расположилась на опушке. Теперь можно было сделать передышку. После длительного перехода и бесконечных маневров танкисты устали. Устал и лейтенант Кочергин. Но ему было не до отдыха. Как и другим офицерам, прежде надо подумать о том, чтобы накормить солдат, организовать предстоящий ночлег. Да, нелегко становиться командиром...

ЗАСЛУЖИТЬ ЭТО ПРАВО

— Из самой Кантемировки?

— Не совсем. Из Кантемировского района. Есть там такой хутор Лиман — так вот оттуда. Красотища у нас неопишемая. Вокруг

Политработник Евгений Викторович Матющенко проводит с молодыми солдатами беседу о новой Конституции СССР.

дубовые леса. Давно объявлены они заповедными, не прикасается к ним ни топор, ни пила лесоруба. А только зайдешь в рощу, смотришь — у одного дуба половины ветвей нет. У другого — начисто срезана верхушка. И сразу вспоминаешь, что когда-то здесь прошла война...

У моего собеседника рядового Василия Сычева спокойное лицо. Говорит неторопливо, взвешивая каждое слово. Он родился через двенадцать лет после войны. Семья всеми нитями привязана к земле. Отец Павел Иванович — бригадир тракторно-полеводческой бригады. Мать телятница на ферме. Семерых детей вырастили. Татьяна и Валентина уже обзавелись собственными семьями. Сергей вернулся недавно домой из армии, а уже подошла очередь его, Василия.

— А в Кантемировскую-то как попал?

— По путевке.

— По путевке?

— А как же! У нас в районе между призывниками идет соревнование за право служить в гвардейской танковой Кантемировской дивизии...

Оказывается, эта замечательная традиция, имеющая большое воспитательное значение, родилась несколько лет назад. Вообще надо сказать, что после окончания войны между жителями Кантемировского района и гвардейцами-танкистами установились самые тесные связи. На площади перед железнодорожной станцией, где происходили самые ожесточенные бои, установлен на постаменте танк, участвовавший в освобождении Кантемировки. Многие солдаты и сержанты, уволившись в запас, едут в этот район — устраиваются на работу, обзаводятся семьями. Естественно, и молодые ребята из Кантемировского района, достигшие призывного возраста, стремятся попасть служить в гвардейскую танковую Кантемировскую дивизию. В райкоме комсомола решили: предоставлять это право только самым достойным. Разработаны условия соревнования. Хорошо учиться и работать — это само собой. Надо быть еще идейно стойким. Закаленным физически. Готовить себя к службе в армии и к моменту призыва обязательно иметь военно-техническую специальность.

— По чести признаться, никак не ожидал, что выбор падет именно на меня, — рассказывал Василий Сычев. — После десятилетки окончил в Кантемировке автошколу, получил шоферские права. Пошел работать в колхоз. И пахать приходилось, и сеять... А потом меня вызывают в райком комсомола и вручают путевку. В армию провожали всем колхозом. Наш председатель Митрофан Гаврилович Погуца, он фронтовик, имеет награды, напутствие сказал. «Ты, — говорит, — Василий, там в армии крепко держи нашу колхозную марку. Мы за тебя поручились, так что не подведи!» И вот я — солдат. Поначалу с непривычки тяжело показалось — и ранний подъем, и усиленные физические нагрузки, и учения. А сейчас ничего — привык. Профессия, которую приобрел до армии, пригодилась — вожу бронетранспортер с радиостанцией. Но приходится не только баранку крутить. Выезжаем, скажем, на полевые занятия. Требуется срочно обеспечить связь. Радисты устанавливают антенны. Ясное дело, я не могу оставаться в стороне. Начинаю помогать им. Да мало ли какие случаи бывают! В армии вообще без взаимной выручки не обойтись.

После учебного боя собрались командиры танков старший сержант Михаил Медведев, сержанты Сергей Варламов и Юрий Терентьев (слева направо).

— А после увольнения в запас куда думаешь податься?

— В родной колхоз, куда ж еще! Меня призвали весной. Значит, весной и уволюсь. В аккурат к посевной. В это время, знаете, как в колхозе рабочие руки нужны!..

А как ведется правовое воспитание воинов? Об этом разговариваю с пропагандистом Василием Кирилловичем Беркуном.

— Право входит в жизнь солдата с первого же дня службы,— рассказывает он.— Где бы военный служащий ни находился — в казарме, на полигоне, в карауле — каждый его шаг регламентируется уставами. Они для него — законы, строгие и обязательные. Не будешь их соблюдать — не получится из тебя хорошего солдата, настоящего защитника Родины. Так молодому человеку, надевшему солдатскую шинель, прививается уважение к закону, которое он впоследствии пронесет через всю жизнь. Уволившись в запас, бывшие кантемировцы успешно трудятся на заводах, в колхозах, совхозах. Многие из них, выполняя гражданский долг, активно участвуют в охране правопорядка как дружинники, члены товарищеских судов. Их избирают народными заседателями... Сейчас, когда принята новая Конституция СССР, в подразделениях проводятся вечера вопросов и ответов, теоретические конференции, которые сопровождаются показом кинофильмов, наглядно иллюстрирующих огромные социальные достижения в нашей стране. Регулярно организуются встречи с интересными людьми. Недавно перед воинами выступила делегат XXV съезда КПСС работница Апрелевского завода грампластинок Нина Павловна Соломатина, которая поделилась своими мыслями об Основном Законе страны...

Перед отъездом из гвардейской танковой Кантемировской дивизии я побывал на политзанятии в одном из подразделений. В просторной Ленинской комнате собрались солдаты. Судя по выправке, они были призваны совсем недавно. Замполит Евгений Викторович Матющенко, высокий подтянутый офицер, произнес:

— Тема сегодняшнего занятия — новая Советская Конституция. В Основном Законе страны говорится, что защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР...

Слушая офицера, я невольно подумал о том политзанятии в грозном 1942-м. Тогда пропагандист тоже говорил о защите Отечества. И эту задачу слушавшим танкистам приходилось выполнять сейчас же, поскольку враг посягнул на нашу свободу и независимость и его надо было гнать с родной земли. Сегодняшним молодым парням, одетым в солдатскую форму, не нужно сразу после занятий идти в бой. Но для того они сейчас и учатся воинскому мастерству, получают идейную закалку, чтобы в случае надобности взять в руки оружие и с честью выполнить свой долг перед Родиной.

М. ИВАНОВ
Фото автора.

БРАТСТВО

Мы, жители многонационального Дагестана, всем сердцем приветствуем новую Конституцию СССР. Нам близки и понятны все ее статьи, каждая строка. Ведь за годы Советской власти Дагестан стал неузнаваем. Из отсталой окраины царской колониальной империи он превратился в развитую промышленную республику. А как изменились отношения между людьми! Нет и в помине бытовавшей некогда национальной розни. Дружба, взаимопомощь стали главными принципами в отношениях между людьми разных национальностей.

Дагестанцы долго не забудут, как несколько лет назад, когда их край подвергся сильному землетрясению и без крова остались тысячи людей, партия и правительство, люди братских республик протянули им руку помощи.

Завод «Электросигнал», где я работаю более десяти лет,— одно из интернациональных предприятий Дагестана. Сегодня дети и внуки тех, кто в прошлом не имел своей письменности, трудятся инженерами и техниками, руководят коллективами и техническими службами. Табасаранец А. Магомедов возглавляет планово-экономический отдел, лакец А. Самурханов — начальник ремонтного цеха, лезгин Н. Аллахвердиев руководит сборочным цехом, тат Р. Шальмиев — начальник отдела снабжения, азербайджанец А. Султанов — во главе отдела ОТК стоит на страже качества продукции, выпускаемой заводом.

Люди разных национальностей ударно трудятся на многих участках и оказывают друг другу помощь. Так, осетин А. Годизов делится опытом с лезгином М. Бабаевым, тат Е. Пинхасов рука об руку с азербайджанцем Н. Исаевым заботятся о выполнении производственных заданий...

Но эта дружба не ограничивается только трудовой помощью на предприятии, она переросла в большую человеческую дружбу, в тесное постоянное общение в быту, в часы досуга...

Развитие интернационализма в нашей республике нашло свое отражение и в семейно-бытовых отношениях. Обогащаются традиции, появляются новые обряды. Посмотрите на сегодняшние свадьбы у нас в Дагестане. Это настоящие праздники, полные радости и света. Между прочим, у нас на заводе немало интернациональных семей. Среди них — Исаевы, Мовсесьянц, Ахмедовы, Бурлаковы, Демировы и другие. Дружба и братство народов разных национальностей — закон нашей жизни.

В. ДУБИНИН,
экономист завода
«Электросигнал»,
г. Дербент

Тульские оружейники! Кто не слышал об их искусном мастерстве? Самой историей России суждено было Туле стать городом, олицетворяющим громкую славу русского оружия. И нельзя, невозможно быть на тульской земле и не побывать в уникальном музее оружия. Он небольшой, но в нем — летопись наших побед на протяжении нескольких веков. Вот под стеклом стенда длинноствольные тяжелые пищали — и мы вспоминаем мужественную победу туляков над татарским ханом Гиреем в 1552 году. Вот бердыши, карабины, штуцеры — и мы видим наполеоновских кирасиров, посрамленных у Березины, вот знаменитая трехлинейная

ТУЛЯКИ

мосинская винтовка — это из той поры, когда конница Деникина захлебнулась в атаке на крепость Тулу... Нет, никогда не сдавался врагу город русских оружейников! Не сдался он и фашистам в Великую Отечественную войну, своим мужеством преградил им путь к Москве — сердцу Родины.

Из 15-тысячной тульской партийной организации в первый же месяц войны в армию влилось 13 500 коммунистов. Уже в середине июля 1941 года свыше 60 тысяч человек вступило в отряды народного ополчения в городах и районах Тульской области.

По почину трудящихся оружейного завода и шахтеров Мосбасса в Тульской области был проведен сбор средств на авиасоединение «Тула» и танковую колонну «Тульский колхозник».

Да, ратные и трудовые подвиги туляков всегда живы в памяти народной. И на торжественном заседании, посвященном вручению городу медали «Золотая Звезда», Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич

Брежнев произнес такие слова: «...Тула была щитом и арсеналом Русского государства. На этих древних землях мужал характер русского человека — неутомимого работника и искусного умельца, стойкого защитника Родины, негибаемого борца за счастливое будущее».

Говоря о трудовой доблести тружеников сегодняшней Тулы, подчеркивая преемственность поколений туляков, Леонид Ильич назвал имена «лучших из лучших». Это — рабочие династии Шишковых, Ильиных, Тихоновых. Это — Герои Социалистического Труда бригады слесарей-лекальщиков Леонид Алексеевич Гришин и Геннадий Александрович Пушкин, шлифовщики Алевтина Степановна Серова и Александр Иванович Чекулаев и многие другие. О некоторых из них мы и расскажем ниже.

У ИСТОКОВ

...Этот могучий раскидистый дуб прожил большую жизнь. И, казалось бы, пришла пора срубить его. Но дуб берегут. Слишком много воспоминаний связано у туляков с ним, седым и израненным. Бывшему ополченцу дуб напомнит, что передний край обороны проходил вблизи парка, в котором он стоит. Для молодых здесь место свиданий. А для дедушек и бабушек — свидетель их неповторимой революционной молодости.

И сегодня, благо, что сохранила былую легкость, приходит сюда Анна Дмитриевна Тихонова. Вспомнить далекое прошлое. Приходит с детьми, с внуками. В огромном старом парке, любимом туляками, всегдалюдно, и на душе Анны Дмитриевны хорошо, празднично. Подойдет к молодой стройной березке, проведет по глянцевиному стволу ладонью и улыбнется каким-то своим затаенным мыслям. Может быть, тому улыбнется, что и сама она когда-то была такой же — тоненькой и гибкой.

Улочка, на которой родилась Аня Дьячкова, называлась Ложевой. Тут все точили ружейные ложа, вырезали их из березы или ясеня, потом лакировали, гравировали или делали насечку. Соперничая друг с другом, ложевщики доводили свое дело до высших степеней совершенства.

Немногие женщины допускались к производству огнестрельного оружия, а если и допускались, то разве что в качестве уборщиц или подносиц. Но с Аней вышло по-другому. С малых лет пристрастилась она к ремеслу отца — до того красивые, с выдумкой выходили из-под его рук, точно игрушки, ружейные ложа.

В шестнадцать Аня впервые встала за станок, и, забегая вперед, скажу: отдала ему сорок лет своей жизни. Надо было помогать родителям, ведь жалованье «казюки» — так называли рабочих казенных заводов — получали грошовое. Много лиха хлебнула Аня в отрочестве. Еще неокрепшим, но пытливым умом девушка пыталась понять сложную революционную ситуацию в Туле. Победа Октября в Петрограде многими оружейниками воспринималась как явление местное, на провинциальную Тулу не распространявшееся. Не все рабочие понимали, что дает народу власть Советов. А этим пользовались враги революции, дезориентировали народ. И стремились удержать Тулу как кузницу оружия.

Но революция шла на подъем.

Анна Дмитриевна помнит, как поразила ее огромная забастовка железнодорожников и оружейников. Вместе со взрослыми швыряла она в воздух листовки с призывом: «Судьбу страны, судьбу народа нужно взять в свои руки самому народу!».

И вот 7 декабря 1917 года Тульский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение о переходе власти к народу.

Не было предела радости в семье Дьячковых. Отныне все будет иначе. Завод принадлежит им, рабочим...

— Но новую жизнь нам предстояло еще выстрадать, отвоевать, — вспоминает Анна Дмитриевна, — долго еще голод и бедствия жили на нашей улице. Ведь шла гражданская война, и наступала Антанта на молодую республику.

Семья Тихоновых за вечерним чаем.

Туляки вооружали отряды Красной Армии. Только за три года — с 1918 по 1920-й — рабочие ТОЗа выпустили 670 тысяч винтовок и около 13 тысяч пулеметов, за что, кстати, первыми в республике получили орден Трудового Красного Знамени РСФСР. В этом была заслуга и юной Ани.

...Над городским парком полыхала багровая вечерняя заря. Возле могучего дуба на лавочке сидели двое: рабочий парень осадчик Николай Тихонов и Аня... но уже не Дьячкова, а тоже Тихонова. Тульский оружейный свел в одну дороги молодых. Николай успел пройти суровую школу жизни. Служба прапорщиком в царской армии открыла ему глаза на многое. Еще в окопах, оборванный, грязный, понял он, что винтовки с маркой ТОЗ надо повернуть прежде всего в сторону внутреннего врага. Простуженный на фронте, с плевритом, он был списан из армии. И во время революции оказался в Туле, в прокопченных стенах своего завода, где, уже в советское время, вырос от простого рабочего до старшего мастера.

Сорок лет, целую жизнь отдали заводу Анна Дмитриевна и Николай Алексеевич Тихоновы. Их биографии — это биография заводских цехов в годы первых пятилеток, Великой Отечественной.

В 1941-м завод эвакуировался в тыл. Как ни рвался Николай Алексеевич на фронт, а тоже пришлось ему уехать с заводом как специалисту высокого класса. И все-таки неловко было, что сидит в глубоком тылу, далеко от тех мест, где рвутся снаряды и где его земляки сдерживают бешеный натиск танков Гудериана. И потому по 10—12 часов стоял у станка, что на максимальной скорости точил снаряды, способные пробить броню этих танков. Да, туляки, находясь за тысячи километров от фронта, умели ковать победу.

А Анна Дмитриевна? Она с детьми осталась в родном городе. Вот что писали «Известия» в ноябре 1941 года: «Тула живет фронтом. Она шьет для него одежду, белье, шапки, ватники, изготавливает ломы, лопаты, волокуши для перетаскивания пулеметов по снегу. налажено производство лыж.

Зима быстро вошла в свои права. Армии требовались сотни саней. Их дает Тула. Фронту потребовались десятки тонн колючей проволоки. Ее отыскивали на складах и пустили в дело».

Чьими же руками вершился весь этот нескончаемый героический труд? Да теми, что остались в осадном городе: руками стариков, женщин, детей.

Но Анна Дмитриевна не только шила обмундирование, работая в одном из оставшихся цехов завода, она рядом с другими ремонтировала пушки, танки, минометы, работала и токарем и фрезеров-

щиком. Заказы следовали за заказами. Никогда раньше не видела Анна Тихонова столько оружия, как теперь. Мужчин в цехе — всего-то ничего. В основном инвалиды да старики. Да еще, правда, такие пацаны, как четырнадцатилетний Лева — сын. Остальные женщины. Но Тихонова была среди них и мастер, и воспитатель. И выбрали ее женщины руководителем бригады, бригады не простой, а «фронтowej». Ведь все, что они делали, предназначалось для нужд фронта.

От истощения и неимоверного труда валились с ног, засыпали у станка. Но задания не срывались: если не было подмены, Анна сама заменяла подругу. А в короткие минуты отдыха читала воспаленными глазами сводки с фронтов. С напряженными заказами женская фронтовая бригада справлялась.

В «Истории тульского оружейного завода» сохранились записи о том, что Анна Тихонова ежедневно выполняет норму на 163 процента! А рядом с ней трудились уже двое ее детей — сын Лев и подросшая дочь Евгения.

И не думала тогда Анна, что через 35 лет в великолепном тульском Дворце культуры профсоюзов ее и ее детей, как ветеранов труда, будут чествовать товарищи по работе, член ЦК КПСС, первый секретарь обкома партии Иван Харитонович Юнак преподнесет ей в память об этом событии сделанные по специальному заказу поднос и самовар. Не думала, что столько теплых слов скажут о ней ее ровесники, вспомнив то суровое время, воздадут должное мастерству и трудолюбию всей ее семьи.

Сегодня Анна Дмитриевна на пенсии.

ЭСТАФЕТА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

Я — в гостях у Тихоновых. Семья: Анна Дмитриевна, сын с невесткой — в сборе. Трехкомнатная, современно, со вкусом обставленная квартира, красавица-пальма у окна, цветной телевизор. На балконе много цветов в ящичках, кормушка для синиц. Зинаида Семеновна, жена Льва Николаевича, с напускным недовольством сетует на целые стаи синичек, кормящихся тут круглую зиму.

— Так вот и живем, не тесно, — обведя взглядом потолок и стены, с улыбкой говорит она. — Здесь Анна Дмитриевна, там — мы, а это у нас приемная для гостей.

— А дочь где?

— Галина? У нее своя квартира. Двухкомнатная.

Зашла речь о том, как проводят супруги свой отпуск.

— Любим путешествовать, — отвечают хором. — Объехали весь

юг, Закарпатье, Прибалтику. Недавно вернулись из туристической поездки по Средней Азии. Очень понравилось.

Лев Николаевич и Зинаида Семеновна и дома вместе, и на отдыхе, и в цехе. Он — бригадир профилешлифовщиков, она — шлифовщица. Сложный это цех. Работают здесь люди высокой квалификации.

Я смотрю на Льва Николаевича. И лицом, и жестами — плавными, обдуманными — он похож на Анну Дмитриевну. И говорит негромко, словно бы выверенно — тоже как мать... Под ее крылышком в 1942 году начал он свой трудовой путь, в ее «фронтowej бригаде», да так и прикипел к заводу на всю жизнь, принял трудовую эстафету и у отца, ушедшего на пенсию и умершего в 1956 году.

...На столе по моей настоятельной просьбе появилась коробочка. А в ней — медали. Да, пожалуй, не удивишь сегодня медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Есть они почти в каждой семье. Но когда подросток пятнадцати лет, наравне со взрослыми, заслужил такие награды, то невольно подумаешь, сколько силенок пришлось ему затратить, как рано довелось повзрослеть.

Не будет преувеличением сказать, что работа лекальщика — для избранных. Помимо специальных знаний тут нужна особая чуткость в пальцах, потому что допуски, разрешенные лекальщику, — всего три микрона, то есть три тысячных миллиметра!

Калибры, которые делает сегодня Лев Николаевич, имеют девятый и десятый класс обработки. Это под силу лишь лекальщикам наивысшего — шестого — разряда. И если на зеркальной отполированной поверхности калибра стоит чернь монограммы «ТЛН» (Тихонов Лев Николаевич), то он идет к заказчику, минуя контрольную службу. Порукou качеству здесь — личное клеймо изготовителя. Его совесть, его рабочая честь.

В тихоновской бригаде еще трое работают с личным клеймом. Это — Николай Петрович Трегубов и воспитанники Льва Николаевича Леонид Васильевич Трофимов и Юрий Гаврилович Марин. Калибры их всегда точны, и случайностей или срывов тут не бывает. В бригаде действует принцип взаимовыручки: невелик еще стаж работы Валерия Пронина, всего два года, подчас нуждается он в товарищеской помощи, и помощь эта приходит вовремя! То же доброе, чуткое к себе отношение видит и Женя Коленицкий. Словом, бригада — в постоянном росте и совершенствовании. И не случайно, конечно, что этот маленький, но сплоченный коллектив носит звание бригады коммунистического труда. Шестидесятилетие Советской вла-

сти тихоновцы ознаменовали славным трудовым подарком. В канун знаменательной даты они завершили выполнение годового задания.

За трудовую доблесть Лев Николаевич удостоен ордена «Знак Почета».

Но отлично, по-ударному работать для Тихонова мало. Душевное беспокойство — одно из его отличительных качеств. Например, беспокойство о том, чтобы с меньшими затратами производить больше продукции. Это беспокойство будит творческую мысль, заставляет думать, искать, пробовать. И не раз уже испытал Лев Николаевич радость творческих побед. На его счету немало ценных рацпредложений, внедренных в производство цеха, завода и давших большой экономический эффект. И не случайно рабочего-изобретателя избирают председателем совета новаторов завода.

Душевное беспокойство рождает нетерпимость к любым непорядкам. Этому человеку по-хорошему до всего дело, он — член цеховой группы народного контроля.

— Ведем борьбу за качество работы, за дисциплину. Тому, кто опаздывает, прогуливает или спиртным злоупотребляет, приходится объясняться с нами. А если крутой разговор не помогает, то на помощь приходят и стенная печать, и суд товарищей. Но если видишь, что проработка пошла на пользу, образумился человек, разве не порадуешься? Ведь товарищ это твой. С другой стороны, заботимся о создании хороших условий для рабочих. Была у нас столовая. Тесная, маленькая. Поставил наш народный контроль вопрос перед завкомом и администрацией о расширении ее. Не сразу, конечно, но своего добились, теперь все благодарят.

Разговор зашел о режиме экономии.

— Стояли в цехе моторы прожорливые, электроэнергии поедали уйму, — продолжает Лев Николаевич. — Ну, вроде бы какое наше дело, пусть администрация думает. Но мы так не рассуждаем. Прикинули: а ведь можно обойтись и менее мощными моторами. Заменяли. И в цехе теперь не такая трескотня, и экономия ощутимая. Хозяйский глаз нужен во всем.

Сказав так, Лев Николаевич посмотрел на жену, разливавшую чай, точно выверяя по выражению ее лица, все ли правильно он говорит. И, поймав одобрительный взгляд Зинаиды Семеновны, спокойно и ровно продолжал:

— Или вот взять обычный режущий инструмент. Чуть затупился — станочник его выбрасывал. Особенно же под праздники. Бывало, под видом генеральной уборки выбрасывали буквально тонны дефицитного металла. Наша цеховая группа народного контроля это

разбазаривание прекратила. Теперь во всем цехе ни один инструмент не пропадает, а идет в кладовую, там проверяют и ремонтируют, он вновь возвращается в дело.

— Хозяйский глаз,— вот, пожалуй, то главное, что характеризует работу Тихонова как народного контролера,— сказал секретарь парткома завода Ювеналий Александрович Симаков,— этот человек не только хорошо знает и осуществляет свои права, но и никогда не забывает о своих обязанностях, пренебрежения к ним не терпит и у других.

...Скоро Лев Николаевич и Зинаида Семеновна будут справлять своеобразный семейный юбилей — сорокалетие своей работы в заводе (туляки именно так и говорят: в заводе, а не на заводе). А если подсчитать, сколько лет отдала заводу династия Тихоновых — Дьячковых, то получится внушительная цифра — 200! Тут прошли свою жизненную школу родители Льва Николаевича, его сестра Евгения (сейчас она живет в городе Хмельницком), брат Анны Дмитриевны Григорий Дмитриевич, участник революции, гражданской и Великой Отечественной войн, сын его Вячеслав Григорьевич работает сейчас в одном из цехов ТОЗа, Лев Николаевич и Зинаида Семеновна идут, как я уже сказал, к своему трудовому юбилею. И, наконец, дочь их Галина.

После окончания Алексинского химико-технологического техникума не так давно пришла Галина на завод и пополнила рабочую династию тульских оружейников. И по тому, как довольна и горда Галина своей редкой профессией электрохимика, по тому, как добросовестна и ответственна в работе, можно с уверенностью сказать: в заводе Галя тоже надолго.

Счастливого ей пути!

Рабочая династия Тихоновых — одна из многих на ТОЗе — продолжается. Советская власть дала им великое конституционное право на труд. И благодаря этому праву Тихоновы и их товарищи по работе стали подлинными хозяевами своего завода, своей страны.

В. ЛЕШЕВ

ДОБРЫЙ СЛЕД

В декабрьском номере журнала за 1977 год опубликован очерк Владимира Чачина «Есть на карте точка...». Последний материал, который он написал в жизни. В. Чачин умер пятидесяти четырех лет.

Когда Владимир Михайлович принес его в «Человек и закон», мы строили планы, говорили о дальнейшем сотрудничестве, предполагали, в каком из ближайших номеров выступит Чачин.

А сейчас лежат стопочкой номера нашего журнала, в которых Чачин опубликовался. Перечитываем его очерки и статьи: «Равнодушен ли зал?», «Анонимное письмо», «Наши Камызяки». Очерки о судье, о работнике милиции, секретаре райкома. Но что особенно отличает эти материалы, так это активная гражданская позиция автора.

Однажды в редакцию пришло письмо. Автор писал, что в их рабочем текстильном городе Клинцах, что на Брянщине, нет житья от хулиганов, пьяниц и бандитов, что милиция в Клинцах никуда не годится — бандиты и пьяницы бьют людей прямо на улицах. В конце стояла приписка: «Конечно, вы мое письмо не опубликуете».

Письмо мы показали Владимиру Михайловичу Чачину. Он его прочитал: «Надо ехать. Разбираться. Письмо, конечно, публиковать, и ответ — тоже».

Несколько дней провел он в брянском городке.

«Письмо вздорное,— писал он в статье журнала.— Сами убедились, что напраслину возвел анонимщик на жителей города, на милицию. Но уж коли зашел разговор об общественном порядке, надо досконально разобраться. Пьяные на улицах есть? Хулиганы водятся? Не без того».

Так что же, сразу писать в Москву? — ставил вопрос Чачин. И не просто ставил вопрос, но и предъявлял счет:

«Живет, не выветрился в Клинцах боевой партизанский дух. О том, как «шумел сурово Брянский лес», рассказывают сегодня отцы своим детям. И дети им завидуют. Конечно, легче раскрыть коробку с боевыми орденами и вспоминать, как все было. Это легче, чем встать на пути хулигана».

Резко? Может быть. Но Чачин имел право задавать прямые вопросы. Имел право на требовательность. Как имеет право тот, кто и сам не стоит в стороне от трудностей, а смело идет в бой.

Когда началась война, Володе Чачину было семнадцать. С первых дней он пошел на фронт. В боях под Ельней комсомолец-доброволец Чачин был тяжело ранен. Восемь месяцев провел он в госпиталях. Выписан был с безоговорочным и строгим освобождением от военной службы. Никакие его доказательства в военкоматах не действовали, ответ был один: «На фронт — нельзя, в армию — нельзя».

И тогда Володя написал письмо. На конверте стояло: «Народному комиссару обороны СССР товарищу Сталину»:

«Учитывая серьезную обстановку на фронтах нашей Родины, когда страна собрала все силы для решительного удара по фашистским захватчикам, считаю преступлением для себя находиться в тылу и

желаю вновь быть в действующей армии, чтобы хоть чем-нибудь помочь моей Красной Армии в боях против германского фашизма.

После тяжелого ранения, полученного в боях за г. Ельню, я стал нестроевиком. Пусть я не могу служить в пехоте, пусть я не могу служить в частях, служба в которых связана с тяжелой физической работой, а разве не было в годы гражданской войны в частях Первой Конной Армии безногих пулеметчиков на тачанках, о которых вспоминает наш комсомольский писатель Николай Островский...

Товарищ народный комиссар, я не один, нас тысячи поврежденных в боях, но не сломленных духом, и я уверен, что каждый, в ком бьется комсомольское сердце, кто недаром носит билет дважды орденосного Ленинского комсомола, вступит в комсомольские роты, роты жестоких мстителей за Родину, за народ...

Повторяю, когда там, на полях сражений решается судьба моей Родины, я не могу оставаться здесь в тылу и прошу направить меня в действующую армию, в один из авиационных отрядов или бронепоездов, экипажи и команды которых будут состоять из бывших фронтовиков, комсомольцев, сынов нашей Родины».

Вскоре его вызвали в военкомат, где он получил направление в армию.

Так вернулся в строй Владимир Чачин. Бойцом — человеком, идущим в бой за справедливость, — он оставался всю жизнь. После войны работал в «Комсомольской правде», «Молодом коммунисте», «Агитаторе», «Правде».

Его материалы всегда отличала доброта, строгий спрос к себе и другим, забота о будущем. Вот почему часто Чачин писал о подростках, молодежи. Они — главные герои его книги «Король с Арбата», о них — документальные фильмы сценариста В. Чачина.

«Внимание! Подросток рядом с нами! — звучат слова В. Чачина в фильме «Подросток». — Его сердце, его сознание все равно что новая грифельная доска. На ней пишут все: родители, школа, комсомол, случайные встречные... И сколько потом ни вытирай доску — следы останутся. Самый чуткий, самый отзывчивый возраст для всего. Для плохого и для доброго».

Сам Чачин писал так, чтобы оставить добрый след.

И он его оставил.

**природа.
человек.
закон**

Вот уже несколько лет редакция журнала публикует материалы, посвященные проблемам охраны природы. Читатели, возможно, помнят наши очерки, рассказывающие о трудностях организационного, правового, финансового характера, с которыми сталкиваются люди, призванные по долгу службы охранять чистоту рек и водоемов, чистоту атмосферы, земельные и лесные богатства.

Предлагаем репортажи наших корреспондентов В. Пронина и В. Стерина, побывавших на Украине и в Латвии.

«обязаны

Днепр чуден при любой погоде, и зимой, и летом. Мы плыли на катере Днепропетровскй госрыбинспекции, когда хлестал дождь, по ветровому стеклу стекали потоки воды, а волны от капель

**чуден
Днепр
при тихой
погоде...**

дождя были словно покрыты «гусиной кожей». К тому же стоял плотный туман, и только по отдаленному гулу можно было догадаться, что где-то рядом живет своей жизнью, трудится большой промышленный город.

— Хотите, угадаю, где мы находимся? — неожиданно спросил Вячеслав Йосифович Луговой. — Могу наверняка сказать, что мы увидим, если сейчас круто повернем к берегу.

Мы плыли уже полчаса в крошечном тумане, и не было вокруг ни островка, ни бакена, по которым можно было бы как-то сориентироваться. Может быть, по каким-то звукам, доносившимся с берега...

— Посмотрите на воду, — сказал Вячеслав Йосифович. — Вода красная. Доменное производство.

И действительно, мы увидели четкую границу, где зеленоватая днепровская вода становилась вдруг коричневой, тяжелой, неживой. И волны здесь вроде бы даже были поменьше — ветер, казалось, не в силах был расшевелить, разволновать эту насыщенную металлическими частицами воду. Узкая красноватая полоса воды постепенно становилась все шире, границы ее расплывались и через несколько минут исчезли совсем. Теперь мы плыли просто по грязно-бурым волнам.

— Справа по борту металлургический завод,— уверенно сказал Луговой.

В самом деле — цвет опять изменился. Но оставался таким же неживым, не имеющим ничего общего с цветом настоящей речной воды. И хотя катер шел с прежней скоростью, в этих мутных течениях, в этих красноватых, буроватых волнах он будто замедлял ход, а мотор работал надсадно, как бы преодолевая какую-то вязкую преграду...

Да, много времени прошло с тех пор, как простодушный Волк, сунув хвост в прорубь, произнес ставшие столь известными слова:

беречь природу...»

«Ловись рыбка большая и маленькая...» Много воды утекло с тех пор, и, что самое главное, много чистой воды утекло. В наше время даже Серый Волк вряд ли поверит, что в обычной речке вот так запросто на хвост кое-что поймать можно. О какой ловле может идти речь, если, к примеру, в Мокрой Суре, одном из красивейших притоков Днепра, в районе Днепропетровска на один кубический метр естественной, настоящей речной воды приходится ни много ни мало 59 (пятьдесят девять!) кубических метров сточных вод промышленных предприятий.

Конечно, можно гордиться тем, что предприятия города мощны и современны, что их продукция необходима, важна, что она пользуется неизменным спросом во многих странах мира, а нарастающий выпуск этой продукции говорит о могуществе государства, повышении благосостояния народа. Все это так. Но неужели этот бог современной цивилизации — индустрия столь ненасытен и безжалостен, что мы вынуждены каждый день приносить ему в жертву воздух, воду, растительность, всевозможную живность в реках и лесах? Неужели этого обжористого джина нельзя загнать в бутылку или уж хотя бы, на худой конец, научить хорошим манерам?

Ведь та же Мокрая Сура... Течет речка, как и прежде, радуется взгляду, если посмотреть на нее издали, и мосты над ней без дела не стоят, а рыба, наивная глупая рыба по старой памяти все еще каждой весной стремится во что бы то ни стало отнереститься

именно в Мокрой Суре, в привычных местах нагула молодежи. И происходит массовая гибель мальков, икринок, мелких рыбешек, которые вовремя не успели уйти восвояси,— в сточных водах всегда предостаточно аммиачного азота, нефтепродуктов, фенолов и прочего добра.

Пример с Мокрой Сурой привел Станислав Николаевич Ермилов — старший инспектор, или, скажем, начальник Днепропетровской госрыбинспекции. Этот небольшой коллектив из сорока пяти человек добился отличных успехов — в социалистическом соревновании занял в республиканском Укррыбводе второе место. Но когда Станислав Николаевич рассказывает о трудовых успехах своих товарищей, об их самоотверженности, активности, о почетном втором месте, которым можно только гордиться, о поздравительных телеграммах из высоких республиканских инстанций, не слышно в его голосе ноток победных маршей и не видно в его глазах бликов победных знамен. Человеку по натуре непоседливому, энергичному, как сейчас говорят — конфликтному, ему хочется победы полной, абсолютной. А показатели, по которым коллектив вышел вперед,— это количество задержаний нарушителей, браконьеров, количество штрафов, разоблаченных злоупотреблений, уголовных дел...

Конечно, работа ведется не только в этом, «криминальном», направлении. В 1976 году проведен трехмесячник по охране рыбных богатств в период нереста, налажена совместная работа с линейными отделениями милиции, с областным управлением внутренних дел, проведены семинары с общественностью, организовано более восьмисот всевозможных мероприятий по борьбе с браконьерством, в которых приняло участие семь тысяч человек, активно использовались радио, телевидение, газеты, листовки, созданы многочисленные группы общественной рыбоохраны при учреждениях, институтах, предприятиях. Сам старший инспектор не один раз выступал по телевидению, радио, опубликовал более десятка статей в газетах, прочел свыше тридцати лекций и докладов — все это мимо своей основной, ежедневной не очень спокойной работы. А один из лучших инспекторов Владимир Васильевич Кастилов организовал полтораста выступлений по радио, сделал в течение года полсотни докладов и лекций. О бесстрашии этого человека, самоотверженности, преданности делу можно писать отдельный очерк...

Но за тот же 1976 год вскрыто более двух с половиной тысяч нарушений, задержано около трех тысяч нарушителей правил рыболовства, сумма штрафов составляет десятки тысяч рублей, количество исков на возмещение ущерба измеряется сотнями, а конфискованная рыба — десятками центнеров.

— Много? — мрачно усмехнулся Ермилов. — А знаете, мне иногда кажется, что цифры эти не столь уж и велики, если сопоставить их с другими цифрами... Вот смотрите, мы обслуживаем едва ли не три области — Днепропетровскую, часть Запорожской, почти всю Кировоградскую. По нашим подсчетам, на территории инспекции порядка ста тысяч неорганизованных рыболовов-любителей. Сто тысяч! И тридцать тысяч частных лодок, из них двадцать шесть тысяч — с моторами. Вот где опасность! Двадцать шесть тысяч мо-

торов бороздят наши не столь уж безбрежные воды. Это, заметьте, не считая пароходов, теплоходов, катеров, барж, «Ракет», «Метеоров»... Причем беспрерывно растут мощности моторов, увеличивается их количество. Еще одно. Если раньше владельцы лодок удовлетворялись ближними берегами, соседними заливами, то теперь, поскольку все ближнее вытоптано, они забираются подальше, осваивают, так сказать, новые пространства, ищут нетронутые, наиболее чистые запруды, острова, берега, плавни. А уж там уследить за всеми, призвать в случае необходимости к порядку гораздо сложнее, а то и попросту невозможно. Я вполне допускаю мысль, что три тысячи задержанных в течение года браконьеров — это, возможно, даже не большая их часть. Да и не в самой этой цифре опасность — дело в том, что браконьер, как правило, ловит рыбу с многократным нарушением: в местах нереста, во время нереста, сетями с такой ячейей, что выгребает из реки вообще все живое...

Чтобы в полной мере представить себе круг забот днепропетровской инспекции, достаточно сказать, что в районе ее деятельности около шестисот предприятий, сбрасывающих сточные воды в рыбохозяйственные водоемы. Миллионы кубометров воды сбрасывают за сутки промышленные и коммунальные предприятия, в основном металлургические и энергетические. При этом надо отметить, что лишь четвертая часть предприятий имеет очистные сооружения и только половина этих сооружений действительно обеспечивает очистку стоков.

Среди подвергнутых днепропетровской инспекцией административному штрафу в 1976 году числятся 32 директора предприятий, 16 главных инженеров, 5 главных энергетиков, 27 начальников цехов и так далее... Этих людей уличили в нарушении их прямых обязанностей, в вопиюще пренебрежительном отношении к природе. Они были приговорены к штрафам и, естественно, эти штрафы уплатили. Уплатили в позапрошлом, в прошлом году, платят и в этом. Выходит, нарушать закон их вовсе не вынуждают какие-то необычайной сложности, непредсказуемые чрезвычайные производственные обстоятельства, которые, дескать, заставили. Ничего подобного. Само количество наказанных говорит о некоем сложившемся отношении к природе и, да простится это слово, об ограниченности воззрений, самовлюбленной уверенности, что есть, дескать, дела и поважнее, чем забота о рыбьем здоровье да рыбьем поголовье.

Нельзя сказать, что это никого не волнует, что дело пущено на самотек и что Днепру уготовлена участь Рейна, давно превратившегося в сточную канаву. Вовсе нет. В 1976 году, например, в области на природоохранные объекты израсходовано более 70 миллионов рублей, а всего за девятую пятилетку было выделено 247 миллионов рублей — сумма вполне приличная и достаточная для того, чтобы в будущее можно было смотреть оптимистично. Тем более что за годы десятой пятилетки только на водоохранные объекты в области намечено израсходовать более 300 миллионов рублей.

Это серьезно.

На промышленных предприятиях построено 38 оборотных цик-

Старший инспектор Станислав Николаевич Ермилов, кандидат биологических наук Светлана Николаевна Тарасенко и инспектор Владимир Васильевич Кастилов.

лов водоснабжения. Это позволило сократить потребление свежей воды на технические нужды, уменьшить сброс сточных вод в водоемы. Несмотря на то, что потребление воды в области за последние пять лет возросло. Сейчас обратное водоснабжение покрывает 66 процентов всей потребности. Две трети! Помимо этого, в десятой пятилетке намечено построить и ввести в действие 30 крупных очистных сооружений, что позволит полностью отказаться от сброса загрязненных стоков в водоемы и, таким образом, выполнить постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 января 1976 года о том, чтобы в ближайшие годы прекратить сбрасывать в Черное море загрязненные стоки промышленных предприятий.

Однако же не все столь прекрасно, как может показаться в свете этих цифр. Существует много фактов, которые вселяют тревогу. По данным Днепропетровской госрыбинспекции, в последнее время заметного улучшения санитарного состояния водоемов не произошло. Продолжается так называемая минерализация вод бассейнов рек Самары, Ингульца, Саксагани — дают себя знать сбросы обогатительных фабрик, шахт Западного Донбасса, Кривого Рога. В ре-

зультате систематического загрязнения токсическими стоками металлургической и металлообрабатывающей промышленности река в районе Днепропетровска, как говорят ученые, потеряла рыбохозяйственное значение.

Вообще следует сказать, что запасы рыбы в районе города все время сокращаются. За последние несколько лет доля судака в уловах уменьшилась с четырех до одного процента, то есть в четыре раза, а некоторым видам рыб вообще грозит полное исчезновение.

Разумеется, это не касается всего Днепра, речь идет о небольшом его участке, примыкающем к одному из крупнейших промышленных центров страны, но ведь это соображение если и объясняет сложившуюся ситуацию, то вовсе ее не оправдывает. Конечно, можно стать и на такую точку зрения, что при нынешнем развитии индустрии даже сохранение сегодняшнего уровня улова рыбы, уровня загрязненности можно считать достижением. Но ведь цель иная — полностью прекратить сброс загрязненных промышленных стоков в водоемы. Как оказывается, выделенные на охрану природы сотни миллионов рублей — вовсе не повод для веселья, оказывается, сами по себе эти миллионы — далеко не все...

Примеров — десятки.

Сметная стоимость очистных сооружений на втором производстве метизного завода превышает пять миллионов рублей. Деньги выделены, проекты составлены, сметы утверждены, строительство начато. И остановлено. За три с лишним года не освоена и десятая часть выделенных средств. И все это при том, что предприятие входит в число немногих особенно опасных, интенсивных загрязнителей.

Еще пример. В объединении «Азот» на 1976 год было запланировано более двадцати различных мероприятий по очистке сточных вод. Сделано менее половины. При том, что очистные сооружения здесь должны быть закончены еще в 1976 году, вряд ли кто осмелится утверждать, что они будут сданы в 1978 году.

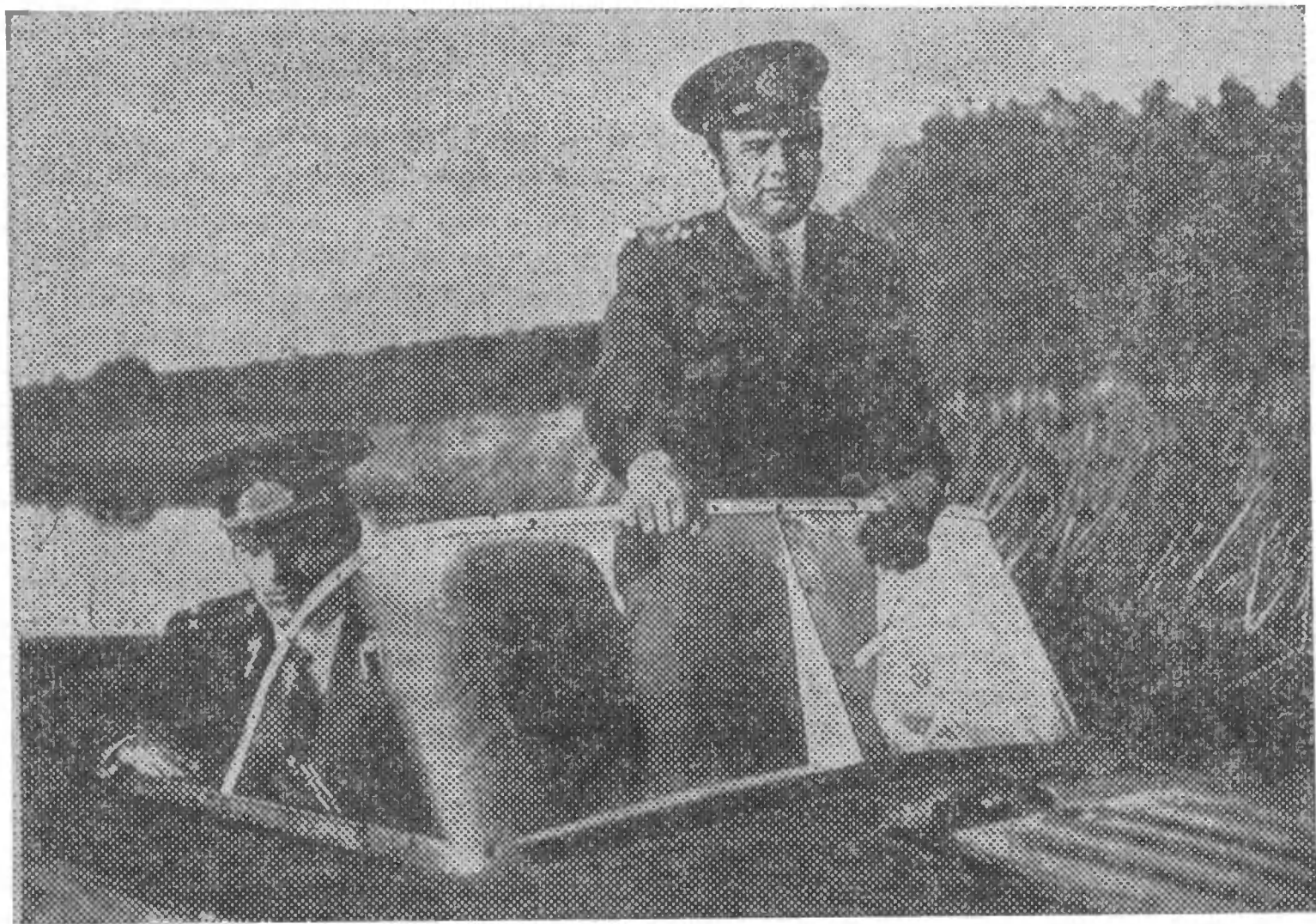
Металлургический завод имени Дзержинского — одно из наиболее мощных предприятий, один из наиболее мощных загрязнителей. Этот завод, который всеми своими корпусами, цехами, дымами так красиво отражается при тихой погоде в чудном Днепре, план строительства очистных сооружений в 1976 году выполнил на... три процента.

Возможно, кое у кого сложится мнение, что промышленные предприятия — чуть ли не единственные загрязнители, чуть ли не единственные виновники уменьшения природных богатств. Ничуть не бывало. Госрыбинспекция одним из своих постоянных, наиболее упрямых и не поддающихся «клиентов» считает рыбколхоз «Червоный рыбаки».

— Узаконенные браконьеры! — убежденно говорит Ермилов. — Ловят где хотят, что хотят, чем хотят! И добиться от руководства хоть какого-нибудь вмешательства нам еще не удавалось. За минувший год было вскрыто более шестидесяти всевозможных нарушений, допущенных рыбаками колхоза. Нарушали время лова, ловили в местах нереста и во время нереста, ловили сетями, по всем стандартам браконьерскими! Вы только

вдумайтесь — более ста рыбаков колхоза мы привлекли к административной ответственности! Казалось бы, кому как не им заботиться о рыбных богатствах, кому как не им быть у нас первыми помощниками... Ведь река кормит их, это место их работы, источник их жизни, их благосостояния... Но вместо заботы — безжалостное, хищническое отношение! Я употребляю эти «жестokie» слова не потому, что у меня сейчас такое настроение! Когда заходит разговор об этом рыбколхозе, оставаться спокойным невозможно. Среди нарушений — хищения, запись одной рыбы под видом другой, уклонение от сдачи рыбы вообще... В Криворожье есть Карачуновское водохранилище, там промысел ведет местный рыбхоз. В прошлом году они выполнили план отлова на восемьдесят процентов. Знаете, чем это объясняется? Цитирую: слабым контролем за доставкой рыбы на комбинат! При этом неограниченный лов привел к тому, что запасы леща и судака в водохранилище практически исчерпались. Говоря точнее — они были вычерпаны.

Еще один чисто сельскохозяйственный фактор. В районе деятельности инспекции находится множество водозаборных сооружений, в основном ирригационных. Так вот, практически ни одно водозаборное сооружение не оснащено надежной рыбозащитой, которая не позволяла бы вместе с водой выбрасывать на поля икру и мальков. Установленные кое-где примитивные металлические сетки предохраняют разве что от засасывания коряг и мусо-

Инспектор Вячеслав Йосифович Луговой и лейтенант милиции Василий Васильевич Гура во время осмотра рыбзаказника.

ра. Положение обостряется тем, что расположены водозаборные сооружения зачастую в местах нереста.

Еще пример. Река Волчья обезрыбела, обмелела и заилилась в результате интенсивной распашки близлежащими колхозами береговой линии.

Может быть, все требования к руководителям предприятий формальные, символические, никого ни к чему не обязывающие? И все разговоры о пользе хорошего отношения к природе призваны лишь заполнить паузы между производственными совещаниями?

Ничего подобного.

Требования к руководителям предъявляются жесткие, конкретные и обоснованные, в полном соответствии с возможностями предприятия, с выделенными средствами и наносимым вредом...

«За невыполнение поручений обкома партии по приведению в исправное состояние до 1 января 1977 года всех действующих очистных сооружений директору металлургического завода имени Дзержинского члену КПСС т. Гурскому объявить строгий выговор».

«За неудовлетворительную работу по эксплуатации очистных сооружений и необеспечение своевременного ввода в действие второй очереди сооружений биологической очистки сточных вод правобережья Днепродзержинска директору объединения «Азот» члену КПСС т. Лобанову объявить строгий выговор».

«За срыв сроков ввода в эксплуатацию сооружений биологической очистки сточных вод городов Павлограда и Терновки строго предупредить начальника комбината Днепрошахтострой т. Быкова».

В прокуратуру Бабушкинского района Днепропетровска переданы уголовные дела на руководителей завода газовой аппаратуры, завода химизделий, «Динамо» и других, допускающих залповые сбросы неочищенных стоков.

Уголовное дело возбуждено против руководителей локомотивного депо Нижнеднепровского узла, допустивших сброс нефтепродуктов в Самарский залив. Дело ведет прокуратура Индустриального района Днепропетровска.

Более того, областной комитет партии специальным решением обязал управление внутренних дел, прокуратуру шире использовать право надзора за соблюдением законодательства об охране природы. Горкомам партии предложено ежеквартально рассматривать ход выполнения природоохранных мероприятий.

Вот ведь какие дела пошли, вот какой единый фронт партийных, советских органов, прокуратуры, инспекции, общественности выстраивается против всевозможных нарушителей природоохранного законодательства. Смотрите — осознана опасность загрязнения рек, озер, водоемов, выделены громадные средства для предотвращения этой опасности. Создано законодательство, призванное охрану природы поставить на четкую, конкретную правовую основу. Местным властям вменено в обязанность строго следить за выполнением этого законодательства. В дело включены сотни, тысячи людей...

Что же противостоит этому мощному единому фронту? Может ли вообще что-нибудь противостоять ему, устоять перед ним?

Оказывается, может. Что же это за феномен такой необычайной прочности, силы, непоколебимости? А никакой это не феномен. Обыкновенное равнодушие. Или, говоря другими словами, инерция мышления, поступков, мировосприятия. Слишком часто мы встречаем людей, готовых использовать реку, поле, лес полностью, на износ. И здесь должно сказать свое слово правосудие — спокойное, твердое, нелицеприятное слово и оградить интересы государства от слишком уж «шаловливых» личностей.

Это было несколько лет назад, но до сих пор люди рассказывают об этом, как о чем-то невероятном: из Самары среди бела дня на берег полезли раки. Тысячи и тысячи этих неуклюжих существ выползали на берег, на песчаные отмели, на травянистые островки, карабкались на крутые берега, срывались, падали в воду, снова и снова лезли на берег, словно стараясь побыстрее покинуть родную стихию, ставшую почему-то невыносимой. Медленными, судорожными движениями раки выбирались из реки и старались тут же уйти в тень, в траву, заросли кустов, а многие очевидцы утверждали потом, что раки, как это часто бывает со зверьем в минуты смертельной опасности, ползли к человеку, словно бы прося защиты, ползли словно бы к некоей высшей инстанции. Не знали, бедные, что именно человек превратил свежую речную воду Самары в отраву...

Положение усложнилось тем, что произошло это летом, когда на берегах реки отдыхали тысячи людей — в домах отдыха, пансионатах, туристских базах, просто в палатках, целые табуны частных машин стояли в сосновых борах, зарослях тополей. Надо отдать должное госрыбинспекции, которая в считанные часы оперативно и четко развернула активную деятельность. Надо было срочно предупредить громадное количество людей об опасности отравления — выбравшись из ядовитой воды, раки сами стали ядовитыми. На местном радио предоставили время для внеочередной передачи, на катерах инспекторы, общественники объезжали берега и через громкоговорители предупреждали отдыхающих, дали сообщение в газету...

Это было три года назад. И все эти три года госрыбинспекция настойчиво, хотя уже безнадежно, требует от совхоза, от его директора В. А. Пряника возмещения ущерба. Собственно, ущерб определен чисто символически — 6 тысяч рублей. Конечно же, эта сумма ни в коей мере не соответствует действительному ущербу. И это прекрасно понимает директор. Но никаких исков не признает, потому что в самом факте предъявления иска госрыбинспекцией видит прежде всего попытку ущемить его, Пряника, самолюбие. А ответственность совхоза установлена точно и определенно — оставленные, или, вернее, брошенные на полях минеральные удобрения во время сильного ливня были размыты, и ядовитые потоки хлынули в Самару...

И сегодня, три года спустя, ни единой копейки совхоз не возместил. Никак не удается сломить упрямство товарища Пряника. Даже ответа совхоз не прислал.

Случай с раками дает наглядное представление, где, как, почему вязнут и теряют свою силу такие хорошие, правильные, деловые и продуманные постановления.

Ладно, допустим, раки восстановили свое поголовье, забыли о трагедии, разыгравшейся в водах Самары, но не забыли об этом браконьеры. И до сих пор этот случай дает им некое моральное основание творить свои волчьи дела...

— Что я! Вон Пряник речку отравил — и хоть бы хны!

Синельниковский районный народный суд никак не соберется признать справедливость претензий госрыбинспекции к председателю колхоза имени газеты «Правда» Н. И. Шевченко, оштрафованному на 50 рублей за сброс в рыбзаказник загрязненных стоков и навоза. Получается, что вроде бы сама сумма говорит о незначительности, несерьезности нарушения. Но если учесть, что уважаемый председатель регулярно получает предупреждения за хамское отношение к водоемам, неоднократно лично бывал оштрафован, то это уже гораздо серьезнее, тут уже речь идет о позиции распоясавшегося руководителя, который выбрал столь странную форму самоутверждения. Вот не уплачу, дескать, вам штраф, не дам тридцать или пятьдесят рублей, и вы сразу почувствуете, насколько я силен и влиятелен, почувствуете, как со мной считаются, как меня уважают и чтят. И действительно, дает иногда почувствовать. Хотя, казалось бы, кому как не ему, человеку, живущему плодами земли, не понимать цены, заботливого, бережного отношения к земле, воде, природе...

— Видите ли,— говорит Станислав Николаевич Ермилов,— мы ежегодно заселяем в водоемы сотни тысяч мальков толстолобика, карпа, белого амура и других рыб. Мы проводим большую научную работу совместно с кафедрой биологии Днепропетровского университета... И, конечно, всем этим как-то влияем на общую картину... Но, как мне кажется, на нынешнем этапе, когда опасность загрязнения рек только начинает осознаваться, наша задача — ускорить этот процесс осознания, довести до каждого человека, руководителя предприятия, рыболова-любителя нынешнее состояние дел. Если выделенные средства, очистные сооружения, всевозможные мероприятия не приносят должного эффекта, то виной тому — бытующее представление о природе как о некоей бездонной бочке, из которой можно брать без конца... О все еще недостаточно серьезном подходе к охране природы красноречиво говорит отношение к нашей инспекции,— улыбается Станислав Николаевич.— Браконьеры выглядят на воде лучше нас. Моторы у них новее, мощнее. А мы даже на имеющемся транспорте не можем чувствовать себя свободно — количество горючего нам каждый год сокращают, очевидно, полагая, что нам все реже требуется выезжать на реку, очевидно, полагая, что в этом уже нет надобности. Каждый раз, когда нужно отремонтировать мотор, возникает целая проблема. И вместо того чтобы быть независимыми в действиях, в решениях, мы с самого начала попадаем в зависимость. Правда, принято очень важное, полезное решение о снабжении нас запасными частями Сельхозтехникой. Однако пока оно попросту не выполняется. Мы не можем обеспечить наших инспекторов даже такими простыми вещами, как бинокли. У нас при инспекции всего три машины, причем одна из них подлежит списанию. У нас сорок пять человек — с шоферами, сторожами, ремонтниками, механиками, машинистками... И всего двенадцать инспекторов на воде. Вот попробуйте рас-

пределите эти двенадцать человек на 23 тысячи гектаров Запорожского водохранилища, на Самару, Орель, Ингулец длиной более трехсот километров каждая, на еще полдюжины рек, превышающих по длине сто километров, на озера общей площадью около тысячи гектаров...

В настоящее время на территории Днепропетровской и Кировоградской областей строится более тридцати животноводческих комплексов. Прекрасных, современных, мощных комплексов, которые должны внести очень существенный вклад в обеспечение населения мясом, молоком и прочими вкусными вещами. И хотя они еще не построены, один недостаток у них уже есть, он заложен прямо в проекте: очистные сооружения при этих комплексах не предусмотрены. Даже сметы на них нет. А потом, когда комплексы будут построены, будут разрезаны алые ленточки при их торжественном открытии и начнется освоение, — до очистных ли сооружений будет руководителям?

И опять госрыбинспекция будет проводить анализы, писать жалобы, взывать к общественности, и досадливо будут морщиться животноводы, воспринимая все это как помеху в работе. И местные прокуроры, которые обязаны подходить к возникающим конфликтам с государственной, общенародной точки зрения, снова окажутся в сложном положении, потому что остановить, закрыть даже на день действующий животноводческий комплекс будет просто невозможно.

Следовательно, вывод может быть только один, и сформулирован он давно и недвусмысленно: там слов не тратить по-пустому, где нужно власть употребить. Есть законы, есть органы, которые следят за их исполнением, осталось сделать немного — объединить усилия многочисленных инстанций. Чтобы госрыбинспекция видела в руководителях предприятий, в прокуратуре надежных и верных союзников, чтобы на заводах, фабриках, комбинатах, шахтах поняли наконец, что самоотверженное выполнение производственных заданий — это отнюдь не все, что от них требуется, помимо ежедневных производственных забот на них лежит задача более долговременная и не менее важная — не дать земле превратиться в пустыню, а рекам — в сточные каналы.

ДНЕПРОПЕТРОВСК

В. ПРОНИН

служба охраны

Она вошла в кабинет, скромно представилась и, отвечая на вопросительный взгляд директора завода, сказала:

— Янис Альфредович, вы знакомы с Водным кодексом нашей республики?

Директор Кандавского завода радиоузлов рассеянно улыбнулся:

— Честно говоря, не очень... Наша специфика как-то далека от водных просторов, Евгения Александровна. Мы делаем радиоузлы, а не компасы...

— Вы ошибаетесь, Янис Альфредович, ваш завод имеет непосредственное отношение к некоторым статьям водного кодекса. Вот, например, к этой,— и Велисова, заместитель начальника водной инспекции Министерства мелиорации и водного хозяйства, энергично достала из папки небольшую книжечку и раскрыла на нужной странице: — Послушайте, пожалуйста... «Сброс сточных вод допускается только в случаях, если он не приведет к увеличению в водном объекте количества загрязненных веществ свыше установленной нормы и при условии очистки водопользователем сточных вод до пределов, установленных органами по регулированию и охране вод»...

— А какова норма этих самых веществ?

Евгения Александровна пристально посмотрела на директора.

— Вы этого можете и не знать. Мы попросим рассказать об этом ваших лаборанток. Но слушайте дальше, что говорится в водном кодексе: «Если указанное требование нарушается, сброс сточных вод должен быть ограничен, приостановлен или запрещен органами по регулированию использования и охране вод вплоть до прекращения деятельности отдельных промышленных предприятий, цехов...» А впрочем, зачем нам кабинетные дискуссии? Давайте пройдемся по цехам, посмотрим ваши очистные сооружения, полюбуемся на речку, а уж потом вернемся сюда.

За двадцать с лишним лет работы она повидала всяких руководителей. И чувствовала: сидящий перед ней в кресле человек еще не представляет себе ясно и четко размеров своей ответственности.

— Вы давно директорствуете? — спросила она, когда они прошли проходную и оказались на заводской территории.

— Второй год всего. Выдвинут как молодой и перспективный инженер,— улыбнулся Янис Альфредович.— А что, со стороны заметно, что я неопытный директор?

— Не в этом дело,— ответила Велисова: она почувствовала, что директор ищет позицию для защиты. А разве плохая позиция: я, мол, неопытен, директорствую недавно, о наших упущениях слышу от вас, товарищ замначальника инспекции, в первый раз. Где же, мол, вы были раньше, почему не предупредили меня?

— Не бойтесь, Евгения Александровна, скидок у вас на свою неопытность просить не буду,— сказал, словно угадав ее мысли, Якубович.— Что ж, показывайте мои упущения...

— Вы обходили сегодня территорию завода?

— С этого начинается мой рабочий день,— с гордостью ответил Якубович.— Для меня это, как для спортсмена зарядка по утрам.

«Плохо же вы делаете зарядку»,— подумала Велисова и подвела директора к стене цеха, возле которой стоял компрессор.

— Что это такое?

— Как что? Компрессор... Утром работал, сейчас нет...

— Я не об этом. Видите, как много масла возле компрессора?

— Заправляли, наверное!

— Целая лужа. Заправляли, видимо, не один день. Здесь должен быть по инструкции поддон под двигателем компрессора. Его нет. Теперь, Янис Альфредович, поскольку вы занимаетесь производственной гимнастикой по утрам — проследите, куда ведет масляный ручеек от компрессора?

— Как куда? К бетонному щиту!

— А под щитом находится артезианская скважина, которая снабжает питьевой водой рабочих и служащих вашего предприятия. Не так ли? Вы, конечно, знаете инструкцию о том, как должна оберегаться скважина? Давайте взглянем, что под щитом.

В бетонированном стакане скважины сырость наложила свой отпечаток, на стенах были разводы, а по краям стакана желтел масляный ободок — след от масла злополучного компрессора.

— Куда теперь? — спросил Янис Альфредович и вдруг взорвался: — Но ведь скважина стоит не на месте — вблизи цеха, по инструкции это тоже не полагается. Ее надо переносить! А переносить я не могу, мне такой статьи расходов не утвердило министерство. Я могу построить новый цех, могу гараж, а вот вырыть новую яму и зацементировать скважину — не могу. Не предусмотрено!

— А вы не горячитесь, Янис Альфредович! У вас есть возможность обратиться в министерство и приложить к письму наш акт, думаю, в министерстве тоже хорошо знают Закон об охране природы, принятый в 1972 году. Пойдемте к вашим фильтрам.

Огромные чаны, в которых скапливалась отработанная вода из всех цехов, были переполнены, вонючая жидкость лилась прямо на пол и стекала к берегу реки, поднимая столб пара. Велисова подозвала директора и указала на речку: там, где стекала жидкость, она была в пене...

— словно корыто с бельем во время стирки,— сказала Велисова и обратилась к лаборантке: — Дайте, пожалуйста, тетрадь анализов. У вас ведь анализы из лаборатории?

— Да!

— Ну-ка... — Она несколько минут разглядывала цифры, потом протянула тетрадь Якубовичу: — Полюбопытствуйте, как вы отравляете милую речушку Апаву... Щелочь, сода превышают допустимые нормы в пять раз. Это ваш анализ, вы с ним хоть раз в месяц знакомитесь?

Пока Велисова писала акт в его кабинете, директор говорил по селекторной связи. Евгения Александровна изо всех сил старалась не улыбнуться, слыша, как он распекает подчиненных:

— Чакурс, это Якубович, привет! Сегодня же ко мне в шестнадцать часов на совещание. По какому вопросу, я тебе отдельно скажу. Альберта, Анна, попрошу вас быть к четверем на сове-

щании... Илмар, ты на заводе являешься главным инженером, так? Скажи, что бы ты сделал с человеком, который твой аквариум залил бы бензином? Молодец, хотя это и жестоко... Попрошу быть в четыре часа у меня на совещании.

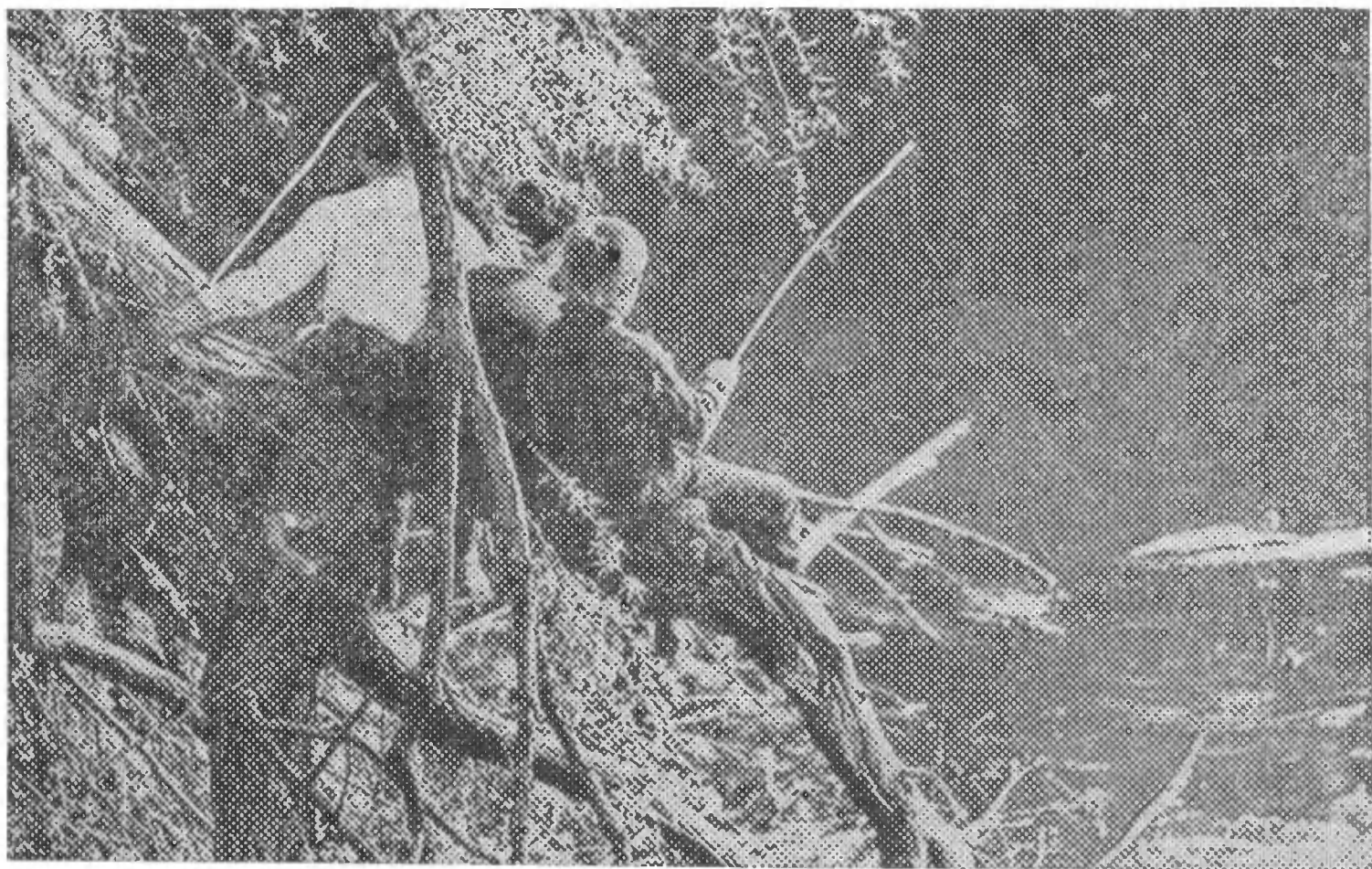
Подписав акт, директор вдруг совсем негромко сказал:

— Знаете, о ком я думаю вот сейчас?

— Откуда же? — удивилась Велисова.

— О том проектировщике и строителе, что сооружали наш завод! Ведь они совершили очевидное преступление, а мы в суете об этом как-то забываем. Они должны были предвидеть рост производства и заложить в соответствии с этим резерв очистных сооружений. Ведь нормативы у каждого под рукой, постановления по этому вопросу — у каждого проектировщика и строителя. Высчитай, заложи в чертеж — и вся недолга! Нет, быстрее пустить, перерезать ленточку, а там уж пусть эксплуатационники, то есть мы, пляшут. И пляшем, и в бубен бьем, выкручиваемся, но ведь всего этого можно было бы избежать, как-то предвидеть... Разве не так? А выходит, что я — человек, который за всю жизнь не сломал в лесу деревца, не убил из рогатки воробья, — попадаю в число браконьеров, да еще каких — промышленных!

— Янис Альфредович, в этом-то и беда наша, что мы — пока не коснется нас лично — думаем, что природу портит только браконьер с ружьем или с острогой в руках... Заблуждение! Однако хорошо, что вы сами начинаете по-другому смотреть на эти вещи... И поэтому на вас лично я штрафа не накладываю, ограничусь толь-

Хорошо ловится рыба в чистой воде.

ко предупреждением: исправить замеченные недостатки к определенному сроку. И еще — природу надо уметь не портить! Для этого прошу посылать каждый месяц к нам в инспекцию на инструктаж вашего работника. Мы вам неоднократно пишем письма с приглашениями — но от вас еще ни разу никто не приезжал. По-моему, вы сами поняли, что план любой ценой — уже устаревший и экономически невыгодный лозунг! Цена за план становится такой высокой — и в моральном, и в материальном смысле, — что выигрыш равен нулю. Согласны?

...Я встретился с Евгенией Александровной Велисовой на Шлокенбергских прудах, что расположены за Тукумсом. Она внимательно наблюдала, как аэраторы — лодочные моторчики, оправленные в круговую раму, — вращали лопасти, нагнетая кислород в озеро. Разговор зашел о посещении Кандавского завода радиоузлов.

Велисова сказала:

— Мы ругаем хозяйственников, а забываем, что многих надо учить разбираться в сложном деле очистки промстоков. Да, именно учить! Об этом мы как-то еще не задумываемся. Оштрафовать руководителя предприятия несложно, но не всегда эта мера может привести к желаемым результатам. Допустим, директора Кандавского завода можно было бы наказать штрафом, но если ему не объяснить, сколько кислорода должно быть в воде, если ему не растолковать, сколько взвешенных частиц допустимо в промстоке, если не рассказать, он по-прежнему будет пребывать в неведении относительно своего предприятия и его очистных сооружений. А объяснить и растолковать обязаны специалисты по механической и биологической очистке сооружений. А эти специалисты, к сожалению, рассеяны по различным ведомствам... И поэтому возникает масса хозяйственных проблем и правовых. Например, кто отвечает за плохую очистку — сам эксплуатационник или тот, кто проектировал или строил данный объект, о чем справедливо говорил директор Кандавского завода радиоузлов.

Мы шли к машине, надо было возвращаться в Ригу — солнце уже тонуло в серебряной глади прудов, вырастали тени от придорожных тополей и кленов, с полей ветер приносил прохладу...

— А вы знаете, крупные промышленные объекты теперь не столь страшны для наших рек.

— Разве? — вырвалось невольно у меня.

— Да, да... Вот, например, в республике пущен огромный Бальдэрайский комплекс очистки. Его мощность такова, что к нему подключают даже Рижский порт. Комбинат, при котором он существует, не может обеспечить его фильтры полной нагрузкой. На Слокском целлюлозно-бумажном комбинате тоже введен в строй огромный биокомплекс очистки. Река Лиелупе, впадающая в Рижский залив, до недавнего времени считалась мертвой рекой... А теперь в нее вернулась жизнь, вода стала чистой! Что же получается! Крупные предприятия на виду, у них есть деньги на строительство... Но не меньшую опасность для водоемов, особенно для малых рек и озер, представляют животноводческие комплексы и фермы колхозов и совхозов. Мощность их растет, увеличивается стадо, а очистных сооружений у них, как правило, нет, а если и есть, то об эффективной очистке говорить не приходится. Как-то не думали в свое время, что

надо фильтровать стоки ферм и комплексов. А ведь комплексы — это целые заводы на полях, их стоки по вредоносности ничем не отличаются от стоков химических предприятий... Представьте, сколько малых и больших рек станут опасными для скота и людей! А кто несет ответственность? Да практически никто! Об этой проблеме еще всерьез никто не говорил и не думал, а ведь пора уже бить тревогу... Но мы пока благодушны...

Евгения Александровна вздохнула и полезла в кабину микроавтобуса. Уселась поудобнее и продолжила:

— А знаете, отчего это все получается? Очень мы — специалисты по охране природы и окружающей среды — разобщены в республике. Мы, в частности, отвечаем за воду, Балтрыбвод — за сохранность рыбы, Министерство лесного хозяйства — за лес, Министерство сельского хозяйства — за поля и луга... Получается, что каждый сам себя контролирует! А если все отделы охраны природы, с их количеством опытных специалистов, свести воедино, в комитет по охране — дело пошло бы организованнее! И никаких особых затрат не понадобилось бы: отделы охраны природы полностью можно было бы передать комитету, добавить юридический отдел, чтобы побыстрее решались правовые вопросы, — и все... Кстати, комитет был в нашей республике, и зря его распустили! Нужда в нем есть, и огромная...

Есть в республике люди, которые с гордостью несут службу охраны природы и с гордостью величают себя ее блюстителями. Есть специалисты, умеющие охранять окружающую среду... А вот единого центра, координирующего усилия многих тысяч людей, в республике пока нет. Для справки: среди своих соседей Латвия единственная республика, в которой нет Комитета по охране природы. И это иногда весьма чувствительно сказывается!

ЛАТВИЙСКАЯ ССР

В. СТЕРИН

Вынося в заголовок слова из Конституции СССР, мы хотим напомнить нашим читателям о том, что охрана природы — отнюдь не благое пожелание. Это требование нашего времени, требование нашего общества, утвержденное Основным Законом государства. И охранять природу, беречь ее, приумножать ее богатства обязаны не только специально созданные службы. Новая Конституция Союза Советских Социалистических Республик вменяет в обязанность каждому гражданину страны следить за сохранностью и чистотой окружающей среды, беречь ее и от слишком ретивых хозяйственников, не желающих ни о чем думать, и от людей равнодушных, безразличных к родной природе, и от людей, сознательно идущих на нарушение наших законов.

На XXV съезде нашей партии было уделено большое внимание удовлетворению спроса трудящихся на различные товары народного потребления и улучшению качества продукции. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС, в частности, подчеркивал: «Важно не только помнить, что конечная цель производства — удовлетворение тех или иных общественных потребностей, но и делать из этого практические выводы. А один из них, несомненно, состоит в том, чтобы дать потребителю — идет ли речь о сырье и материалах, машинах и

**Я. ОРЛОВ,
профессор,
заведующий кафедрой
экономики торговли
Заочного института
советской торговли**

В

житейской суете мы как-то многого не замечаем. То, что прежде считалось диковинкой, вызывало удивление и чем обладали сначала немногие, есть теперь почти у всех, как в городе, так и на селе, стало обыденным и привычным. Кажется, будто всегда стояли на тумбочках в наших квартирах самоповейшие приемники и телевизоры, испокон века светился на кухне молочной белизной холодильник, постоянными спутниками жизни были

пылесосы, полотеры, стиральные машины, всевозможные смесители, кофеварки и многое другое. Ведь всего в личном пользовании наших граждан находится около миллиарда технически сложных изделий — бытовых машин и приборов.

Они облегчают быт, экономят время. Ученые даже подсчитали, что в целом «домашняя электрификация и механизация» сохраняет семье более семисот часов свободного времени в год.

И надо сказать, что эксплуатация всех этих бытовых «тружеников», присмотр за ними не так просты, как может показаться с пер-

оборудовании или товарах народного потребления — более широкие возможности влиять на производство».

Влиять на производство... Это право граждан нашло свое отражение и в новой Советской Конституции. И можно не сомневаться, что оно будет неуклонно претворяться в жизнь.

Публикуемая ниже статья посвящена одной из проблем улучшения качества товаров народного потребления и роли потребителя в осуществлении контроля за ними.

НЕОБЕСПЕЧЕННОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО

вого взгляда. Тем более что примерно каждые пять лет ассортимент их в нашей стране обновляется. Ведь зачастую человек, оставшийся один на один с домашней техникой, имеет о ней весьма смутное представление. А если даже и имеет или кое-как проинструктирован продавцом, то все равно может оказаться беспомощным из-за отсутствия нужных для ремонта инструментов, материалов, запасных частей. Глядишь, машина или аппарат перестали работать, превратились в дорогостоящую и никому не нужную мебель.

Отсюда совершенно ясно, почему к таким механизмам предъявляются особые требования — они должны быть надежными и не капризными. Ну, а если вследствие исключительных причин или долговременной безупречной службы с ними приключаются неполадки, то нам на помощь должна прийти хорошо разветвленная сеть ремонтных мастерских.

Итак, наше с вами «бытовое спокойствие» как бы зависит от трех звеньев одной цепи — завода-изготовителя, торговли и ремонтников. Предприятие обязано выпустить высококачественное, без сучка и без задоринки изделие; магазин — через достаточно «подко-

ванного» продавца-консультанта научить нас, как с ним обращаться; ателье починки — быстро устранить неисправность, обнаружение которой уже после покупки вещи следует считать чрезвычайно неприятным обстоятельством: ведь на нее есть гарантия.

А теперь проследим, как справляются со своими задачами все эти три звена. Проследим в той же последовательности, в какой мы их только что перечислили.

Начнем, естественно, с предприятия, неоспоримая и главная обязанность которого — производить изделия надежные и долговечные. На сей счет еще в Древнем Вавилоне действовал весьма суровый закон, каравший зодчего смертной казнью, если спроектированный им дом рушился. А если при этом погибала семья заказчика, то убивали также семью архитектора.

С тех пор значение проблемы надежности несколько не уменьшилось, а напротив — неизмеримо возросло, хотя санкции против бракоделов кажутся порой слишком гуманными. В самом деле, не знакома ли вам, к примеру, такая картина?

В семье радость — приобретен новый холодильник. Он работает исправно месяц, другой — и вдруг вместо того, чтобы «морозить», гонит тепло, беря на себя не свойственные ему функции отопительной системы. Вы хотя и обескуражены, но не волнуетесь: у вас в кармане гарантия, согласно которой производится ремонт. Обращаетесь в мастерскую, приходит механик (обо всем, что с этим связано, пока не будем говорить) и исправляет аппарат. Все довольны, холодильный быт налажен.

Задумаемся, однако, над тем, что происходит. Предприятие гарантирует в течение определенного срока безукоризненную и безотказную работу машины или прибора. Во всяком случае, так мы с вами понимаем слова «гарантия», «гарантировать». Так, кстати, и объясняет общедоступный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: «ручательство, обеспечение, защита, гарантия **прочности товара**». Есть даже «гарантия от всяких неожиданностей», на наш взгляд, и от неожиданных неисправностей и поломок.

Весьма своеобразно истолковывают эти ясные и четкие понятия те, кто занят выпуском бытовой техники. Возьмем паспорт любого изделия, ну хотя бы пылесоса. Сначала с удовольствием читаем, что завод ручается за исправную его работу в течение полутора или двух лет со дня покупки. Чуть ниже наше удовольствие сменяется недоумением — разъясняется, что в случае неисправности пылесоса следует обратиться в мастерскую, где в течение гарантийного срока аппарат будет ремонтироваться бесплатно.

Вот тебе и на: вы уверены, что приобрели изделие с гарантией безотказной работы, по крайней мере на указанное в документе время, а по сути получаете лишь право на... ремонт. Вроде бы несправедливо. Более того — незаконно.

Между тем производственники не усматривают здесь никакой несправедливости. Послушать их — получается, будто мы с вами просто путаем два понятия — «надежность» и «безотказность». Оказывается, изготовители вовсе не гарантируют нам безотказности работы изделия, а только его надежность. И вообще, в среднем (!) все обстоит вполне благополучно.

Весьма ответственный руководитель одного министерства выска-

зался на сей счет даже публично и внес свой вклад в проблему толкования слов и понятий. С его точки зрения, покупатель получает лишь так называемую коммерческую гарантию, то есть обязательство предприятия отремонтировать предмет в течение определенного срока за свой счет. А есть еще и техническая гарантия, обеспечивающая безупречную работу изделия в течение указанного в паспорте времени. И, следовательно, предстоит еще немало потрудиться, чтобы превратить первую во вторую, ибо помимо головного предприятия есть еще и смежники, чьи комплектующие элементы тоже не блещут качеством.

Оставим пока в стороне не только словесную, но и среднестатистическую казуистику (среднее благополучие вряд ли удовлетворит тысячи обладателей дефектной бытовой техники) и обратимся ко второму звену цепи — торговле. Что думают обо всем этом ее работники?

Во-первых, они с похвалой отзываются о тех предприятиях, чья продукция (например, холодильник «ЗИЛ», аппаратура львовского объединения «Электрон», рижского завода ВЭФ и другие) многие годы пользуется доброй славой и гарантия на которую почти не делится на коммерческую и техническую. Во-вторых, приводят тревожные цифры, свидетельствующие о неблагоприятном положении дел. Несмотря на то, что торговая сеть порой не просто сама отбраковывает большие партии разных изделий, рекламации идут чуть ли не на каждый десятый холодильник производства предприятий Минлегпищемаша, на большое число магнитофонов и других бытовых приборов, достаточное количество их все равно попадает в период гарантийного срока службы в ремонт.

Тут мы подошли к третьему звену — мастерским гарантийного ремонта. Может, им приходится заниматься лишь легко излечимыми «недомоганиями»? Может, речь идет о случайных промахах предприятий, от которых не застраховано любое серийное производство? В том-то и дело, что нет. В бытовой продукции обнаруживаются весьма основательные изъяны, некоторая часть ее за время действия гарантии чинится даже по нескольку раз, а то и нуждается в ремонте еще до продажи.

Как показывают проверки, большая часть ремонтных работ в телевизорах вызвана низким качеством кинескопов, радиоламп и других деталей, а также несовершенством монтажа и сборки аппаратуры. У холодильников выходят из строя холодильные агрегаты, терморегуляторы и тепловые реле, перетираются трубопроводы. Подобные примеры можно привести и по пылесосам, магнитофонам, швейным машинам, велосипедам, часам.

Любопытная вещь: в иных случаях превратное толкование гарантии защищает, как ни странно, государственный стандарт. Невероятно, но факт: в ГОСТе «Холодильники бытовые электрические» есть специальный пункт, допускающий вероятность появления неполадок в работе аппарата. Ссылаясь на него, заводы и обосновывают «законность» выпуска холодильников с дефектами.

Одним словом, вместо того чтобы на самом предприятии хорошенько проверить качество продукции, эту функцию возлагают на покупателя. Он naïвно полагает, что приобретенное им изделие

столько-то и столько-то месяцев будет безотказным, а в действительности изготовитель обуславливает лишь срок, в течение которого ему любезно предоставляется возможность посещать гарантийные мастерские для устранения неполадок, выявленных уже... после покупки.

Мастерские же сплошь и рядом пребывают в незавидном положении «бедных родственников», которые вынуждены постоянно что-то выпрашивать у заводов-изготовителей. Они испытывают нужду в запасных частях, и порой из-за какой-нибудь мелочи долго простаивает в общем-то исправный агрегат. Еще сложнее становится проблема, если предприятие снимает модель с производства, вводит новую, а о «старой», еще находящейся в эксплуатации, «забывает».

Существенны неувязки с планированием поставок запчастей. Мастерские должны в начале каждого предыдущего года давать заявки на будущий год. Но откуда им знать, что нового заводы намерены запустить в производство и в каком количестве выпускать брак по прежнему ассортименту изделий?

Оставляет желать лучшего и оснащение их оборудованием, универсальной и контрольно-измерительной аппаратурой. Получается, что с современнейших конвейеров сходят технически сложные изделия, которые при ремонте попадают в бедно оборудованные, чуть ли не кустарные гарантийные мастерские.

Не способствует улучшению обслуживания сдельно-премиальная оплата труда работников службы ремонта. Она производится по количеству, а не по качеству оказанных услуг. Поэтому ремонтники рады недоделкам: чем их больше, тем им выгоднее. Из-за несовершенного порядка учета и планирования им, несмотря на внесенные недавно изменения, до сих пор выгоднее не ремонтировать вышедший из строя узел, а заменить его новым, особенно если он дорогостоящий. Это позволяет записать в графу выполнения плана стоимость не только работы, но и агрегата.

Итак, заводы чисто символически ручаются за качество и надежность изделий, а фактически возлагают устранение своих недоделок на службу быта. И, как мы выяснили, обе стороны не внакладе. Изготовитель продукции почти не несет потерь и убытков, так как по действующей системе расчетов оплата мастерским за гарантийный ремонт производится не за счет финансовой деятельности предприятий, а за счет сумм, заранее предусмотренных в плановой себестоимости изделий. Следовательно, приобретая, скажем, телевизор, вы уже при покупке оплачиваете и стоимость возможной починки. Довольны браком и ремонтники, ибо он сулит им большее вознаграждение за труд, в том числе и премиальные, а также поднимает их авторитет: вон как много и неплохо чинят!..

Кстати, насчет авторитета. В глазах покупателя он высок у тех заводов, чьи изделия имеют какой-то срок ручательства. И следовательно, гарантия — это одновременно своеобразная реклама вещи. При прочих равных условиях мы отдаем предпочтение той, при которой есть многообещающий, но, как уже убедились, мало что дающий документ. Более того, оказывается, материальная (да и моральная) ответственность за качество продукции с гарантией порой ниже, чем за не имеющую ее. Так, если телевизор или холодильник забракован в магазине или на базе, производитель обязан платить

штраф. Если же дефект в течение срока гарантии обнаружен покупателем дома, завод от уплаты штрафа свободен.

Ясное дело, что порядок, при котором покупатель должен обращаться в гарантийную мастерскую, хлопотать о ремонте, тратить на это время и нервы, а предприятие и магазин остаются в стороне, явно не выдерживает критики, противоречит нашим понятиям о правах и обязанностях как отдельных граждан, так и организаций. Такой порядок к тому же никак не стимулирует усиления проверки качества товаров и на заводах, и в торговой сети. Наоборот, ослабляет ее, потворствует выпуску низкокачественной продукции.

Не вызывает поэтому сомнений, что ответственность должны нести сами бракоделы, независимо от того, в каком ранге они пребывают — головного предприятия или смежного. Однако по существующим ныне правилам предприятие, собирающее, к примеру, радиоаппаратуру, вправе потребовать от поставщиков замены неисправных деталей лишь в том случае, если брак обнаружен в момент их получения, при так называемом входном контроле. А коль неисправность выявлена в процессе эксплуатации, что чаще всего и бывает, с поставщиков взятки гладки: никакой ответственности они не несут.

Между тем беспристрастная статистика показывает, что многие технически сложные товары выходят из строя из-за изъянов в комплектующих узлах и деталях. В итоге завод, производящий уже полностью готовую или, как говорят, дипломную продукцию, оказывается виновным в чужих грехах. Логичней и разумней так упорядочить взаимоотношения между всеми семью «няньками» изделия, чтобы в случае, если оно окажется «без глаза», все затраты по гарантийному ремонту несли в меру своей вины каждая из них. Пусть завод-изготовитель в течение всего гарантийного срока отвечает за бесперебойную работу поставляемых им комплектующих деталей и узлов, а головной завод — за все изделие в целом. Пусть смежники возмещают не только расходы, связанные с ремонтом, но и оказавшиеся негодными детали. Причем необходимо, чтобы производство таких запасных частей заранее предусматривалось планирующими органами и стало таким же обязательным законом, как выпуск дипломной продукции.

Ну, а пока... пока те, кто производит товары с (прямо скажем) негарантированной гарантией, поступают так, как им вздумается. Благо, никакими нормативными актами еще не установлены научно обоснованные сроки ручательства, зависящие от сложности машины или аппарата, типа, назначения, частоты пользования и прочих показателей. Отсюда и широчайший диапазон ведомственного нормотворчества, от которого голова кругом идет.

В самом деле, почему Горьковский телевизионный завод имени В. И. Ленина, выпускающий телевизоры «Чайка-205» со Знаком качества, дает гарантию на кинескоп продолжительностью в полтора года, а Симферопольский завод на аппарат «Крым» без этого Знака, но с тем же кинескопом — два года? Казалось бы, все должно быть наоборот. Или почему всем производимым в стране холодильникам в соответствии с ГОСТом определен двухгодичный срок гарантии, а «Бирюсе» и аппаратам Московского завода — трехгодичный? Что это — обыкновенная разноголосица, вызванная служебно-

правовой самодетельностью, или серьезное отставание госстандарта от жизни?

А ведь считается, что в нем должны обобщаться все новейшие достижения отечественной и зарубежной науки и техники, собственные, естественно, всем важнейшим изделиям. Но вот что парадоксально: на большинство радиол, магнитофонов и некоторых других технически сложных аппаратов стандарты не распространяются. Для многих из них действуют так называемые технические условия (ТУ), которые утверждаются отраслевыми министерствами, то есть теми, кто непосредственно отвечает за выпуск продукции. Неудивительно поэтому, что повышенные требования покупателей к ее качеству не находят отражения в этих ТУ.

Отсюда и получается, что заводы-изготовители действуют каждый по-своему: одни дают гарантию, другие не дают, и никто их не неволит, третьи сочиняют нечто неудобоваримое. И нет с чем сопоставить паспорта-инструкции, чтобы установить их правомерность.

Иные предприятия ручаются за изделие не целиком, а с некоторыми, так сказать, изъятиями. Так, в паспорте на холодильник «Минск-II» можно прочесть: «Гарантия не распространяется на лампу накаливания». А как быть, если она вышла из строя и ее ни в каком магазине не купишь? Обратиться в мастерскую? Но там не торгуют, там оказывают услуги. Вам предлагают либо доставить к ним холодильник, оплатить операцию «определение дефекта», стоимость работы и лампочки, либо пригласить мастера на дом, что тоже влечет за собой расходы, превышающие цену этого пустякового изделия. Да еще надо будет отпроситься с работы, чтобы не прозевать специалиста, ждать, нервничать.

Нечто подобное ожидает вас, если требуются мешочки для пылесоса, ножи для мясорубки и другие детали. К слову, их можно было бы просто продавать в магазинах.

Есть предприятия, которые вообще умудряются отсылать владельца неисправной вещи по многим адресам. Атигский машиностроительный завод весьма своеобразно снял с себя гарантийные обязательства за выпускаемый им велосипед. В инструкции-паспорте он ссылается на изготовителей покрышек, камер, передней и задней втулок, насоса и даже... звонка. Непонятно только, за что он сам отвечает, как непонятно, почему автозаводы предупреждают о своей непричастности к плохим покрышкам, неисправным часам или приемникам. Ведь производимая ими продукция отмечена их марками, а не марками всевозможных смежников.

Ну, ладно, в этих случаях хоть за что-то есть ручательство. Но, бывает, о гарантиях и вовсе забывают. Рижский завод «Страуме» выпускает электросмесители. В целом они неплохи. Только вот беда: быстро сгорает двигатель. Его производит в порядке кооперации завод, находящийся в Виннице и не считающий нужным гарантировать работу своего детища. Хуже того, он заранее планирует поставку двадцати процентов брака. В результате смеситель выходит из строя, и спросить за это не с кого. Покупатель в недоумении: оказывается, завод «Страуме», марка которого стоит на приборе, практически отвечает только за корпус изделия.

Бывают и вовсе хитроумные уходы от каких-либо обязательств перед потребителем. В паспорте пишут следующее: «Завод гарантирует соответствие техническим условиям и образцу, утвержденным экспертным советом постоянного Павильона лучших образцов товаров народного потребления». Хотите пример? Пожалуйста, читайте документ на радиолу «ВЭФ-радио». В нем никаких обещаний насчет ее работы. Речь идет лишь о соответствии техническим условиям и образцу. Покупатель знает эти условия? Конечно же, нет. Ему остается только развести руками и настроиться в случае поломки на беготню по мастерским.

На этом, к сожалению, возможности для манипуляций с гарантиями не кончаются. Есть и иные способы. Скажем, такой. Предприятие, производящее фототелеобъектив «Таир-3», которому, кстати, присвоен Знак качества и дано двухгодичное поручительство, уточняет, что «в гарантийный срок службы входят шесть месяцев хранения объективов на складах». «Гениально», не правда ли? Ведь «Таир-3» не хлеб, его ежедневно не покупают, это товар редкого спроса с «приличной» ценой в 150 рублей. Так что его вряд ли продают прямо с колес. Хотят этого на заводе или не хотят, но на базах и складах ему лежать приходится. И шесть месяцев, и больше. Словом, вполне может случиться, что гарантийный срок на него истечет еще... до покупки.

А разве невозможна такая ситуация, чтобы гарантия истекла, а владелец еще и не включал свой пылесос? Вполне возможна. Он хочет наконец испытать свою покупку, включает в сеть, а машина не работает. Вероятно, в гарантиях следует не только отсчитывать время с момента приобретения товара, но и принимать во внимание некую продолжительность его эксплуатации.

Очевидно, испугавшись такого подхода к делу, завод, выпускающий мотор «Вихрь», записал в паспорте, что он отвечает за его годовую бесперебойную работу при одном обязательном условии — владелец должен «наработать» на нем пятьсот часов, то есть двадцать суток и двадцать часов. В таком случае только и остается отправиться в вояж на моторной лодке вокруг Европы. Как же иначе «прокрутить» весь гарантийный срок за один летний сезон?

Кроме такого вида перестраховки существует и другой, не со знаком минус, а как бы со знаком плюс. Речь идет о швейных машинах Подольского завода, гарантия на которые увеличилась сейчас до пяти лет. Но вот что любопытно. Отдельные фирмы Англии и Австрии, закупающие в СССР те же машины, не побоялись (и с полным основанием) довести эту гарантию до десяти лет.

Почему же происходит такое? Почему столь широки и столь же необъяснимы «перепады» в гарантийном сроке? Почему на в общем-то дешевый пылесос, которым пользуются максимум дважды в неделю, и дорогостоящую «Волгу», конечно же, мало пребывающую в простое, он совершенно одинаков?

Ответ, очевидно, один: каждое предприятие «придумывает» свое, и порой два из них, входящие в одно ведомство и выпускающие одну и ту же продукцию, «идут не в ногу». Нет научно разработанных методик установления гарантийных сроков, которые бы учитывали специфические свойства изделий, регулярность их эксплуатации, стоимость и прочие важные факторы. И тут слово за наукой,

за специалистами в области техники, производства, торговли. При чем следует идти не по пути безосновательного увеличения гарантийных сроков (от этого предприятия, вынужденные переводить больше денег ремонтникам, только проиграют), а по пути повышения качества и надежности технически сложных изделий.

Пора также превратить гарантию из лазейки для протаскивания брака за счет потребителя в основной показатель качества. Она должна стать бракоделам поперек дороги, способствовать повышению ответственности предприятий за свою продукцию, за ее безотказную работу. Все дело учета и планирования надо поставить таким образом, чтобы гарантийный ремонт был заводу менее выгоден, чем выпуск вполне доброкачественных изделий. Может быть, стоит ужесточить систему штрафов, обязать предприятия выдавать на время гарантийного ремонта взамен неисправной вещи исправную. А главное — все хлопоты потребителя, связанные с починкой, компенсировать, в том числе и за каждый день просрочки ремонта. И не из государственного кармана, а за счет конкретного виновника.

Заслуживает поддержки предложение о том, чтобы за качество технически сложных изделий перед покупателем отвечал магазин, а не ремонтная мастерская. Почему, собственно говоря, мы несем дефектную обувь туда, где ее покупали, а телевизор — в ателье? Между прочим, во многих странах, в том числе и некоторых социалистических, потребитель в таких случаях имеет дело с магазином, и только с ним. Магазин же взыскивает с предприятия штраф за поставку брака и нарушение гарантии.

Скажите, наша торговля еще не готова к этому? Возможно. Но почему бы не поставить эксперимент? Пока в узких масштабах города или области, а потом и пошире — в пределах республики. Проверить, взвесить, затем решить, как лучше.

И наконец, настало время принять нормативный акт о порядке установления гарантий, проведения гарантийного и послегарантийного ремонта, взыскания штрафов, неустоек и т. д. Настало время документально, с предельной четкостью зафиксировать права покупателя, а также права и обязанности всех других участников купли-продажи — заводов-изготовителей сложных изделий и их смежников, торговли, ремонтной службы. Тогда, и только тогда, слово «гарантия» получит первозданно-истинное, а не превратно-ведомственное толкование. Оно будет означать Качество с большой буквы, то самое качество, что стало девизом десятой пятилетки.

по протесту
прокурора

Директор совхоза «Искра» Чечено-Ингушской АССР Х. Бана-шев издал приказ, которым предложил бухгалтерии совхоза взыскать с шофера Ш. Аданаева стоимость 498 килограммов молока за то, что тот несвоевременно привез норм на ферму и в результате этого надой молока снизился на 498 килограммов.

Приказ издан в нарушение статьи 118 Кодекса законов о труде РСФСР, в которой установлено: «При определении размера ущерба учитывается только прямой действительный ущерб; не полученные доходы не учитываются».

По протесту прокурора Шалинского района приказ отменен.

Исполком Щорского поселкового Совета народных депутатов (Днепропетровская область) вынес решение о выселении из коммунальной квартиры Л. Даниленко.

Между тем в соответствии с Гражданским кодексом Украинской ССР договор найма жилого помещения может быть расторгнут самим нанимателем, в судебном порядке или в административном порядке с санкции прокурора.

Действующим законодательством исполкомам местных Советов народных депутатов не предоставлено права выселения граждан из жилых помещений.

По протесту прокурора Криничанского района решение исполкома поселкового Совета отменено.

Сотрудник Думиничского районного объединения Сельхозтехники (Калужская область) В., находясь в сильной степени опьянения, был задержан работниками милиции за нарушение общественного порядка. Об этом сообщили на работу В.

На основании уведомления милиции управляющий Думиничским районным объединением Сельхозтехники издал приказ: за появление в общественном месте в нетрезвом виде В. объявить строгий выговор.

Прокурор Думиничского района опротестовал этот приказ как незаконный. Дело в том, что по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» за нарушение общественного порядка В. мог быть привлечен милицией к административной ответственности. Администрация же объединения, получив уведомление милиции, могла передать материалы о поведении В. на обсуждение коллектива, а тот — применить к нему меры общественного воздействия. Однако администрация привлекла В. к дисциплинарной ответственности, чего в данном случае не имела права делать.

Протест прокурора удовлетворен: незаконный приказ отменен.

ВЛАДИМИР ВИНОГРАДОВ

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

ИЗ ЗАПИСОК СЛЕДОВАТЕЛЯ

Прежде чем постучать в дверь с табличкой «Старший следователь Раев», Вилков долго маялся, переминаясь с ноги на ногу, скреб затылок. Но все же решился.

Пришел не один. Привел с собой Урлина.

— Вместе затеяли, вместе и пойдем,— сказал.

— Мне-то зачем? — пытался возражать Урлин. Не хотелось ему идти к следователю. Как еще тот посмотрит на его действия, на его роль в этой истории. Но Вилков сущий медведь, разве вырвешься из его лап, чуть ли не в охапку сгреб. Ума нет, а силы — хоть отбавляй.

— Не пойдешь — на себе понесу! — зарычал Вилков.

Пришлось идти. Перед самым управлением внутренних дел Вилков струхнул, остановился, затоптался.

— Ну и правильно, чего идти,— опять завел свое Урлин.— Сами найдем.

Не скажи он этого, может, Вилков и повернул бы вспять, может, и вовсе бы махнул рукой. Но слова Урлина словно подстегнули его.

— Нет уж, пошли.

Капитан милиции Раев не успел предложить им сесть, как Вилков прогрохотал:

— Я вот с чем, товарищ начальник. Я, значит, «Волгу» выиграл по лотерейному билету... по денежно-вещевой...

— Поздравляю,— сказал Раев.

— Не с чем. Нету «Волги».

— Угнали?

— Не машину. Билет.

— Билет?

— Да, товарищ начальник.

— Что же все-таки произошло? Раз уж пришли, рассказывайте... Садитесь.

Вилков и Урлин сели.

— Значит, вчера мы были у его приятеля Варейко,— начал Вилков.— Они учатся вместе, студенты.

— Вы студент? — спросил Раев Урлина.

— Да, я учусь на третьем курсе в пединституте.

— А вы?

— Я в магазине работаю, грузчиком,— ответил Вилков.

— Рассказывайте дальше,— сказал Раев.

— Зашли мы к этому Варейко, а у того был еще Сысоев, так он назвался, я его впервые увидел. Ну, и показал им свой лотерейный билет. Похвалился... А когда мы уже ушли от них, он,— Вилков кивнул на Урлина,— говорит: «Посмотри-ка на всякий случай, не подменили?» Я посмотрел: билет вроде мой, и номер — сто пятьдесят девять — тот же, и серия — тридцать три тысячи девятьсот — та же. А пригляделся — похолодел.

— Мы сразу побежали к Варейко,— вставил слово Урлин,— а его уже дома нет. Спросили соседа. Тот сказал, что, наверно, уехал к жене, в Куравлево. «А где его приятель, Сысоев»,— спросили. «Я,— говорит,— не знаю, как его зовут, но если тот, что утром был, то Варейко будто бы про Киев говорил, вроде в Киев должен был уехать...»

— Мы на вокзал,— продолжал Вилков.— Да где там, их и след простыл.

— Покажите билет,— сказал следователь.

Вилков достал лотерейный билет и протянул следователю. Раев осмотрел внимательно билет. На лицевой стороне были аккуратно наклеены цифровые знаки, вырезанные из другого билета того же выпуска. На обратной стороне ясно пропечаталась его настоящая серия — 33301 и номер — 047. Явная подделка.

Следователь попросил Урлина выйти в коридор, подождать там.

— Что же все-таки привело вас к Варейко? Зачем пошли к нему? — спросил он Вилкова.

— Я... просто показывал ему билет... хвалился, — смущенно пробормотал тот.

— И многим показывали, перед многими хвалились?

— На работе все знали, а так больше никому.

— Тогда зачем же вы все-таки пошли к Варейко?

Смущенный Вилков не ответил.

— Что ж вы молчите? С какой целью вы пошли к Варейко?

Вилков знал, что ему обязательно зададут этот вопрос и что надо будет отвечать на него. Не отмолчишься. Но не решался.

А следователь не торопил, томил:

— Давно вы знаете Варейко?

— Нет, недавно.

— А точнее.

— Меня с ним познакомил Урлин.

— Когда.

— В тот же день.

— Значит, до вчерашнего дня вы с Варейко знакомы не были и билета ему не показывали?

— Точно так.

— Что-то вы не договариваете, Вилков... Мне, например, ясно, что поддельный билет, который вам подсунули взамен вашего, был изготовлен заранее. Чтобы уже при первой встрече вручить его вам. Значит, кто-то предупредил Варейко, что вы выиграли «Волгу». Так кто же это был, по-вашему?

— Наверно, Урлин.

— Наверно, говорите. А не точно ли? Выходит, они были в сговоре?

— Нет, Урлин не пойдет на это. Мы с ним знакомы еще со школы, вместе учились...

— Но ведь он же позвал? Или вы сами пошли к незнакомому человеку?

— Да, позвал он, но и сам подсказал: «Посмотри билет, не подделан ли?» И не скрылся.

— Ну, скрываться ему некуда. А во-вторых — ваш друг придумал для себя неплохую реабилитацию. Кстати, сколько прошло времени после тиража?

— Почти месяц.

— И вы целый месяц разгуливали с билетом. Что же вам мешало получить автомашину или деньги?

«И с той и с другой стороны заходит, — подумал Вилков, — окружает. И все верно, все к цели...»

В те минуты, когда его палец, спускаясь по цифровой лесенке тиражной таблицы, чуть не проскочил заветную строчку, Вилков и не думал о столь крупном выигрыше. Известная фраза: «Купи би-

лет — выиграешь «Волгу», звучала для него лишь невинной шуткой. И счастливы, которым выпадало такое, казались менее реальными, чем марсиане, о них ходили легенды.

Для грузчика продовольственного магазина Вилкова самым доступным, потому и желанным выигрышем был рубль. В это счастье он верил. И когда толстый палец проехал вниз, он, зацепившись взглядом за серию, все же успел затормозить и вернуть палец на место. «Повезло», — просто и коротко выразил он свою нехитрую радость. Ему нужен был не автомобиль «Волга», не холодильник «Ока», не стиральная машина «Кама». А всего лишь безымянный рубль. И обязательно к приходу Регины, продавщицы винной секции. Два остальных рубля были на подходе. Он не знал, у кого, в чьих руках, но твердо знал, что к одиннадцати утра их принесут.

Вилков мельком взглянул на конец короткой строчки: «Автомобиль «Волга». И подумал без зависти: «Кому-то здорово повезло». А номер «159» ему ничего не сказал. Он знал серию своего билета, ее и сличал. С тем бы и пошел в сберкасса, которая была через дом, но решил сличить еще раз. И когда посмотрел на свой билет и на нем увидел «159» — замер, словно током дернуло. «Может, померещилось?» Он отвел глаза, протер их, вернул на строку и приложил билет. Сошлось. Ошибки нет. Вилкову стало жарко. Он расстегнул куртку и рукой, в которой держал газету, вытер лоб.

Во дворе, где он сидел на ящике из-под калифорнийских лимонов, дожидаясь фургона с мясом, никого не было. Прошла старушка с ярко-зеленой сумкой. Он знал старушку, как-то подносил ей мешок с капустой. Вышел из соседнего подъезда мальчик в клетчатом пиджачке с большим прозрачно-красным паровозом. И его он знал — сынок красивой парикмахерши. Додик покатал паровоз по лужам и скрылся за песочной горкой. С балкона четвертого этажа дома напротив свесилась женщина в желтом халате, потрясла скатертью, махнула ему рукой и скрылась в комнате. Анна, он был у нее дома, чинил проводку. Все это в память вlepилось, а остальное, что было в тот день, утонуло в тумане.

Сначала Вилков крепился, молчал. Механически принимал бело-красные туши и спускал их по скользкому железному желобу в подвал. Ставил ящики со звонкой стеклянной посудой. Носил жестяные коробки с крупой, подкатывал бочки с селедкой. Потом не выдержал, подошел к Регине и рассказал.

Регина не поверила, засмеялась. Тогда он показал ей газету и билет. И она смотрела на него строго и качала головой, будто он поделился не удачей своей, а тяжким горем, и она выражала ему искреннее бабье сочувствие.

— Смотри, Паша, никому не говори об этом. Лучше иди и сдай в сберкасса, пусть переведут на книжку, — сказала она. — И не вздумай выпить на радостях, слышишь. Смотри, парень, не проворонь счастье.

— Не провороню, Региночка, — сказал он весело. — Буду тебя на «Волге» катать.

В тот день он капли в рот не брал, но радостью своей делился с каждым, кого знал, кого встречал. И, странное дело, все ребята, рабочие магазина и продавцы, и примелькавшиеся завсегдатаи вин-

ного закутка — никто не предложил «обмыть» выигрыш. Хлопали по плечу, поздравляли, но советовали идти домой, спрятать билет по-дальше или сразу сдать в сберкасса для сохранности.

Зато на другой день поджидали с раннего утра. Некоторые как на праздник пришли. Побрившись, надев чистые рубашки. И не было человека, кому бы Вилков не «поднес», с кем бы не выпил на радостях.

— Давай, Вилков, в последний разок. Ведь за рулем, Павлуша, не выпьешь.

А вскоре стали давать мудрые советы...

— Я ведь не юрист, товарищ следователь, законов не знаю, я простой рабочий... А тут советчики нашлись, говорят: «Ты что, дурак? Выигрыш получаты! Да за твой билет можно получить две «Волги», а не одну». «Как это так, две «Волги»? — спрашиваю. А они: «Есть такие дельцы, они за двойную цену у тебя купят билет. Им он позарез нужен, понимаешь, для оправдания...» Вы, конечно, знаете, товарищ следователь, для чего это делается...

— Знаю, Вилков.

— Заразили меня этими словами. Днем думаю, ночью, поверьте, спать не могу. Как у пьяного, в глазах «Волга» двоится. Хотя все эти дни в рот капли не брал, а пьяным ходил...

— От счастья, что привалило?

— Совсем нет. Одно беспокойство. Деньги ведь, они как снег. То тают в один момент, а то как снежок: покати — а он все толще, все больше... Знаете, как зимой ребятишки баб лепят...

— Вас-то кто таким вылепил? — сказал следователь. — Простой рабочий, законов не знаю. Да разве рабочий пойдет на такое дело — жуликов прикрывать? Эх, парень... одних жуликов искал, на других напоролся. Дальше рассказывайте.

— Обратился я к Урлину. Он, конечно, в других сферах вращается, может, знает кого...

— А директор магазина?

— Максимов-то?.. Что вы! К нему с этим делом лучше не зайкайся... Ну, вот, Урлин и нашел Варейко, а тот обещал свести с таким человеком, кому билет нужен.

— Вилков правильно показал, — подтвердил Урлин, когда пришла его очередь. — Сам я таких людей не знаю, откуда мне знать, а Варейко с нашего факультета, когда я с ним поделился, сказал, что есть такой человек.

— Сысоев?

— Нет. Он сказал: «Есть у меня один делец на примете — за этот листик двенадцать тысяч выложит». Сысоев поддакивал, а если, говорил он, не выйдет с ним, то сведет с другим верным человеком, тот еще больше уплатит.

— Номер и серию билета Варейко вы сказали?

— Я... Впрочем, он мог из газеты узнать... Он сказал, приводи парня с билетом, ну мы и пришли.

— Кто из них взял билет у Вилкова?

— Варейко взял и передал Сысоеву. А тот сказал, что сначала надо билет сфотографировать, чтобы показывать покупателям. Иначе они не поверят.

— Сфотографировали?

— Да. Сысоев ушел с билетом в каморку, у Варейко есть такая, вроде чулана, там и сфотографировали.

— Я сам видел, как он его фотографировал,— сказал Вилков.

— Разве ты видел? — спросил Урлин.

— А как же! Пока ты разговаривал с Варейко, мы с Сысоевым были в чулане. При мне снимал. Он и билет вернул. Как подменил, я не заметил.

— Пленку проявил? — спросил Урлин.

— При мне не проявлял, может, потом.

Заявление было принято. Но прежде чем дать ход розыску людей, похитивших лотерейный билет с крупным выигрышем, необходимо было все же проверить показания Вилкова и его «ходатая». Вроде бы они не вызывали сомнения, да и Урлин — достаточно толковый парень, должен понимать, во что может обойтись им ложный донос. Но в подобных делах случается всякое, бывают такие повороты, что подчас трудно разобраться, кто есть кто, кто смошенничал, а кого вконец надули, обобрали. Иной сам норовит попасться, ждет приманку, даже ищет ее. А схватит — так ловко обкусает крючок, что и сыт, и губа цела. Если же зацепится и не сорвется, и леску не оборвет, и удилище не сломает, тогда уж, попавшись, покруптившись, обернется жертвой со всеми ее правами. Находятся такие мошенники, что и следствие готовы использовать.

Но нельзя было медлить с розыском Варейко и Сысоева. Лотерейный билет — не автомобиль. Его гораздо легче спрятать. Сами не пойдут выигрыш получать, а загнать могут.

Вилков на самом деле показывал билет многим, и они подтвердили, что видели билет. Хранил он его не дома, а у знакомой женщины. И она подтвердила. Но потом только ее показания остались.

Они сидели в маленьком уютном кафе за столиком в углу, потягивали пиво, слушали музыку. Когда «Меломан» замолкал и диск сбрасывал пластинку, один из них всякий раз вставал, приглаживая рыжеватые волосы и одергивая синюю нейлоновую стеганку, будто она налезала ему на шею, и отправлялся к музыкальному автомату.

Выбрав пластинку, он бросал в щель монету, нажимал кнопку и возвращался вразвалочку под музыку к соседу по столику, белокурому мужчине примерно одного с ним возраста, лет двадцати пяти, в желтой замшевой куртке поверх синего свитера.

Народу в кафе прибавилось, стало более шумно и дымно, и рыжего парня уже кое-кто подменял из любителей музыки.

В десять часов вечера в кафе вошли еще двое мужчин. Они направились прямо к стойке, взяли сигареты и, расплатившись, подошли к тем, что сидели в углу. Присели на свободные стулья.

— Здесь занято,— сказал грубовато мужчина в замшевой куртке.— В зале есть свободные места, а мы ждем знакомых...

— Думаю, что вы ждали нас,— пошутил один из присевших и, предупреждая ненужные осложнения, показал удостоверение сотрудника уголовного розыска.— Вот и приехали.

— С приездом,— сказал небрежно мужчина в замше, сохраняя спокойствие.

— Что это значит,— возмутился рыжий.— Тут что-то не то.

— Не прикидывайтесь, Бугров,— сказал второй сотрудник. Услышав имя, мужчина в замше вздрогнул.— Не суетитесь. Ну, так пошли, молодые люди, а то мы и так припозднились. Пока добрались до вас, все Куравлево обегали.

Когда их привели в горотдел и рассадили по разным кабинетам, Варейко сразу перешел в наступление.

— Прежде всего я заявляю, что человека, с которым вы меня незаконно задержали, я увидел сегодня впервые, в кафе, а до этого с ним знаком не был, имя его мне ничего не говорит. Прошу это записать... Во-вторых, прошу объяснить, за что я задержан, в чем меня обвиняют.

— Прежде всего,— ответил в тон ему инспектор уголовного розыска,— Бугров — ваш давний знакомый. Как вам известно, он был судим за грабежи и отбывал наказание вместе с вами в одной колонии, где вы, Варейко, сидели за кражу, подделку документов и хранение огнестрельного оружия. Я не ошибся?.. Еще будут вопросы?

— Вы не ошиблись,— сказал Варейко довольно спокойно. Он не был обескуражен ответом инспектора. Его только удивляло, как скоро работники милиции установили эти факты и как быстро нашли их самих.— А вопросы будут... Сколько можно охотиться за людьми, которые когда-то по молодости лет в чем-то провинились, но честно отбыли свой срок и теперь желают только одного, чтобы их оставили в покое? Знали бы вы, что мне пришлось испытать, пока я не наладил свою жизнь, не поступил в институт.

И так как инспектор молчал, Варейко счел нужным продолжить:

— Спрашивается, хорош бы я был, если бы отпихнул человека, у которого нет крова и работы?..

— Да, он без определенных занятий и места жительства.

— Вот именно, это на вашем милицейском языке. А по мне — Бугров глубоко несчастный человек. Но он спал со мной рядом на нарах, вместе отрабатывал норму и делился последней пайкой. И теперь, когда я устроен, когда у меня есть все — семья, дом, любимая учеба, я должен его оттолкнуть?

— Но вы же сами от него отказывались...

— Для его же пользы. Откуда мне знать, что вы ему вяжете.

— Не прикидывайтесь, Варейко. Вы прекрасно знаете, в связи с чем вас задержали.

— Нет. Ведь вы не ответили на мой второй вопрос.

— Я отвечу, Варейко, но вы лишитесь последней возможности самому рассказать правду, нечто похожее на повинную.

— На повинную?! Не делайте из меня идиота, инспектор. Не забывайте, что и мне пришлось в свое время черпануть из юридической науки.

— Расскажите, каким образом вы вместе с Бугровым, называвшим себя Сысоевым, подделали билет денежно-вещевой лотереи и об-

манным путем вручили его гражданину Вилкову взамен подлинного билета, на который выпал выигрыш — автомобиль «Волга»? Вам ясен вопрос?

— Я не знаю, как зовут того типа, которого привел ко мне домой мой сокурсник Урлин, но если он Вилков, то этот вопрос вам лучше задать ему. Этот Вилков, к вашему сведению, пришел затем, чтобы мы, то есть я и Урлин, подыскали ему клиента на покупку билета, по которому якобы выпал выигрыш «Волги», причем за двойную цену. Я сразу понял, что здесь пахнет аферой. Не знаю, рассказывал он вам или нет, но мы сфотографировали его билет.

— Кто фотографировал?

— Бугров. Но это не имеет значения. Он фотографировал моим аппаратом.

— Почему он назвался Сысоевым?

— А это важно?

— Где фотопленка?

— Дай бог, чтобы она была цела. С этого надо было начинать... Пленка у моей жены, здесь, в Куравлеве. Поезжайте и заберите. Только осторожнее, не засветите, она еще не проявлена.

...Дверь открыла молодая миловидная женщина.

— Гражданка Варейко?

— Да, я.

— Мы из милиции. Ваш муж сказал, что вы храните фотопленку, которую он передал вам сегодня. Это верно?

— Да, пленка у меня. А в чем дело? — взволнованно спросила женщина. — И что с мужем, где он?

— Ваш муж пока у нас, а пленка очень нужна следствию.

— Нужна следствию? Я могу отдать ее вам.

— Пожалуйста.

Варейко взяла с буфета черный блестящий цилиндр и отдала инспектору.

— Спасибо, — сказал тот. — Сейчас оформим это протоколом добровольной выдачи...

— Вот полюбуйте, — сказал эксперт и положил перед следователем Раевым отпечатки с пленки, выданной женой Варейко.

Раев увидел, что на снимках изображен билет, предъявленный следствию Вилковым. На увеличенных фотографиях хорошо проглядывалась подделка.

— Других снимков нет?

— Нет, только эти. Остальные кадры неотснятые.

— Здорово придумано, — сказал следователь.

— А может, не придумано? — сказал эксперт.

Раев вызвал Бугрова.

— Я снимал тот билет, который мне дали, — ответил Бугров, позевывая. Он проспал всю дорогу в машине, но все равно не выспался, сидел взъерошенный, недовольный. — Других билетов я в руки не брал. И этот не разглядывал. Просили снять, я и снял.

Потом настала очередь Варейко возмущаться.

— Благодарю бога, что я догадался «фотографировать проклятый билет. Мог ли я подумать, что мой сокурсник приведет ко мне в дом мошенника! Негодяй, как вы сами убедились, моими руками пытался продать подделанный билет, да еще втридорога.

— Значит, вы дали согласие на продажу билета?

— Никакого согласия я не давал. Но если быть откровенным до конца, я не отказал в просьбе. Конечно, если бы встретился подходящий покупатель. Криминального ничего не вижу, а если бы кое-что перепало от этой сделки, то вы же сами знаете материальное положение студента... Надеюсь, теперь вы сами убедились, кто кого обманывал... Я не протестую, что более двенадцати часов нахожусь в обществе работников милиции, что я всю ночь не спал... Зато бесплатно прокатали. Хотя я предпочел бы остаться у жены, успокоить ее. Но сейчас нам, право, пора распрощаться.

— Но прежде вы дадите объяснения по поводу некоторых интересных предметов, изъятых у вас на здешней квартире.

— Изъятых? У меня произвели обыск?

— Да, с санкции прокурора,— ответил следователь.— А вот что мы нашли у вас.

Он выдвинул ящик стола и вытащил несколько пакетов. Из одного вытряхнул на стол обрезки лотерейных билетов. Из другого — обломки бритвенных лезвий. В невысокой коробочке стоял пластмассовый початый пузырек с клеем.

— Все это находилось в вашем мусорном ящике,— пояснил следователь.

Варейко был обескуражен. Он ответил, не скрывая смущения:

— А правда, что можно сказать, когда такие доказательства находят у тебя в доме?.. Мне остается лишь одобрить вашу оперативность, капитан... Но,— и тут он приободрился,— рук не подниму... Разве я должен отвечать за то, что находят у меня в мое отсутствие?

— При обыске были понятые и работник жэка,— сказал следователь.— Или вы думаете?..

— Нет, нет, боже упаси! — вскричал Варейко, отталкивая руками воздух.— Я подумал совсем о другом... Когда Урлин приходил с этим Вилковым, тогда ведь не было представителей власти и понятых. Так кто же подбросил мне эти обрезки и обломки? Себе вы этот вопрос не задавали, капитан?

— Но если у Вилкова был настоящий билет, зачем же все это устраивать?! — не выдержал следователь.

— Зачем?.. Но он же хотел два выигрыша. Ему одной «Волги» оказалось мало, или он вам не признался в этом? Или не так?! И вот, имея как основу настоящий билет, прикрываясь им, он мог не один, а два, три, десяток билетов сфабриковать! Показал целый, а всучил липовый, а ведь не всякий пойдет заявлять. Раз купил за двойную или хотя бы полуторную цену. Ведь спросят, черт возьми, на какие деньги, какими махинациями добыты. Дельцы, товарищ капитан, надо отдать им должное, когда горят, то стойко и молча. Это те же воры, только масштабом крупнее, в таких случаях они не идут за помощью к правосудию. У них свой правож.

— Но ведь Вилков сам заявил,— следователь уже не опровергал доводы подозреваемого, а, словно приняв его версию, через спор с ним хотел убедиться в ее основательности.

— Я же его не знаю, товарищ капитан,— сказал Варейко.— На вид, верно, лопух. Билет пропал — куда деваться, жалко, побежал заявлять... Хотя в душу не влезешь... — Он замолчал. Будто сдерживал себя. Но решил: — Урлин!..

— Что — Урлин?

— Его рук дело. Больше ничего не скажу...

Капитан вызвал Урлина.

— Какой билет фотографировался?

— Конечно, тот, что был у Вилкова. Я сам видел.

— Посмотрите на фотоснимки. Они отпечатаны с пленки, изъятой у Варейко.

Урлин взял. В его глазах была растерянность.

— Как передавался билет? Меня интересует очередность.

— Вилков отдал его Варейко, а тот передал Сысоеву.

— Нет, вы не совсем точны, — возразил следователь. — Сначала билет Вилков передал вам, а вы в свою очередь Варейко. Так они оба показали.

— Какая разница?

— Если бы билет не подменили, это бы не имело значения. Следствию важно узнать, на какой стадии это произошло.

— Вот как! — вспыхнул Урлин. — Уж не подозреваете ли вы меня?

— А почему мне не подозревать вас? — сказал следователь. И спросил: — Вы знали о том, что Варейко был судим?

— Я... знал.

«Даже если ты не виноват, эта встряска пойдет тебе на пользу, — подумал Раев, взирая на смущенного, трусившего студента. — Интересно, почему он выбрал такую благородную профессию? И влез в такую грязь. В чем вообще люди видят свое призвание, когда выбирают работу? Наверно, не попал в один вуз, подался в другой... С такой психологией что он подскажет тем молодым, которые обратятся к нему с волнующими их вопросами за помощью, чему научит? Да разве учат, наставляют, воспитывают лишь юных? Вот, к примеру, обратился к нему Вилков...»

Но еще темнее был для Раева Варейко. «Зачем ему диплом учителя?» — думал он. Раеву даже страшно стало, когда он представил, как такой человек входит в светлый класс, встает перед детьми, которые чистыми, как их сознание, распахнутыми настежь глазами будут смотреть на него и ждать святого слова учителя. Неважно, какой предмет ведет учитель. Он — Учитель, и любое его слово свято, истина. Так понимал Раев призвание педагога.

Шел второй день следствия, и казалось, сделано немало: все участники дела в сборе, есть вещественные доказательства. Но где ясность?

Раздался телефонный звонок. Раев снял трубку. То, что ему сообщили, внесло в дело еще большую путаницу. Звонил сотрудник республиканского отдела БХСС. Он предупредил Раева, что потерпевший Вилков еще до похода к Варейко вызывался к ним в отдел, где его строго предупредили оставить затею с продажей билета.

— Не разыграл ли он всю эту историю, чтобы замаскировать спекуляцию? — сказал звонивший сотрудник. — Ты ему не слишком доверяй. Может, он уже продал билет... Во всяком случае, нас он не слушал.

Раев поблагодарил коллегу и положил трубку.

«Так кто же подменил билет? Сам Вилков? Урлин? Варейко с

Бугровым? Или за кем-то из них скрывается пятый, которому поручено хранить билет и анонимно представить следствию, если соучастнику станет худо? Решил: «Ключ к разгадке — обрезки билетов». И первым вызвал Вилкова.

— Купил один, случайно, вместо сдачи дали, когда за квартиру платил. Я еще брать не хотел, кассирша уговорила, — ответил Вилков.

— У меня билетов не было, — сказал Урлин...

— Не покупал, — ответил Варейко...

— Не имел, — Бугров...

Раев продолжал искать. Беседовал с их товарищами по работе, учебе, соседями. Снова встретился со знакомой Вилкова, спросил Регину.

На допросе еще один свидетель — Яновский.

— Да, у меня были билеты, — ответил свидетель. — Погодите... Сейчас посмотрим. У меня ведь были записаны номера.

Свидетель стал листать записную книжку. Раев замер в напряжении.

— Вот запись, — Яновский протянул книжку капитану.

Сколько человек показало, что не имели билетов, сколько не записали номеров, у скольких не совпали записанные... Капитан смотрел и не верил глазам: «33301-047»! Для него это выигрыш, не дешевле «Волги». Конечно, иные скажут: «Подумаешь, открытие». Но не только следователям или сыщикам — ученым, изобретателям, геологам, коллекционерам, просто пытливым людям — знакомы эти острые, волнующие моменты.

— «Волгу» не выиграли? — спросил следователь, сдерживая радость.

— Не выпало счастье, — свидетель засмеялся.

Засмеялся и Раев.

Свидетель не знал, зачем у него спрашивали о никому уже не нужных билетах, пустых бумажках. Но он понимал, что они важны для следствия, а пока оно идет — это тайна.

— У вас эти билеты не сохранились случайно? — спросил следователь.

— Нет... Впрочем, я хотел уже выбросить, но мой сосед попросил, и я, конечно, дал...

— Какой сосед? — будто не знал Раев, о каком соседе идет речь.

— У меня один сосед, Варейко, — сказал Яновский.

«Варейко! Варейко! Варейко!» — повторял, чуть ли не пел про себя Раев.

— Я человек не любопытный, но все же спросил, зачем ему пустые билеты, но Варейко не сказал. Помню, у него тогда находился знакомый Сысоев, так зовут его. Тот сказал, что на память. Я торопился, должен был ехать за город и ни к чему было... Дня через три или четыре приходили к ним еще двое молодых людей, они потом снова приходили, спрашивали Варейко и Сысоева, но те уехали. В тот же день и я уехал. Когда вернулся, жена рассказывала, что у Варейко был обыск, а в связи с чем — не знает.

— С какими новостями, капитан? — спросил Варейко. — Третьи сутки кончаются, а мы все расстаться не можем. Честно говоря, я соскучился по другим занятиям. Впрочем, это дело — отличный пример нарушения законности, о которой сейчас очень много пишут.

Раева не задело его паясничество. Он лишь покачал головой и спросил:

— Варейко, вы случайно не изучали такой предмет — логику?

— Представьте, интересовался и даже изучал.

— Отлично. Значит, мы быстрее пойдем друг друга.

— Что-нибудь интересное, новенькое? — оживился Варейко.

— Есть нечто. Но сначала скажите, какие вещи вы привезли с собой, когда явились к жене в Куравлево.

Варейко пожал плечами, но вещи перечислил точно. Раев слушал очень внимательно и заметил, как он запнулся при описании чемодана: «Не то черный, не то коричневый».

— Вам знаком гражданин Яновский? — неожиданно спросил Раев.

— Да... Он мой сосед, — насторожился Варейко. — Но его нет дома, он в отъезде.

— С какой просьбой вы обращались к нему перед самым его отъездом?

— Он что, вернулся?.. Ни с чем я к нему не обращался.

— Значит, обращался Бугров. С чем же? Впрочем, вы были оба при этом.

— Что вы от меня хотите?

— Хочу убедиться в вашей правдивости.

— Ну и что показал Яновский?

— А что он мог показать? Я вижу, его показания вас волнуют?

— Меня ничто не волнует.

— Глядя на вас, этого не скажешь.

Слова капитана задели его. Варейко выпрямился, скрестил руки на груди и, усмехаясь, произнес:

— Да, я говорил с Яновским о билетах. Кажется, я спрашивал, не выиграл ли он что-нибудь... Он сказал, что пустой номер, и при мне бросил их в помойное ведро... Да, да, припоминаю, при этом был и Бугров... Ах, черт возьми! Все ясно. Их взял Бугров. Так вот для чего он просил у меня ножницы и клей! Все ясно! Но когда он успел?!

— Вот именно, когда он успел?

— Когда я был в магазине, — быстро ответил Варейко. — Ну да, когда я ходил в магазин. Долго ли вырезать восемь цифр и наклеить... Я же ходил в магазин.

— Ходили, ходили, успокойтесь, — сказал следователь, не скрывая презрения. — Но от кого как не от вас Бугров узнал о том, что Вилков выиграл «Волгу» и хочет, чтобы вы нашли покупателя на билет? Что он придет с этим билетом? И его надо было соответствующим образом встретить, то есть с поддельным билетом. А ведь, повторяю, Яновский показал, что именно вы, а не Бугров, попросили у него билеты.

— Мало ли чего старый хрыч покажет, у него склероз, он пу-

тает... Или, может, он скажет, какие были номера брошенных билетов? Да! Пусть скажет. Или он их помнит наизусть? — сказал Варейко и засмеялся нервно. Все лезло из него: наглость, страх, хитрость и даже проблески надежды, когда его изворотливость подбрасывала ему очередную соломинку.

— Зачем ему помнить? Они были записаны, — сказал Раев и показал Варейко страничку из записной книжки Яновского. В глазах Варейко что-то догорало, гасло. — Логично мыслящему человеку нетрудно уяснить, что срок выплаты выигрыша короче срока, который может назначить суд за эту аферу. Не лучше ли его сократить, вернув билет?

Варейко сидел обмякший, смотрел куда-то в сторону, будто не слышал следователя. Но поднял голову и вяло произнес:

— Ищите его сами, капитан... Без меня... Вы найдете... — И все же он ухмыльнулся и сказал: — А мне уж лучше держаться своей версии. Я знаю, вы мне не верите. Вы юрист. Но и я — не профан. Мы оба понимаем, что кроме показаний Яновского других доказательств против меня у вас нету. Моя версия — Бугров.

— Ваш друг, с которым вы лежали рядом на нарах и делили последнюю пайку.

— Да, черт с ним.

Раеву вдруг стало жалко Бугрова-Сысоева, этого рыжего неудачливого парня с перебитым носом. Он никогда не занимался боксом, но в его жизни было столько драк — ни одному боксеру не похвалиться. В какой-то из них ему перебили нос. Он создавал Бугрову известную репутацию, он предупреждал драки, и Бугрова это устраивало. Когда он в темном переулке или на глухой дорожке парка встречал скромную парочку или одинокого мечтателя, ему не приходилось махать ножом или выкрикивать угрозы. Убеждала грозная физиономия, в нормальных обстоятельствах довольно добродушная.

Встретив на своей плохо протоптанной жизненной тропе Варейко, Бугров был сбит с толку и, как изжаждавшийся путник, доверчиво припал к чужому источнику соображения, полностью доверяясь ему. Но пил отраву.

Следователь думал о Бугрове, который отбился от семьи, а новой не завел, который не выбрал себе полезного дела, зато уже имел две фамилии, — если не остановится, то со временем ему сможет позавидовать любой испанский гранд.

Раеву потому было жалко Бугрова, что за всей выросшей на него грязью в этом парне все же проглядывало то наивное, оставшееся от детства, что способно сохранить человека до конца его дней. словно крепкое зернышко в уже подгнившем яблоке, готовое на доброй почве, в благоприятных условиях прорасти и дать плоды. В этом парне не было собственной хитрости, расчетливой корысти, вредности. Все это он занял и за все расплачивался с процентами. Раев понимал, что за таких стоит бороться, не оставляя один на один с собой или еще хуже — с варейками. Бороться, не откладывая, сейчас, на следствии, передавая дальше, в заботливые руки воспитателей взрослых людей. Но ему предстояло разоблачить его до конца в этом преступлении, а значит наказать, опять отбросить от условий нормальной жизни, которую Бугров

так и не узнал, а узнай и приобщись — может, и не бросил бы никогда. Точно, не бросил.

— Думайте, Бугров, думайте,— сказал Раев.— Все против вас. Загибайте пальцы. Вы были последним, кто держал настоящий билет. Это — раз. Вы взяли его фотографировать, а вернули фальшивый. Это — два. Я зачитал вам показания Яновского. Это — три. И, наконец, что показал ваш лучший друг? Вам остается одно — выдать билет.

— Ладно. Во всем виноват я.

— Тогда где билет?

— Где билет, я не знаю.

Бугров снес предательство Варейко. Доверяя его уму, он не очень полагался на его человеческие качества. Таким уж слепцом Бугров не был. Но ответить тем же...

Следователь ждал. Бугров понял, что он все равно вытащит из них всю правду, не увернешься.

— Я только подменил билет...

— А подделал? — спросил Раев.

— Его работа,— тяжело было, но ответил.

«Я должен сам найти билет. Без их подсказки, положить перед ними». Раев считал это делом чести следователя.

Вместе с инспектором уголовного розыска он проверил всю одежду и обувь подозреваемых. Подкладки, воротники, пояса, стельки, подошвы, каблуки. Каждый шов, каждую складку. В одежде билета не оказалось.

«Где же они спрятали его?»

Инспекторы произвели повторный обыск на квартире Варейко. Осмотрели мебель, стены, полы, электропроводку, места общего пользования. Все предметы, все углы, все щели, каждый дециметр площади. Очень мал билет. Его могли скатать в трубочку, закрутить в шарик. Поиск был ювелирным, но безрезультатным.

«Билет был при них. Где? В чем?.. В чемодане... В каком? Коричневом или черном?.. Ага! Варейко подробно описал вещи, но утаил чемодан, с которым явился к жене».

Теперь обыск в Куравлеве. С той же тщательностью.

— С каким чемоданом приехал ваш муж?

Варейко показала на синий. В ее светлых глазах нет удивления, одна тоска. Она не была в курсе его афер. Не посвящал. Но что-то проглядывалось, настораживало.

— Вы открывали его?

— Нет,— ответила Варейко, качнув головой. Ее ответ казался правдивым.

Все, что лежало в чемодане, было осмотрено тщательным образом и отложено в сторону.

Инспектор отпарывает подкладку. Открывает замок. Отгибает наугольники. Нет, нет, нет. Осталась только ручка.

Он снимает ее. Разбирает.

Тоненькая трубочка целлофана.

Разворачивает... Лотерейный билет: серия — 33900, номер — 159. «Волга».

И вот следователь Раев разложил на своем столе все вещественные доказательства по делу. Получилась целая криминалистическая выставка. Главный экспонат — лотерейный билет Вилкова лежал в центре, рядом с поддельным.

Первым ввели Варейко. По взятой им привычке он уже хотел было небрежно развалиться перед следователем на стуле, но, увидев билет, вытянул шею и выкатил глаза. Не ожидал. Правой, задрожавшей рукой стал нащаривать за собой стул, чтобы подвинуть и сесть — вдруг почувствовал большую слабость в ногах. Левой потянулся к билету. Но пальцы застучали по стеклу. Оно надежно прикрывало билеты. Ни схватить, ни порвать.

Взгляд его прошелся по столу, фиксируя останки синего чемодана, разломанную ручку. Сел. Унимая дрожь, сказал:

— Торжествуете.

Раев подумал: «Сказал ли когда-нибудь этот человек хоть одно слово без позерства. Трудно с ним говорить, неприятно».

— Когда торжествует истина, и на нашу долю кое-что приходится,— сказал он просто. И подал Варейко лист бумаги с машинописным текстом и круглой печатью в правом углу.— Ознакомьтесь и распишитесь.

Варейко взял лист рукой, продолжавшей дрожать. Прочитал: «Постановление о заключении под стражу». Побледнел.

— А надо расписываться?

— Надо.

Варейко взял ручку и подписал бумагу.

— Съели меня,— сказал и тяжело вздохнул, подписывая бумагу.— Все рухнуло... Жизнь. Учеба.

— Эта была не та учеба, о которой стоит жалеть,— сказал Раев.— Ни вам, ни другим не пошла бы она впрок. Собственно говоря, для чего вам нужен диплом педагога?

— Для диплома,— грубо ответил Варейко.

— Вот именно. Можно сказать, наука не того юношу питала.

На эти слова Варейко резанул взглядом злым, долгим и острым, как лезвие опасной бритвы.

...Когда билет показали Вилкову, тот посмотрел на него с сомнением, будто не узнавал. Смотрел, как хозяин на надоевшего кота-гуляку, который совсем уж потерялся, но, набегавшись, нагулявшись, вдруг вернулся домой. И его уже не хотят признавать, впускать.

Билет лежал под стеклом, недосягаемый, совсем чужой, и Вилков подумал: чей же он теперь, кому достанется? И поднял глаза на следователя.

Раев понял его немой вопрос, но не хотел отвечать. Тоже молчал, чего-то ждал.

Потирая влажные, чугунные ладони, опущенные между колен, Вилков почувствовал, как его лицо, плечи, все тело заливают жгучая волна стыда,— давно такого не ощущал, отвык. Потому что чуть не спросил, вернут ли ему билет, да осекся. Но когда еще раз посмотрел следователю в глаза, один лишь раз взглянул, а свои, казалось, горели, услышал следователя, который все понял:

— А если вернут тебе билет, Павел?

— Э-эх! — выдохнул тот и смахнул с лица капли пота, а может, другое что.

— Деньгами возьмешь? — спросил следователь.

— Нет, товарищ капитан. Ни за что! Если отдадут, — еще не верил он, да и не в билете было дело, — машину. Пить окончательно завяжу. И, честно, уйду с этой работы. Я ведь по специальности электрослесарь. Вернусь на завод, на котором раньше работал. Честное слово даю.

— Что ж, Вилков, если так решил, значит выигрыш твой все равно будет больше.

... — Нашли?! — вскрикнул Бугров, увидев билет. В голосе было не только удивление, но и невольное уважение, даже восхищение, хотя это доказательство подвело под обвинение и последнюю черту. И без гнева, но с горечью добавил: — Связал меня черт с этими химиками... Ну, что я получил со всего этого марафета? Еще один срок... Гарантия, говорил... Козел проклятый... Гражданин начальник, дайте, пожалуйста, сигаретку, мои все кончились.

Он закурил, затянулся. Выпустил колечко дыма. Следил, как оно медленно расширялось, таяло. Пустил второе, третье. Он словно прощался с какой-то ведомой только ему, никаким следствием не раскрытой туманной мечтой, голубой, как этот дымок.

— Колесико... Колеса. Задавили меня «Волгой», — сказал он.

— На что вы все-таки рассчитывали? — спросил следователь. — Ведь в любой сберкассе, куда бы вы ни предъявили билет, его бы задержали, и плакали для вас денежки. Лопнула бы затея.

— Мы не думали, что Вилков сразу побежит в милицию. Варейко сказал: если заметит подделку, все равно побоится заявить... А потом, мы сами бы не стали получать выигрыш. Сплавил бы билет подходящему покупателю, был такой у Варейко. А тот уж пускай сам со сберкассой воюет. Да и он бы не заявил. Такие не заявляют. Они же сами жулики. — Он вздохнул. — Сгубила нас, гражданин следователь, ваша быстрота.

Но Бугров не верил в удачу и тогда, когда смотрел, как ловкие пальцы Варейко аккуратненько вырезали бритвой зеленые цифирки из лотерейного билета, отданного соседом, слегка касались их кисточкой с клеем, а затем прикладывали к другому билету. Варейко приговаривал: «Это делается вот так». Не верил и после того, как ловко подсунул Вилкову фальшивку, и тот ушел с ней, не подозревая обмана. И потом, когда соучастник держал билет на ладони и напевал: «Ах ты, мой маленький, мой бесценный». И по дороге в Куравлево. И на пороге дома жены Варейко. Дальше его не пустили. И только в кафе, за кружкой пива, под музыку Бугрову вдруг привиделись проблески той райской жизни, которую посулил ему умудренный наставник, оглушив невероятно крупной добычей, идущей, по его словам, прямо к ним в руки. Но мечты были оборваны милицией.

Он стряхнул горькие мысли, как пепел с сигареты, потому что не умел не только долго грустить, но и вообще долго думать, и сказал залихватским тоном:

— Гражданин начальник, а нельзя пустить меня по делу потерпевшим... от автонаезда?

**ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ
«ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН» В 1977 ГОДУ**

Редакционная коллегия журнала, обсудив итоги работы за год, отметила среди опубликованных материалов как лучшие:

- Б. Петелин**, кандидат юридических наук. Психология правонарушения (№ 2)
- Т. Федосеева**. Дело о Сашиной беде. Судебный очерк (№ 2)
- С. Хализов**. Иллюстрации к рассказу «Извещение в газете» (№ 3)
- В. Франюк**. Ленкин «колхоз» (№ 5)
- Борис Антонов**. Дело Штерна и кампания клеветы (№ 6)
- Эрнст Сафонов**. Щепки из-под топора (№ 6)
- Вл. Лешев**. Хозяева поля (№ 7)
- С. Алексеев**, профессор, доктор юридических наук. О праве и о правосудии (№ 8)
- В. Пронин**. «Своим бесстрашием увлекал товарищей...». Очерк (№ 11)
- А. Агзамходжаев**, профессор, член-корреспондент АН Узбекской ССР,
И. Стерник, профессор, доктор юридических наук. Чего не знал и в чем убедился буржуазный профессор (№ 12)

К итогам всесоюзного конкурса

Министерство внутренних дел СССР, Союз писателей СССР и Госкомиздат СССР подвели итоги всесоюзного литературного конкурса, посвященного 60-летию Советской милиции. В конкурсе приняли участие более двухсот пятидесяти писателей, журналистов, сотрудников органов внутренних дел, представивших на рассмотрение жюри романы, повести, пьесы, сценарии, сборники рассказов, поэмы, стихи.

Среди победителей конкурса — постоянные авторы журнала «Человек и закон». Вторых премий удостоены писатели **СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ** (за сборник повестей «Наводнение»), **ЮЛИАН СЕМЕНОВ** (за роман «Горение»), полковник милиции **ВЛАДИМИР ЧВАНОВ** (за сборник рассказов «Сенсаций не будет»). Почетную премию получил полковник милиции **ВЛАДИМИР ВИНОГРАДОВ** за рассказ «Два допроса». Сотрудник редакции журнала «Человек и закон» **ВИКТОР ПРОНИН** удостоен Почетного диплома за повесть «Тайфун».

Редакция журнала горячо поздравляет лауреатов конкурса и желает им новых творческих успехов.

САМОАМНИСТИЯ

ЗАПИСКИ АДВОКАТА

Шебалдин рассказывал, а я слушал и думал: как хорошо жалуется человек! Не подумайте, будто я иронизирую: дескать, пришел в консультацию некий тертый, в семи щелоках мятый сутяга, хватко подбирает каждую мелочишку, подгоняет одну к другой — и гляди, как прочно жалоба выстроилась. Нет, Шебалдин действительно жаловался по хорошему — не хулил обидчика, не брал под сомнение чистоту его намерений. Напротив, он даже считал его человеком достойным, но, как бы это сказать... оказавшимся в плену ходячих представлений.

Умение быть справедливым к обидчику — качество немаловажное. И это располагало к Шебалдину. Впрочем, не только это. Я ведь до нашей встречи никогда раньше не видел Шебалдина, ничего о нем не знал, но уже через несколько минут он так расположил меня к себе, что не осталось в маленьком кабинете ни адвоката, ни его клиента — беседовали два давних знакомца. И не понять было, кто к кому пришел — он ко мне или я к нему.

Рассказывал Алексей Григорьевич с той доверительностью, которая лучше всего показывает, до чего высоко он ценит своего собеседника — тому ничего не нужно разъяснять, он все поймет с полуслова. И только позже начинаешь понимать, что при такой манере рассказывать можно легко опустить все, о чем говорить не хочется.

...Алексей Григорьевич работает на заводе с того времени, как окончил институт. И вот уже четыре года свой возок старшего инженера-технолога тащит исправно. Заводскую газету он мог раскрывать спокойно — оды ему не воспоют, но и стегать не станут, тоже не за что. Ну, а личная жизнь человека, как ему думалось, не материал для многотиражки.

Но вдруг, привычно развернув однажды газету, он глазам своим не поверил. Одна заметка имела такой подзаголовок: «Открытое письмо А. Г. Шебалдину». Автор за псевдонимом не скрывался, хотя, наверное, ему было нелегко писать. Как-никак вместе в институте учились, вместе на завод поступили, дружбой связаны. Нелегко, а вот написал. Критически написал.

И, слегка подтрунивая над своим обидчиком, но вместе с тем оправдывая его, Шебалдин говорит:

— Очевидно, в каждом человеке застревает какая-то частица не то Толстого, не то Золя, и время от времени ему просто необходимо дать знать своим ближним: «Не могу молчать! Обвиняю!»

Коль в газете появилось «Открытое письмо», то это можно рассматривать и как приглашение к ответу.

На личные выпады, вероятнее всего, он, Алексей Григорьевич,

и не стал бы отвечать. Но в «Письме» предъявлялись не только к нему, мягко пояснял свои мотивы Шебалдин, но и к любому человеку такие высокие требования, что они, если глубже копнуть, выглядят, пожалуй, жестокими и аморальными. Да, да, он не хочет быть резким, но другого слова не подберешь — аморальными. Тем не менее, когда он принес в редакцию свой ответ, напечатать его отказались. Однако Алексей Григорьевич знает, что суд может обязать редакцию напечатать опровержение.

— Если оно верно, — заметил я.

— Конечно, — немедленно согласился Шебалдин. — Для обращения в суд мне и нужна ваша помощь.

— Газета у вас с собой?

— Может быть, вы сначала прочтете мой ответ? Вероятно, так вам будет удобнее, — предложил Шебалдин.

Было похоже, что он искренне хочет облегчить мне работу, а вовсе не пытается ослабить впечатление, которое могло произвести «Письмо».

— Все же начнем с газеты.

Я прочел «Письмо». Нет, не может быть, чтобы все это было правдой. Допустить такое — значило оскорбить Алексея Григорьевича. В то же время он ни разу не сказал, что в газете извращены факты. Создавалось впечатление, что он спорит только с выводами, оценками. Поэтому я с нейтральной осторожностью произнес:

— Мне нужно знать, какие факты в «Письме» перевраны.

— «Перевраны»? — удивился Шебалдин. — Факты изложены верно. Но разве в этом суть? Важно объяснение. К примеру, один человек ударил другого. При одних обстоятельствах — это хулиганство, при других — необходимость, а то и подвиг. Если позволите, я хотел бы рассказать, как все произошло.

В той же манере, что и прежде, он начал издали, с того, как познакомился с Ксенией. Это произошло месяцев шесть-семь назад. Влюбился мгновенно, хотя ему это не свойственно. Она молода, но не девчонка, двадцать три года, хороша собой, умна, насмешлива. Работает переводчицей. Была в Ксении одна особенность, которая и злила его, и умиляла, — умение выдумывать в людях хорошее. Конечно, в тех, кто ей хоть чем-нибудь нравился. Она и его. Шебалдина, выдумала, да еще как! А вот разубедить ее у него духа не хватило: он ведь к тому времени полюбил ее. И, заметив в моих глазах недоумение (я ведь уже прочитал «Письмо»), подтвердил: да, да — полюбил. Только не нужно, ради бога, придавать этому особое значение. Полюбил, сделал предложение и, когда Ксения согласилась стать его женой, был счастлив.

Они отправились в свое первое путешествие. Но недалеко от Старой Руссы их «Москвич» столкнулся с рефрижератором. От «Москвича» мало что осталось, да и черт с ним. Он, Шебалдин, отделался пустяками. А у Ксении — тяжкое повреждение позвоночника, вызвавшее паралич обеих ног. И это необратимо.

Произошло несчастье. Он ничего не чувствовал кроме мучительного, совершенно непереносимого страха за Ксению. А когда врачи сказали: «Будет жить», — заплакал. Сможет ли Ксения ходить — какое это имело значение по сравнению с самым главным для него: будет жить!

Шебалдин просит верить, что говорит совершенно искренне. За все это время ни разу, ни на секунду он не почувствовал радости оттого, что остался невредимым.

— А вас это удивляет? — не сдержался я.

— Меня — нет, а вас должно удивить, — сохраняя дружеский тон, ответил Шебалдин. — Помните, в «Смерти Ивана Ильича»? Смерть, даже смерть близкого человека, у всех, кто узнал о ней, всегда, именно так и сказано у Толстого, всегда вызывает радость, что умер другой, а не он.

— Помнится, у Толстого говорится о смерти знакомого, а разве Ксения для вас...

Нет, спохватился Шебалдин, он не переставал чувствовать Ксению самым близким человеком. Катастрофа ничего не изменила в его отношении к жене. Ему не в чем себя упрекнуть. Он неудачно сослался на Толстого, хотел только, чтобы понятнее было, насколько дорога ему была Ксения и насколько все его чувства принадлежали только ей. Когда он привез ее домой, она уже знала, что паралич неизлечим. Но это не сломило Ксению. Нет, в самом деле, твердость духа и сила воли у Ксении были необычайны. Ни она, ни он не заговаривали о будущем, хотя Шебалдин не раз замечал — у нее такое было лицо, будто она ждала, что ее сейчас ударят. Да, Ксения не была уверена, выдержит ли он. Готов ли он на всю жизнь остаться с искалеченной. И если даже она, при ее способности видеть в человеке только хорошее, смогла усомниться в Шебалдине, то он просто не имел права не спросить себя: выдержит ли он? И ответил себе: нет, не выдержит.

— Судя по «Письму», вы не только себе, но и вашей жене сказали об этом. Сказали, когда не прошло и двух месяцев после несчастья. Это верно?

— Очевидно, вы считаете, что я поторопился? — спросил Шебалдин. Спросил без всякой обиды, как бы лишь желая понять собеседника.

— Вот отрывок из «Письма» к вам... «Вы, Алексей Григорьевич, не могли не понимать, что первое время после катастрофы — самое трудное, самое мучительное. Откуда ей взять силы и желание жить, если не верить в вашу любовь? В вашей любви была единственная ее опора в жизни. А вы, зная это...»

— Я хорошо помню «Письмо», — Шебалдин не то что прервал меня, он просто избавлял от напрасного труда напоминать ему то, что он и без того помнит. — Мое решение уйти от Ксении в любом случае причинило бы ей боль. И неизвестно, когда боль была бы острее. Меня же упрекают в том, что я слишком рано решил уйти. Уйди я от нее, скажем, через три года, меня в другом «Открытом письме» могли бы заклеить с таким же основанием. «Три года изо дня в день ты, Шебалдин, такой-этакий, вселял и укреплял в Ксении веру, что будешь всегда с ней, а потом нанес предательский удар, так как заранее знал, что все равно уйдешь. Ты предал ее...» Видите: и в том-и в другом случае концовка письма одна — предал. Словом, когда ни уйдешь, все плохо для Ксении.

Шебалдин даже не оправдывался, он просто не чувствовал себя виноватым, он исправлял ошибки в чужих рассуждениях. Только и всего. Это и побудило его объяснить мне свое поведение.

Конечно, рассуждал Шебалдин, для Ксении лучше всего было бы, если бы он навсегда остался с ней. Но при одном необходимом условии: чтобы и ему, Шебалдину, это было не в тягость, чтобы для него жизнь с Ксенией не была ношей, подламываясь под которой он не решается сбросить ее. А ведь, как только Ксения почувствовала бы, что он «выплачивает» некий нравственный долг, она бы неслышанно оскорбилась и сама настояла бы на разрыве. Шебалдин думает, что и автор «Письма» это понимает. Суть «Открытого письма», мол, видна достаточно ясно: не смей уходить! Ни сегодня, ни через год, ни через двадцать! Жизнь обязан посвятить Ксении. Всю жизнь! И вот это требование «Письма» Шебалдин не может оставить без ответа. Потому что считает его безнравственным. Шебалдин повторил: без-нравст-вен-ным!

Я передаю рассказ Шебалдина и невольно ловлю себя на том, что вношу в его объяснения несколько бóльшую взволнованность, чем это свойственно его манере говорить. Шебалдин не спорил, даже не пытался убедить, он лишь «помогал» мне полнее уяснить суть дела.

Слушая его, понимаешь, что никакую иную точку зрения, кроме собственной, он принять просто не в состоянии. Это даже не назовешь самоуверенностью. Самоуверенный, натолкнувшись на энергичный отпор, заметно сникает. А Шебалдина не смутит осуждением. Осуждают — значит, не доросли, не дотянулись до того, чтобы постичь его.

Заметив мое несогласие, стал детальнее объяснять, почему считает «Письмо» безнравственным. Теперь у него заметно изменилась и манера говорить. Речь стала витиеватой, цветистой.

— Человеку ходули противопоказаны, — вразумлял он меня. — Каждый должен оставаться самим собой. И я на свой счет не обманываюсь, до подвига мне не дотянуться. Говорю открыто — боюсь! Боюсь, что у меня треснет хребет под непосильным грузом. А в «Письме», хотя и не впрямую, но сказано: обязан остаться с Ксенией. Но мне двадцать восемь лет! Остаться навсегда — подвиг. А подвиг не может длиться всю жизнь.

— Об этом вы и написали в газету?

— Прочтите, пожалуйста! — Шебалдин протянул «Ответ на открытое письмо».

Смысл его полностью совпадал с тем, что я услышал от Шебалдина. От всего этого становилось не по себе.

— Я не буду вести вашего дела, — сказал я, прочитав листки «Ответа».

— Почему? — Шебалдин был искренне удивлен.

— По многим причинам. Но достаточно и той, что я вам назову: обращаться в суд бесполезно. Дело в том, что статья седьмая Гражданского кодекса РСФСР дает право просить суд о защите чести и достоинства в тех случаях, когда в распространяемых сведениях содержатся факты, не соответствующие действительности. Факты, как вы сами признаете, в «Открытом письме» изложены верно. Речь лишь идет об их оценке. Но спор об оценках — не предмет судебного разбирательства.

— Простите, дело в том, что в «Письме» задеты моя честь, достоинство. Если вы не хотите вести моего дела, то хоть научите,

как должно быть написано заявление в суд. На это я могу рассчитывать?

— Хотите знать, что вам даст обращение в суд? — И я постарался обрисовать ему все максимально возможные варианты.

— Допустим, суд примет ваше заявление. Вероятнее всего, рассматривать дело будут на выездной сессии, на вашем заводе.

— Разве такие дела разбираются на выездной сессии?

— Не обязательно. Но ваше дело не совсем обычное. И суд, возможно, сочтет полезным, чтобы за разрешением вашего спора с редакцией следило как можно больше работников завода.

— Выездная сессия?! Это просто замечательно! «Письмо» прочли все, пусть услышат и возражения!

Шебалдин не притворялся. Мысль о выездной сессии не только не встревожила его, а даже обрадовала.

Поначалу мне это показалось необъяснимым. Шебалдин достаточно смышлен, чтобы сообразить: суд ему ничего хорошего не сулит. В «Открытом письме» ему сдержанно, намного мягче, чем он заслуживает, сказали: «Стыдно!» Шебалдину бы сжаться, затихнуть и поостеречься первым протягивать кому-либо руку — не ровен час, она может так и повиснуть в воздухе, а он — в амбицию! Вздумал требовать, чтобы никто не посмел и помыслить о нем без должного почтения...

Да, он оказался из той породы людей, которых иначе, как душевно толстокожими, не назовешь. Они не способны ни правильно оценивать свои поступки, ни воспринимать критику со стороны. Они по сути своей демагоги и из всех форм гуманности признают только ту, которая применима к ним. И во всех случаях неприглядного поведения ищут себе внешне вполне благопристойное оправдание. Да они и не способны взглянуть на дело глубже, принципиальнее.

Что тут делать? Высказать ему все, что думаю о нем? Но по какому праву? Он пришел ко мне за помощью, я могу только отказать ему в ней, если нет для нее законных оснований! Но оставить его в сознании незыблемой своей безупречности я не мог.

— В суде вы будете говорить первым, — начал я. — Допускаю, что все, о чем вы рассказали мне и написали в своем «Ответе», вы повторите в суде. Так?

Он кивнул.

— Но после вас слово будет предоставлено редактору, а вероятнее всего, и прокурору. В подобных случаях он вправе, как говорят юристы, вступить в дело. И тогда они...

— Все, что можно сказать против меня, уже сказано.

— Ошибаетесь. Вам скажут много такого, чего вы бы не хотели услышать. Они сумеют, несмотря ни на что, доказать что — совестливо, что — бессовестно.

— Ого! Вам не кажется, что вы уже начали говорить вместо них? — спросил Шебалдин. Без обиды, без гнева, только ради того, чтобы поддеть меня.

— Вам следует знать, что ждет вас в суде. Но если вам неприятно...

— Нисколько. Прошу вас, продолжайте!

— Хорошо. Вам скажут: удивительно, Алексей Григорьевич, до чего же глубоко засела в вас уверенность, что словом можно обе-

лить любое зло. Надобно только подыскать подходящее. С женой случилось несчастье, а муж, не мешкая, стал раздумывать и подсчитывать, что ему сподручнее, к чему его больше тянет: заботиться о жене или дать дёру? Потрясает одно то, что такая мысль могла прийти в голову. А вы свои «раздумья» едва ли не за доблесть выдаете. Вот вы спросили у себя, выдержите ли, и тут же ответили: «Нет, не выдержу», и так торопились с этим ответом, что не удосужились спросить себя, а выдержит ли она, ваша жена? Вы считаете, что ее и спрашивать незачем. Писали ведь вы в своем «Ответе», что «незачем преувеличивать: авария на дороге, конечно, беда, но не катастрофа. Ксения — творческий, яркий человек, у нее по-прежнему светлая голова, она полностью сохранила возможность вести свою любимую работу, быть полезной людям — разве этого мало?» Легка вам, Алексей Григорьевич, чужая ноша! И все же вы правы: паралич ног, — конечно, несчастье, оно может и не стать крахом. Но если несчастье сгустилось до трагедии, да такой, которая способна расплющить вашу жену, то в этом виноваты вы, и только вы!

— Слушаешь вас, — бегло улыбнулся Шебалдин, — и диву даешься: выходит, что я — только придаток к Ксении, а сам на личную жизнь права не имею, все мои чувства и переживания нужно растоптать, иначе беда для Ксении вырастет в трагедию. — Шебалдин не был ни взволнован, ни оскорблен. Он, как и раньше, вносил коррективы в чужие логические конструкции, хотя и имеющие к нему касательство, но в общем-то для него безразличные.

— Знаете, что вам ответят? Никто не отрицает, что несчастье, постигшее вашу жену, принесло тяготы и вам. И немалые. Но, Алексей Григорьевич, книжки вы почитываете, классиков наизусть цитируете, жалобы, даже если они человеческой болью вызваны, не жалобами называете, а нытьем, но зато свое положение изображаете как трагическое... Не кажется ли вам это просто непристойным. Пожалуйста, не обижайтесь, но, говоря о вас, может быть, даже кощунственно вспоминать о том, как тысячи и тысячи жен с радостью, любовью, заботой встречали и принимали своих мужей — солдат, изувеченных на войне. И никто из этих женщин не считал, что совершает подвиг. Как, вероятно, не считала бы подвигом ваша жена то, что она остается с вами, если бы трагедия произошла с вами. А поступи она, как вы, можно не сомневаться, что Шебалдин Алексей Григорьевич нашел бы слова...

— Прикажете к ней вернуться? — спросил, прервав меня, Шебалдин, не столько уязвленный, сколько желающий уязвить.

— Да нет. Она вас не примет. И не только потому, что не потерпит благотворительности.

— Потому что раскусила меня? Увидела, что в герои я не гожусь? Так, что ли? А я ведь и вправду в герои не гожусь. Какой-нибудь другой человек, произойди с его женой несчастье, стал бы любить ее преданнее и горячее. Слава ему! А я так не могу. И не хочу. А вымазать дегтем того, кто «виноват» только в том, что у него не хватает сил быть выше себя самого... Простите! В гуманности нуждаются все.

Шебалдину изменила выдержка, он заговорил раздраженно. Но сознание своей правоты не оставляло его. Ему и в голову не при-

ходило, что на суде он мог услышать примерно такой ответ: «Ишь на какую «принципиальную» высоту вознес вопрос. Дескать, в «Письме» не вас задела, а на самую гуманность замахнулись. И ради нее, дескать, вы взяли на себя труд прийти в суд.

— Нельзя, конечно, от каждого требовать, чтобы он был героем, но можно и должно требовать, чтобы он не был дезертиром. Улавливаете разницу? А вы предлагаете нехитрый способ оправдания для дезертира — дадим каждому право на самоамнистию! Пусть, мол, каждый остается самим собой! Мало того, вы требуете, чтобы все признали за вами это право на самоамнистию, да еще и уважали вас, поскольку вы самим собой остались.

— Можете не продолжать,— сказал Шебалдин.— В суд я подавать не стану. Действительно, бесцельно. Вы, кажется, правы: спор о нравственных оценках — не предмет для судебного разбирательства.

«Все-таки проняло!» — подумал я.

И тут же убедился, насколько ошибся. Шебалдин, поблескивая глазами, продолжал:

— Не правда ли, незачем носить маску, если она ничего не скрывает. Мы оба понимаем, что вы высказали собственные мысли, вежливости ради приписывая их вымышленным моим противникам. Могу я вас спросить, ради чего вы так старались? Ведь будь ваше негодование искренним, вы не стали бы меня удерживать от обращения в суд. Наоборот, были бы рады, что пойду и услышу, по-вашему, заслуженное. А вы что сделали? Приложили все усилия, чтобы избавить меня от публичного поношения. Зачем такая забота обо мне? Хотя... можете не отвечать. В глубине души вы сочувствуете мне, понимаете, что осуждать меня не за что, а вслух сказать об этом не решаетесь.

Нет, Шебалдин не издевался, его уверенность в собственной правоте несколько не поколебалась. Он не хотел оскорбить меня или поставить на место, он даже оказывал мне честь, принимая в свои единомышленники. Но в одном он был прав: я действительно избавил его от возможного разоблачения в суде. Промолчать о вероятных результатах обращения в суд я не имел права.

И все же... Все, что я сказал ему с глазу на глаз, он небрежно стряхнул с себя, оно не оставило и следа. А вот услышь он всю эту правду в суде, да еще стократно усиленную гневным презрением судебной аудитории, то, пожалуй, вряд ли сумел бы стряхнуть ее с себя, выкинуть из памяти. К сожалению, уже ничего не исправить. В суд он не подал. Но, может быть, рассказав о Шебалдине, я этим в какой-то мере сделал то, что мог бы сделать не состоявшийся из-за меня суд.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

наши
консультации

Льготы семьям военнослужащих

Законом о всеобщей воинской обязанности и некоторыми другими правовыми актами семьям военнослужащих установлен ряд льгот. Расскажем об основных из них.

Женам солдат, матросов, сержантов и старшин срочной военной службы выплачиваются пособия на детей в размерах: постоянно проживающим в городах, поселках городского типа, рабочих и курортных поселках, а также в сельской местности, но не связанным с сельским хозяйством, — 15 рублей на одного ребенка и 22 рубля на двух и более детей в месяц; постоянно проживающим в сельской местности и связанным с сельским хозяйством — 7 рублей 50 копеек на одного ребенка и 12 рублей на двух и более детей в месяц. Эти пособия назначаются также на детей курсантов и слушателей военно-учебных заведений из числа военнослужащих срочной службы и гражданской молодежи, находящихся на казарменном положении.

Пособия выдаются женам, с которыми военнослужащие состоят в зарегистрированном браке. В случае расторжения брака военнослужащего срочной службы, установления отцовства по совместному заявлению военнослужащего и матери ребенка или в судебном порядке (как до призыва на действительную военную службу, так и в период прохождения службы) пособие на ребенка назначается и выплачивается матери ребенка, если он проживает вместе с ней. При воспитании ребенка опекуном пособие выплачивается опекуну.

Пособия назначаются по месту жительства семьи военнослужащего срочной службы комиссией при исполкоме районного (городского) Совета народных депутатов. Заявления о назначении пособия подаются военнослужащими срочной службы, матерями или опекунами их детей секретарю комиссии с приложением справки воинской части о нахождении главы семьи на действительной срочной службе, справки домо-

управления или исполкома сельского (поселкового) Совета народных депутатов о месте жительства жены и детей военнослужащего, засвидетельствованных в установленном порядке копий свидетельств о рождении ребенка, заключении (расторжении) брака, постановления об учреждении над ребенком опеки.

Граждане, проживающие в сельской местности, прилагают, кроме того, справку исполкома сельского Совета о связи с сельским хозяйством. Связанными с сельским хозяйством считаются матери детей военнослужащих (опекуны детей), которые входят в состав хозяйства, имеющего приусадебный участок свыше 0,15 га (или свыше другой, более высокой нормы, установленной законодательством для хозяйств рабочих и служащих соответствующей категории).

Исполнительные комитеты Советов народных депутатов обязаны не позднее месячного срока с момента обращения трудоустроить жен, мужа которых призваны на действительную военную службу, и в этот же срок устраивать их детей в имеющиеся детские ясли и сады, независимо от ведомственной принадлежности этих детских учреждений.

Женам генералов, адмиралов, офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы после окончания высшего или среднего специального учебного заведения предоставляется работа по месту постоянного прохождения службы их мужьями при наличии там работы по специальности.

Не прерывает трудового стажа, но не засчитывается в него

время пребывания за границей членов семей военнослужащих, направленных для прохождения службы за границей, если перерыв между днем возвращения в СССР и днем поступления на работу не превысил двух месяцев.

Семьи военнослужащих срочной службы, если в их составе нет лиц, имеющих самостоятельный постоянный заработок, платят квартирную плату наравне с рабочими, имеющими наименьший месячный заработок. Излишки жилплощади, образовавшиеся в связи с призывом члена семьи в Вооруженные Силы СССР, оплачиваются в одинарном размере в течение всего времени прохождения срочной службы.

За семьями офицеров запаса, призванных на военную службу на два-три года, сохраняется жилая площадь на весь период прохождения службы.

В тех случаях, когда законом допускается выселение из ведомственных домов без предоставления жилой площади, семьи лиц, находящихся на службе в Вооруженных Силах СССР, а также семьи военнослужащих, погибших или пропавших без вести при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, не могут быть выселены в судебном порядке без предоставления другой жилой площади.

На время службы лиц офицерского состава, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях за их семьями сохраняется (бронируется) занимаемая ими по месту постоянного жительства жилая площадь. Сохраняется (бронируется) также жилая

площадь за членами семей указанных военнослужащих, получившими разрешение на выезд за границу для совместного проживания с главой семьи.

Нуждающимся в санаторно-курортном лечении членам семей генералов, адмиралов, офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы, состоящих на действительной военной службе в Советской Армии и Военно-Морском Флоте, путевки в санатории и дома отдыха предоставляются с оплатой 50 процентов стоимости путевки. Эта льгота дается членам семьи указанных военнослужащих, внесенным в личное дело: жене (мужу), детям до 16 лет, а учащимся дневных, очных учебных заведений — до 18 лет или старше этого возраста, если они стали инвалидами до 18 лет.

Жены солдат, матросов, сержантов и старшин срочной и сверхсрочной службы, мичманов, прапорщиков, курсантов и слушателей военно-учебных заведений, не имеющих офицерских званий, а также военных строителей военно-строительных отрядов, освобождаются от уплаты налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. От этого налога освобождаются также жены генералов, адмиралов и офицеров, находящихся за пределами СССР. За женами перечисленных военнослужащих эта льгота сохраняется на все время нахождения военнослужащих в лечебных заведениях и в отпуске по болезни, а в случае увольнения с военной службы по болезни — на время увольнения (но не более чем на один год со дня увольнения).

От уплаты сельскохозяйст-

венного налога освобождаются хозяйства колхозников и хозяйств не членов колхоза, член семьи которых, числящийся в составе хозяйства, находится на действительной службе в Советской Армии, Военно-Морском Флоте, в пограничных и внутренних войсках, если в семье не осталось других трудоспособных, кроме жены или матери военнослужащего, имеющей детей в возрасте до 8 лет. Эта льгота предоставляется также хозяйствам, в состав которых входят военные строители военно-строительных отрядов.

Не взимается налог со строений, принадлежащих военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава и их семьям, если в этих строениях не сдаются внаем помещения. От земельной ренты освобождаются земли, обслуживающие строения, освобождаемые от налога со строений.

Право на льготы у семьи возникает с момента призыва члена семьи на действительную военную службу и прекращается со дня увольнения его из Вооруженных Сил СССР, если законом не предусмотрены исключения. В случае смерти военнослужащего его семья сохраняет право на льготы, которыми она пользовалась, еще в течение шести месяцев (если законом не установлены другие сроки).

Исполкомы Советов народных депутатов заботятся о семьях призванных на действительную военную службу и принимают меры к строгому соблюдению законодательства о льготах для этих семей.

А. МЕЛЕНТЬЕВ,
заслуженный юрист РСФСР

**читатель
на приеме
у юриста**

**В. Терентьев
из Целиноградской
области спрашивает,
предоставляются ли
льготы инвалидам
Отечественной войны,
желающим построить
индивидуальные дома.**

Право граждан СССР на жилище, предусмотренное Конституцией СССР, обеспечивается, в частности, содействием индивидуальному жилищному строительству.

Советское государство оказывает значительную помощь гражданам, желающим построить собственные индивидуальные дома. Существенная льгота установлена для инвалидов Отечественной войны, инвалидов из числа

военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте, а также инвалидов из числа бойцов и командного состава истребительных батальонов, взводов и отрядов защиты народа, действовавших в период с 1 января 1944 года на территории Украинской ССР, Белорусской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР, ставших инвалидами при исполнении служебных обязанностей в этих батальонах, взводах и отрядах.

Инвалидам перечисленных категорий, проживающим в сельской местности, с 1 января 1977 года предоставляются беспроцентные ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размере до 1500 рублей, с погашением в течение 10 лет, начиная с третьего года после окончания строительства дома. Это предусмотрено постановлением Совета Министров СССР от 20 декабря 1976 года «О кредитовании индивидуального жилищного строительства в сельской местности». А постановлением Совета Министров СССР от 14 апреля 1977 указанная льгота (порядок и условия выдачи ссуд) распространена и на инвалидов перечисленных выше категорий, проживающих в городах и поселках городского типа.

**А. МЕЛЕНТЬЕВ,
заслуженный юрист РСФСР**

А. Мишина
из Вологодской области
интересует,
кто относится к членам
семьи нанимателя
жилого помещения
и каковы их права
и обязанности.

К членам семьи нанимателя жилого помещения относятся супруг нанимателя, его дети и родители. Другие родственники, а также нетрудоспособные иждивенцы могут быть признаны членами семьи нанимателя, если они проживают совместно с нанимателем и ведут с ним общее хозяйство.

Наравне с нанимателем жилого помещения члены его семьи, проживающие совместно с ним, приобретают права и обязанности, вытекающие из договора найма. Совершеннолетние члены семьи нанимателя несут солидарную с ним ответственность по обязательствам, вытекающим из этого договора. Если граждане, перечисленные выше, перестали быть членами семьи нанимателя (продолжая проживать на той же площади), они сохраняют те же права и несут те же обязанности.

Наниматель (основной съемщик) не имеет каких-либо преимуществ по сравнению с членами его семьи при пользовании жилым помещением. Он представляет семью перед жилищным органом (наймодателем), заключившим с ним договор найма жилого помещения. Каждый член семьи нанимателя, независимо от возраста, заработка, продолжительности проживания в квартире и других обстоятельств, имеет право на равную часть занимаемой семьей жилой площади.

Перед наймодателем все члены семьи нанимателя ответственны в одинаковой мере, и каждому из них, как и основному съемщику, может быть предъявлено то или иное требование в связи с обязательствами, вытекающими из договора найма жилого помещения.

С. НИКОЛАЕВ,
юрист

**В каком размере
выплачивается пособие
по временной
нетрудоспособности
инвалидам**

Отечественной войны?

И. Баранов,
Татарская АССР.

Работающим инвалидам Отечественной войны, если они являются членами профсоюза, пособие по временной нетрудоспособности выдается в размере 100 процентов заработка независимо от непрерывного стажа работы.

Инвалидам Отечественной войны, не состоящим членами профсоюза, пособие по временной нетрудоспособности выдается в размере 50 процентов заработка.

Н. ПОНОМАРЕВА,
юрист

**Засчитывается ли
в непрерывный
трудовой стаж
время службы
в Советской Армии?**

**В. Горюнов,
Чечено-Ингушская АССР.**

Служба в составе Вооруженных Сил СССР, в органах Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерства внутренних дел СССР, в народном ополчении и партизанских отрядах засчитывается в непрерывный трудовой стаж, если перерыв между днем освобождения от службы и днем поступления на работу или учебу в

высшее или среднее специальное учебное заведение (в том числе на подготовительное отделение), в аспирантуру, клиническую ординатуру, на курсы, в училище или школу по повышению квалификации, переквалификации и подготовке кадров не превысил трех месяцев.

Это предусмотрено Правилами исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию, утвержденными постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1973 года.

**Н. ПОНОМАРЕВА,
юрист**

**Включается ли
в общий стаж работы,
дающий право на пенсию,
период военной службы?**

**П. Говорухин,
Алтайский край.**

В общий стаж работы засчитывается служба в составе Вооруженных Сил СССР и пребывание в партизанских отрядах; служба в войсках и органах ВЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, Министерства охраны

общественного порядка СССР, министерств охраны общественного порядка союзных республик, Министерства внутренних дел СССР, министерств внутренних дел союзных республик; служба в органах милиции.

Это установлено Положением о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1972 года.

**Е. АНДРЕЕВ,
юрист**

БЕЗЗАКОНИЕ, ВОЗВЕДЕННОЕ В ЗАКОН

(По страницам американской печати)

«АМЕРИКАНСКАЯ ФЕМИДА ПЕРЕД СУДОМ» — так называлось выступление по американской телевизионной станции Эй-Би-Си известного юриста Роберта Мак-Кей. Америка переживает эру страха, говорил Мак-Кей. Забаррикадированные входы в жилища не спасают людей от страха перед нападением. Каждый американец живет под угрозой стать жертвой насилия: ведь только за прошлый год в стране совершено более одиннадцати миллионов тяжких преступлений, и лишь в одном из пяти случаев следовал арест правонарушителей.

Тот же Мак-Кей утверждает в еженедельнике «TV», что преступность гнездится не только в больших городах, как считалось в прежние времена, но и в маленьких населенных пунктах, пригородах и сельской местности. «Ни в одной из так называемых цивилизованных стран,— пишет далее Мак-Кей,— уровень преступности не достиг столь высоких показателей, и там не знают такой ужасающей жестокости. Риск быть ограбленным в Соединенных Штатах в сто раз выше (подчеркнуто Мак-Кеем.— В. Л.), нежели в Японии».

Количество заключенных в американских тюрьмах в пропорции к численности населения в десять раз выше, чем в некоторых странах Западной Европы. Более 250 тысяч человек отбывают сроки в американских тюрьмах и приблизительно столько же находятся либо временно под стражей, либо в ожидании суда.

Сотни тюрем переполнены, и многие из них в столь жалком состоянии, что некоторые судьи даже осмеливаются заявлять протесты. Федеральный окружной судья в Алабаме потребовал контроля над всей пенитенциарной системой штата. Были обнаружены, как заявлено в акте обследования, «нечеловеческие условия содержания заключенных — людей размещали на полу в коридорах рядом с отхожими местами... Насекомые в пище... Разгул жестокости и атмосфера джунглей».

Пример Алабамы, заявил Мак-Кей, далеко не единственный. Но самое тревожное то, что американская система наказания никак не способствует исправлению преступника. Вот почему пышным цветом процветает рецидивизм. За последние четыре года 74 про-

цента лиц, выпущенных из тюрем, были арестованы за новые преступления.

Серьезными причинами роста преступности в Соединенных Штатах Мак-Кей считает бедность, расизм, невежество. Более трех четвертей обвиняемых только в одном Нью-Йорке, главным образом черные или пуэрториканцы, не в состоянии оплатить услуги адвоката. Почти половина отбывающих наказание в американских тюрьмах неграмотны. А когда они выходят из мест заключения после отбытия срока, то многие не могут найти себе работу: в большинстве американских штатов действуют законы, запрещающие допускать бывших заключенных к ряду занятий.

Между тем, сетует Мак-Кей, юстиция, призванная бороться с насилием, находится далеко не на высоте. И эта проблема не случайно занимает умы многих и многих американцев.

Журналист Ричард Гаррис обследовал американские первичные суды и опубликовал серию статей на эту тему в журнале «Нью-Йоркер». Вот некоторые зарисовки, сделанные им с натуры.

Считается, пишет Гаррис, что Бостон — наиболее «цивилизованный» из всех городов Соединенных Штатов. Вот почему, объективности ради, он начал свои исследования именно там.

«Главный судья Элайджа Эдлоу,— рассказывает Гаррис,— находясь на посту председателя муниципального уголовного суда Бостона в течение 45 лет, рассмотрел столько уголовных дел и повидал столько правонарушителей, что, пожалуй, не найдетсЯ ему равного. Впрочем, этот опыт не сделал его мизантропом. Наоборот, он явно получает удовольствие от своей деятельности, как и зрители, заполняющие каждый день зал заседаний. В основном это старики-пенсионеры, которые предпочитают «спектакли» судьи древним фильмам по телевизору.

Довольны и местные газетные репортеры: они знают, что если день не сулит особых сенсаций, то судья всегда подкинет и материала, какой любят читатели. Репортеры любят его грубым, старомодным отпращиванием правосудия, хотя кое-кто из коллег судьи Эдлоу считает, что оно пригодно скорее для постановки сцен суда на телевидении.

Один видный бостонский юрист сказал: «Для судьи Эдлоу не существует ни конституции, ни судебных тонкостей, таких, как предварительное следствие, презумпция невиновности или свидетельские показания. У него один закон — время... Сам судья хвастливо утверждает, что он работает быстрее всех своих коллег. Возможно, так, хотя и другие пользуются точно такими методами».

«Эдлоу колоритнее остальных,— заметил другой юрист, который выступал много лет адвокатом в заваленных делами первичных судах Бостона,— но Эдлоу совершенно типичен. Он представляет систему, практикуемую во всех уголовных судах Америки, где царит произвол, но не закон».

При всем разнообразии дел судья Эдлоу редко заседает более трех часов и ничего не оставляет на следующий день. Он сумел отбить у адвокатов охоту создавать помехи или просить об отсрочках. Он фактически изгнал всю адвокатуру из Коллегии защиты неимущих тем, что полностью игнорирует ее требования, даже та-

кие элементарные, как разрешение адвокату познакомиться с подзащитным хотя бы за несколько минут до слушания дела.

«И вот, летним утром,— повествует далее Гаррис,— я вошел в зал Бостонского муниципального суда. Почти все 120 мест уже были заняты; примерно четверть присутствующих составляли зрители, остальные были так или иначе связаны с делами, назначенными к слушанию. После возгласа судебного пристава: «Суд идет. Прошу встать!» — задняя дверь отворилась и вошел судья Эдлоу, старик лет семидесяти пяти. Пока он, исполненный сдержанной, но какой-то милостивой важности, усаживался в кресло, клерк уже назвал первую фамилию. В тот же миг из-за двери позади скамьи подсудимых возник беззубый седоватый человек с невообразимо грязным лицом, в рваной измазанной футболке. Он был арестован за появление в нетрезвом виде в общественном месте.

— Есть у вас адвокат? — осведомился судья.

— Нет, сэр,— ответил арестованный.

— Вам нужен адвокат?

— Нет, сэр. Я признаю себя виновным.

Вероятно, этот человек не впервые стоял перед судом и знал, что, заяви он о своем праве иметь защитника, ему влепят сверхстрогое наказание. Судья разглядывал его несколько мгновений, потом молвил:

— Если бы не ваш страшный вид, я бы вас отпустил.

— Я могу помыться,— обрадовался подсудимый.

— Вы бы этого не говорили, если бы знали, во сколько обходится государству отмытие такой грязи,— отпарировал судья под смех публики, судебных конвоиров и семерки адвокатов, рассеявшихся в первом ряду в ожидании клиентуры.

Заглянув на миг в лежащие перед ним бумаги, судья изрек, что подсудимый не выдержал предыдущий условный приговор и теперь должен отсидеть шесть месяцев в колонии.

Через полминуты перед ним уже стоял второй — средних лет негр, тоже задержанный за пьянство.

— Я тебя в прошлом месяце три раза наказывал. Пять суток тяжелых работ,— произнес судья.

Подсудимый попросил дать ему еще один, последний шанс, и судья, пожав плечами, согласился повторно на шесть месяцев условно. Конвоир отпер стальную дверцу в барьере, отделяющем скамью подсудимых от зала, и человек, ухмыляясь, выбежал.

Обратившись к публике, судья заметил:

— Хоть кто-нибудь здесь чувствует себя счастливым. Впрочем, завтра он снова будет тут.

Следующей оказалась девушка-черная, в красных шортах и белых сапожках, накануне задержанная сотрудником отдела по борьбе с преступностью, которому она на улице делала недвусмысленные предложения. В полицейском участке ее выпустили под залог в пятьсот долларов, за что она уплатила поручителю * 25 долларов. Судья, устремив взгляд на окно, спросил:

* В американских полицейских участках и судах обычно толкуются представители «контор поручителей», вносящие под громадные проценты залог за арестованных, которых выпускают до суда на свободу.

— У вас есть адвокат?

— Подумываю нанять,— хмуро ответила она.

Эдлоу повернул к ней лицо.

— А когда надумаете и дадите нам знать?

— Этим займется моя мать.

— Дело откладывается на неделю,— объявил судья, снова отвернувшись от подсудимой.

Затем была вызвана стриженная женщина лет тридцати в узких обтягивающих брючках, клетчатой кофте и шлепанцах. Она обвинялась в вооруженном грабеже и нанесении увечий. Ее выпустили под залог в десять тысяч долларов. С ней явился адвокат, который попросил отложить суд на неделю и снизить сумму залога.

— Вы что, думаете, у нас тут лотерея? — грозно воскликнул судья.— Сколько денег похитила обвиняемая?

Ему ответили: шестьсот долларов, и при этом она избила восьмидесятилетнюю старуху. Вот пусть и платит залог из похищенных денег или посидит в тюрьме,— решил судья. Адвокат попытался сострить, заявив, что ей будет скучно сидеть в тюрьме, и судья тут же возразил:

— Пусть пишет там диссертацию.

Это снова вызвало смех в зале, но Эдлоу, и сам тоже развеселившись, неожиданно снизил вдвое залог и отложил дело.

Следующее дело было о проституции. Перед судьей предстала худенькая белая женщина не первой молодости. У нее не было адвоката. Она и не просила об этом, признав себя виновной.

— Чем вы занимаетесь, когда не гуляете по панели? — спросил судья.

— Работаю воспитательницей в детском саду.— Ее ответ вызвал хохот, и женщина поспешила добавить: — Но этому я детей не учу.

Судья дал ей шесть месяцев условно, и она ушла, заработав судимость.

Затем разбиралось серьезное дело: вооруженное ограбление и угон автомобиля. Обвинялась пара молодцов-белых, длинноволосых, элегантно одетых.

— У вас есть адвокат? — задал судья стереотипный вопрос.

— Был приглашен, но что-то его не видно,— ответил один из подсудимых.

— Значит, плохо договорились насчет оплаты,— раздраженно комментировал Эдлоу.— Но мы не можем ждать его вечно. Могу вам назначить другого.

Поискав глазами и не обнаружив адвоката, подсудимые согласились с предложением судьи. С их стороны это было предельным легкомыслием, учитывая возможный приговор — пять лет тюремного заключения только по первому обвинению.

В первичных судах никакой протокол не ведется, и если обвиняемый не приносит с собой магнитофона или не приглашает за свой счет стенографистку, адвокату впоследствии не на что ссылаться в апелляции к высшей инстанции.

Судья выкрикнул фамилию «дежурного стряпчего». Из первого ряда с усилием поднялся седой старик с трясущимися руками и проковылял к секретарю. Взяв у него папку с делом, он вышел с

подсудимым в коридор — подготовить, если можно так сказать, защиту.

Другого адвоката судья назначил для «защиты» следующего — похитителя двух телевизоров. Я проверил по своим часам: его совещание с подзащитным длилось девять минут. Ввели в зал подсудимого. Полицейский, выполнявший одновременно роль главного свидетеля и обвинителя, заявил, что он получил ордер на обыск в квартире, где подсудимый снимает комнату. Там обнаружен один из телевизоров. Кстати, о втором телевизоре уже и речи не было. Подсудимый якобы сказал полицейскому, что купил аппарат у неизвестного на улице и отдал квартирной хозяйке в частичный расчет за просроченную квартплату. Не был вызван в суд потерпевший, у которого похитили телевизоры, не было подтверждено, что тот опознал их, не потребовали, чтобы в качестве свидетельницы явилась квартирная хозяйка. Видимо, эта элементарная в любом уголовном деле процедура отняла бы у судьи слишком много времени. Что же касается адвоката, то сей господин ни против чего не возражал и ничего не требовал. Пошептавшись с подзащитным, он объявил, будто клиент утверждает, что действительно купил телевизор за 35 долларов и отдал хозяйке в счет долга.

— Он что, не понимал, откуда у того типа телевизор? — хмыкнул судья.

— Конечно, это было неосмотрительно с его стороны, ваша честь, — согласился адвокат.

— Скромно сказано, — парировал судья. — А где ты взял 35 долларов? — обратился он к подсудимому.

— В отделе пособий.

Подсудимый не был предупрежден, что, согласно американской конституции, он не обязан отвечать на подобные вопросы. Впрочем, в тот день в Бостонском муниципальном суде конституция нарушалась неоднократно.

Судья помедлил, потом изрек: шесть месяцев в исправительной тюрьме. Пошептавшись с подзащитным, адвокат заявил суду, что приговор не будет обжалован. И судья Эдлоу ничуть не удивился...

По закону штата Массачусетс все приговоры первичных судов могут быть обжалованы. В действительности же только два процента уголовных дел обжалуются: чтобы не загружать вышестоящие инстанции, судьи в первичных судах намеренно уменьшают сроки наказания. Таким образом, перед подсудимым стоит выбор: либо признать себя виновным и отделаться сравнительно легким наказанием, не обременяя в дальнейшем машину правосудия жалобой, либо рискнуть апеллировать и, возможно, заработать даже более строгий приговор.

К тому же, если человек беден, как почти все судимые в уголовном порядке, то, не имея средств на внесение залога, он вынужден многие месяцы просидеть в тюрьме в ожидании нового процесса. Играет роль и подсказка адвоката, особенно из числа тех, кого назначил судья, даже если защитнику понятно, что человек невиновен. Одним словом, хотя американец, очутившись на скамье подсудимых, теоретически имеет известные права, например на юридическую защиту, перекрестными допрос свидетелей,

возможность апеллировать к суду присяжных, тем не менее его судьба фактически целиком и полностью в руках судьи...»

С чисто репортерской дотошностью Ричард Гаррис воспроизводит все заседание муниципального суда.

«Провернув» за два с четвертью часа 24 дела, судья закончил заседание в 11 часов 45 минут.

Последнее дело оказалось самым серьезным, но и быстрее других рассмотренным. Двое хорошо одетых молодых людей, белых, признали себя виновными в том, что они ограбили закусочный павильон, угрожая игрушечным пистолетом, заперли четырех служащих в холодильную камеру и, похитив четыре тысячи долларов, скрылись. В награду за признание судья тут же изменил им статью. Вооруженное ограбление стало называться «хищением и судебным наказуемым проступком», что повлекло неокончательный приговор — до двух с половиной лет в исправительной тюрьме...

В том же Бостоне я посетил Дорчестерский суд, в районе, населенном главным образом негритянской беднотой. В зале я познакомился с представителем коллегии защиты неимущих Майклом Мелленом. Защитник, указав на гору папок, пояснил, что сегодня ему, как обычно, предстоит выступать по двадцати пяти делам, хотя он едва имел время полистать их.

«Меллен рассказал,— пишет далее автор,— что у полицейских на ночном посту есть такая «игра» — незаконно арестовывать людей и наутро получать по 22 доллара за каждого приведенного в суд. Если им приходится иногда пробыть в суде более трех часов, то выплачиваются «сверхурочные» — восемь долларов в час. Многие чины полиции ведут такую «игру» каждую ночь, зарабатывая таким способом три-четыре тысячи в год. Только в Дорчестерском суде бывает до шести ложных приводов ежедневно.

Меллена то и дело вызывали в зал заседаний, а в перерывах он выбегал на площадку «консультировать» своих подзащитных».

Гаррис посетил еще один зал заседаний в том же суде, где председательствовала пожилая дама — судья Скотт. Гаррис слышал о ней и раньше. Говорили, что она отнюдь не друг негров и пуэрториканцев.

Белых девушек-воровок она отчитала и отпустила с условным приговором. Белого парня, похитившего автомашину и совершившего наезд в пьяном виде на полицейского, Скотт приговорила по двум статьям к двум годам условно. Кто-то в зале прокомментировал приговор:

— Черного она бы так не выпустила!

Гаррис посетил и «вовсе черный» Роксбери, где беседовал с директором и основателем местного комитета адвокатов, защитником-негром Уоллесом Шервудом. Повидав воочию, какую защиту имеет бедный люд в судах и как капризно ведут себя судьи, Гаррис высказал ему мысль, что судьбу простого человека, привлеченного к суду, определяет не закон, а набор случайностей. Шервуд это подтвердил:

— По своему опыту скажу, что с нашими подзащитными обращаются весьма паршиво, ничуть не по закону. Представьте, где-то что-то случилось. Полицейский подходит к человеку, который кажется ему подозрительным, и начинает допрос. Слово за слово, воз-

никает спор, и полицейский тащит его в участок. А там — давай залог, если не хочешь ночевать за решеткой, хотя требовать залог нет никаких оснований. Зато на этом обогащаются поручитель и полицейский чин, получающий с поручителя взятку. Люди, вызванные в суд, являются и без залога, если не больны или не получили повестки. Они приходят, и их встречают надменный судья, хамы-клерки, грубияны-полицейские, злобствующий прокурор. А человек способен все простить, только не поправление своего достоинства.

Какое это правосудие? Правосудие предусматривает презумпцию невиновности с самого начала, однако каждый представший перед судьей заранее считается виновным. Единственно, кого здесь обласкивают, — это полицейских осведомителей. У меня есть клиент, которого четырнадцать раз арестовывали. Это закоренелый преступник, который всегда выкрутится и без меня, ибо он доносчик, и судье это известно. Он будет, как прежде, совершать преступления, и это тоже заранее известно. Выпуская его на свободу, судья тем самым дает ему право грабить и калечить людей.

Шервуд повел Гарриса в местный суд, где на верхнем этаже разместилась клиника судебной экспертизы — самая крупная из двадцати четырех подобных клиник в штате Массачусетс.

«— Если несколько лет назад к нам направляли до 225 человек в год, то теперь мы ожидаем более тысячи. Между тем мнение врачей таково, что большинством этих людей должны заниматься не полиция и суды, а специальные учреждения, где лечат наркоманов, органы социального обеспечения. Их недуги вызваны бедностью, необеспеченностью, драками, пьянством.

В зале, в кресле судьи, восседал очень древний старец, Сэмюэль Эйзенштадт, один из четырех судей районного суда Роксбери. Присудив юношу-негра к двенадцати месяцам тюрьмы, он с кривой усмешкой заметил адвокату этого юноши:

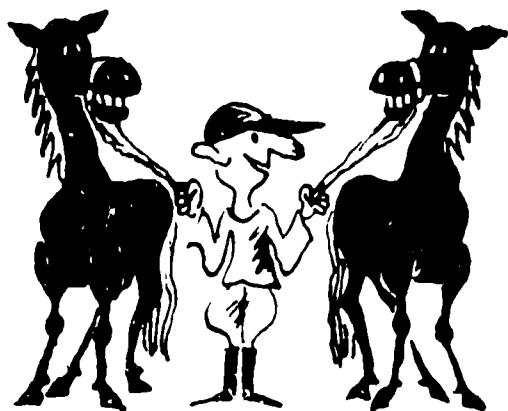
— Не доводите себя до язвы желудка жалостью к этим ворам!»

«Один бостонский юрист, — пишет далее Гаррис, — говорил мне:

— У нас есть и хорошие судьи, но есть и такие, которым не место на этом посту. Как правило, судьями становятся бывшие прокуроры, бывшие полицейские, бывшие чиновники, бывшие боссы обеих партий. Многие из них были прежде мелкими стряпчими, зато с большими связями, а кое-кто — просто жуликами за неделю до того, как надели мантию судьи. Многие из них не уважают человека и не интересуются ни его характером, ни его будущим. А кроме того, многие — откровенные ханжи. Им дела нет до закона, подчас потому, что они считают себя не слугами закона, а его хозяевами. И даже жалоба в вышестоящий суд не влияет на их поведение, ибо в наших районных судах не ведется протокола и жалоба может означать только новое слушание дела, но вовсе не рассмотрение того, как решал его судья в первой инстанции».

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

КОГДА ЗНАТОКИ НЕ ПОВЕРИЛИ ГЛАЗАМ СВОИМ

Нью-йоркская полиция расследует самое крупное мошенничество в истории местного ипподрома Бельмонт.

Один из заездов на скачках неожиданно выиграл пятилетний жеребец по кличке Лебон, незадолго до этого купленный в Уругвае, где он слыл безнадёжной посредственностью. Двадцать четыре ставки, сделанные на Лебона в тотализаторе, принесли куш общей суммой в 87 000 долларов.

Фотография победителя этого «рекордного» заезда дошла до Монтевидео, столицы Уругвая. И там местные

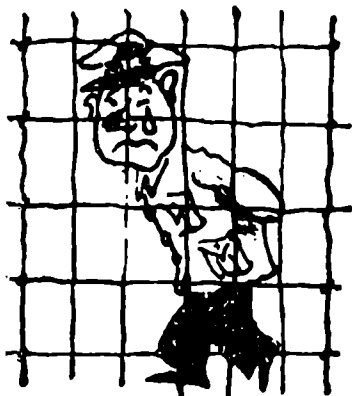
любители лошадей всполошились: выиграл заезд, оказывается, не Лебон, а очень похожий на него четырехлетний жеребец Чинзано, победитель многих скачек в Уругвае. Обе лошади были одновременно приобретены неким Джеком Морганом и вывезены в Нью-Йорк. При соучастии ветеринарного врача Марка Джерарда владелец подменил лошадей.

БЕДНОЕ ЖИВОТНОЕ!..

В Гетеборге (Швеция) предстал перед судом рыбак Нильс Дагерхольм, избивший жену. Но приговорили его к штрафу в тридцать крон за... издевательство над животным. Дело в том, что избивание жен в Швеции не наказуется. Но Дагерхольм колотил супругу... живым угрем. А животных шведский закон защищает.

ТАМ И ЗАПОРЫ БЕССИЛЬНЫ

За последние 10 лет более 2000 заключенных бежали из тюрем Таиланда. Однако освобожденные ими места в камерах тут же занимают... их тюремщики. Только в прошлом году 381 чиновник и служащий исправительных учреждений Таиланда попали под следствие по делам об этих побегах. Шестьдесят процентов из них были признаны соучастниками и отправлены в тюрьму.

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

У тех, кто на штрафы расходует тыщи,
Ни совесть, ни дым не становятся чище!
А умный хозяин дымы очищает,
При этом из дыма рубли получает.

Художник И. ФРИДМАН.

Стихи А. ВИНУКОВА.

Они который год подряд
Пускают в небо дым и чад.
Давно ударить бы пора нам
Тех «дымокуров» по карманам!

Художник — заслуженный деятель искусств М. АБРАМОВ.

Стихи И. ЛАШКОВА.

